

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

1/2014

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

В. В. КАДЫРОВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой обложке: картина
Петра Куринских «Портрет любимой»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 1/2014

ПРОЗА

- Андрей Рябченко. **Везде чужие. Повесть** 5
- Владимир Федоров. **Феврония Тяньшанская. Кокубай из Кочкорки.**
Рассказы 62
- Олег Бондаренко. **Великий и ужасный. Женщина плачет - Шарик**
улетел. Особенности национальной воздушной лотереи.
Продавец шляп . Рейс триста тридцать десять.*Рассказы*..... 105

ПОЭЗИЯ

- Дмитрий Сагайдак. **Неотправленные письма. Стихи** 134
- Кристина Убайдуллаева. **Пьеса для двоих. Стихи** 142
- Анэс Зарифьян. **На Земле Обетованной. Стихи** 148

ПУБЛИЦИСТИКА

- Вячеслав Александров. **Жизнь на волоске. Панорама с крыши**
мира 159

КУЛЬТУРА

- Валентина Воропаева. **«А душу твою люблю я еще более твоего**
лица» 186
- Георгий Хлыпенко. **Библиографический список книжных изданий**
писателей Кыргызстана, создающих произведения на русском
языком, за 2010-2013 годы 218
- Коротко об авторах** 222

ПРОЗА

Андрей РЯБЧЕНКО

ВЕЗДЕ ЧУЖИЕ

Повесть

*...вокруг чужая земля
Господи воля Твоя
горька чужая земля плоть чужого зерна
держу бессловесный пост
один как камень со звёзд
чужой здесь даже погост...*

В. И. Шаповалов. «Чужой алтарь»

Глава 1

– Ну, и как тебе пьеса? – спросил Алексей у своего приятеля, проходя вместе с немногочисленным людом сквозь белые пластиковые двери театра. – Что, совсем никак? Неужели так уж прямо и никаких эмоций?

– Ладно, ладно, сдаюся! Ты сумел меня убедить в том, что театр ещё не совсем умер... он только на пути к этому, – отшутился приятель. – Но ты заметил, что в зале было всего человек пятьдесят?

– Ну, заметил. Но это не показатель...

– Как же не показатель? Здесь театр, по сути, уже и не нужен, потому что на его спектакли ходить почти некому.

– Эх, Толик, ты не прав! Почему это некому? Ты так говоришь, будто Бишкек пустыня и тут никто не живёт.

– Я имею в виду, что скоро русскоязычные спектакли никто не будет понимать. Потенциальной аудитории не станет. Русскоговорящий люд стремительно убывает...

– Да ну тебя! Снова ты заводишь вечную волюнку о переезде. Моя семья, например, никуда не собирается. Нам здесь нравится!

– Дело не в том, что нравится или не нравится, а в том, как здесь жить русскому человеку...

Друзья вместе спустились по мраморным ступеням Русского драмтеатра и направились в сторону оживлённой улицы, где ходил общественный транспорт. Хотя время было позднее, надежда, что им повезёт, оставалась.

– Ты видел, как сыгрались дуэтом Отелло и Яго? – Алексей перевёл неприятный ему разговор на другую тему. – А ведь актёры начинающие... – он глянул на друга. – Ты меня вообще слушаешь?

– А? Да-да, слушаю. Но, знаешь, мне больше приглянулись не твои Отелло с Яго, а Дездемона.

– Ты что? – Алексей удивлённо поднял брови. – По-моему, она сегодня явно не дотянула. Ты не заметил, что ей не хватило... как бы это сказать... страсти! В ней не было убедительности, чтобы стать вровень с Отелло. Хотя, ты оценивал, как всегда, в девушке вовсе не её игру.

– Уж простите великодушно, – друг на ходу обернулся к Алексею. – Но, согласись, что Дездемона была хорошенькая, а? А?

– А теперь я сдаю: ну, хорошенькая! Так ведь от спектакля должен быть катарсис! Понимаешь?

– Что должен быть?

– Взрыв души, эмоциональная разрядка от пьесы. Катарсис! Чтобы слёзы ручьём у всех в зале. А здесь этого не было. Но, если честно, по сравнению с прочими водевилями и фарсами, что идут в основном сейчас, – это была вещь!

– Вещь? Да ты помнишь, как в прошлый раз меня сюда притащил? И что? Сам же ушёл после первого акта!

– Вот я и говорю, что сегодня нам повезло. Бывает, ходишь на пять, десять спектаклей подряд, и такая пошлость и примитивность, что, кажется, – всё! Баста! Сюда я больше не езду! А потом забегаешь на одиннадцатый и всё прощаешь своему любимому театру.

Постепенно за разговором приятели вышли к оживлённому центральному проспекту.

– Усё, друже, на сегодня мы с тобой расстаёмся, – друг протянул руку Алексею.

– В смысле? А ты куда?

– А я сегодня договорился встретиться с одной знакомой девушкой, ну, очень похожей на Дездемону, так что тебе придётся идти одному.

– Мог бы и предупредить. Так ты наверх? – И получив утвердительный ответ, продолжил: – Тогда, давай, до встречи.

Приятели пожали друг другу руки. Алексей пошёл вниз по Советской, которую, хоть и переименовывали ее уже раза четыре, горожане всё продолжали звать на старый лад. Минут через пять он свернул на проспект, где ходил нужный ему транспорт. Простояв на остановке минут пятнадцать, он понял, что ждать дальше нет смысла. Становилось поздно, и вероятность появления маршрутки или троллейбуса таяла с каждым оборотом секундной стрелки.

«Неудачный день! И где все эти маршрутки? Вечно так: когда надо, их не дождёшься. Придётся добираться до дома пешком. Главное – не словить кучу ночных неприятностей», – подумал про себя Алексей.

Выждав ещё пару минут, он двинулся в сторону дома по проезжей части дороги, все еще надеясь поймать попутную маршрутку. А заодно не попасть в поле зрения местных парней, промышляющих ночным разбоем.

Улица Тыныстанова пройдена. Алексей спешно шагал, то и дело оборачиваясь, чтобы не упустить какой-либо транспорт.

«Нужно не забыть завтра же написать заметку в университетскую газету, а лучше собрать всю группу, да прийти вместе на постановку... А хорошо бы сделать и то, и другое», – подумалось Алексею.

«Этого мне только до полной радости не хватало!»

На пересечении двух проспектов: Эркиндик и Жибек Жолу стояла небольшая группа молодёжи. Такой встречи он как раз весь вечер и опасался. Алексей не был слабаком, в герои тоже особо не лез. Но столкновение с пятью агрессивными настроенными типами для него ничем хорошим закончиться явно не могло.

«Твою ж... Хоть бы не заметили... Вроде у них в обработке уже кто-то есть. Сейчас выколотят из мужика всё, что найдут, повезёт, если целым останется. – Алексей ускорил шаг. – И вмешиваться бесполезно, обоих отметелят, это уж совершенно точно... Вот жизнь...»

Наконец, Эркиндик был благополучно пройден, у гопников

уже была своя жертва, и Алексея то ли не заметили, то ли не захотели распылять силы на двоих. Оставалось последнее, оболюбванное гопотой место для наездов – улица Орозбекова, минуя которую он уже почти был дома, в своём районе, где опасаться уже нечего.

«Неужели всё-таки пронесло – шёл, то и дело оборачиваясь, Алексей. – Хм, да я везунчик!»

– Эй, акмак, бас бери!¹

Слова прозвучали из ночной пустоты, откуда-то с обочины, из-за баков с мусором.

– Эй, сени, эмне ушук алып кеттиби? Кимге айтыпжатам, бери бас деп?!²

Каждое слово будто впечатывалось в мозг. Его знаний киргизского языка хватило лишь на то, чтобы понять: требуют подойти. Что говорили ему дальше, Алексей не понимал.

Парней было не так уж и много – четверо. Впрочем, будь их вдвое меньше, легче Алексею от этого не стало бы. И здесь он сделал первую ошибку: сошёл с дороги и приблизился к тому, кто его окликал.

– Э-э-э, я могу вам чем-то помочь?

Раздался взрыв хохота, двое из компании встали позади Алексея, двое – напротив него. Главный, что был по центру, протянул руку Алексею, тот поспешил её пожать, приняв жест за дружественный. В этом была его очередная ошибка.

– А, сен өзүн кайдан болосун?³

Знаний киргизского языка, что преподавали одиннадцать лет в школе и еще два в университете, Алексею явно не хватало. О намерениях парней он мог судить только по их жестам и выражению лиц.

– Так я могу чем-то вам помочь?

– Э-э-э, мен сага жакшы элекелип салам бердимго, а сен эмне жоопбербейсин?⁴

– Послушайте, извините, но я вас не понимаю...

– Түшүнбөйт ал, сен түшүнбөгөнүгдү биз билебиз, орус ит!⁵

Единственное, что понял на этот раз Алексей, было «орус» и «ит» – собака», а значит, вопрос из плоскости ночного разбоя

¹ Эй, придурок, иди сюда! (кирг.)

² Эй, ты, оглох, что ли? Кому говорят, иди сюда?! (кирг.)

³ Ты с какого района будешь? (кирг.)

⁴ Э-э-э, я к тебе как к нормальному пацану, а ты как ко мне?(кирг.)

⁵ Не понимает он, сейчас ты всё у меня поймёшь, русская собака! (кирг.)

перешел в горизонталь национальностей. И это было совсем плохо.

– Щас я те, сука, всё объясню!

Последовал мгновенный толчок в солнечное сплетение. Согнувшись от боли, Алексей чуть не упал. Он не мог даже вздохнуть, не то, чтобы отвечать.

– Запомни: это моя страна, убирайтесь отсюда все!

Следующий удар пришёлся в корпус, после чего Алексей оказался уже лежащим на замусоренной земле, пытаюсь руками и ногами поставить блок, как-то защититься от ударов.

– Все вы: русские, евреи, узбеки, – только обдираете мой народ... Суки!

Дальнейшего Алексей уже не слышал, так как потерял сознание.

Минут через тридцать к мусорному баку подъехал автомобиль, из которого вышел мужчина – выбросить пакеты с отходами. Избавившись от мусора, он остановился у машины и закурил. Спустя две затяжки он заметил позади вонючих баков парня.

«Нажрался, сволочь, такой молодой, а уже валяется!» – и уже хотел выбросить сигарету и сесть в машину, но вдруг заметил на лице лежащего кровь, струйкой стекающую по скуле. Спустя четверть часа приехала «скорая помощь», вызванная мужчиной по сотовому телефону.

Дежурной в этот день по Бишкеку была первая городская клиническая больница, что на улице Фучика. Туда и привезли Алексея. Высокий лысоватый врач в приёмном блоке спросил у молодого фельдшера из «неотложки»:

– Снова разбой?

– Да, байке. Нас вызвал мужик какой-то, сказал, что случайно увидел вот этого, обещал дождаться. Когда приехали, никого, кроме парня, уже не было. Лежал почти в самой мусорной куче... В РОВД по дороге мы сообщили, так что скоро они подъедут.

– А как парня зовут, не выяснили?

– Так он же без сознания. Да и некогда было, пока кровь останавливали – и так много потерял... Да и, скорее всего, обчистили его. Пусть РОВД этим занимается.

– Ладно, принимаю, потом разберёмся.

Фельдшер, подписав все бумаги, ушёл в машину «скорой»,

спешащую на новый вызов. Врач велел сестрам глянуть в карманах Алексея: есть ли там что-нибудь, что могло бы подсказать его имя. К их удивлению, из кармана они достали мобильный телефон, немного денег и студенческий билет.

– Что ж, не ограбили его, что ли? Такие нам пока не попадались. Зачем избили-то? Может, по пьяни подрался? Да нет, вроде, алкоголем не пахнет.

Прочитав фамилию в студенческом билете и найдя в сотовом телефоне номер под именем «мама», врач набрал его.

– Так не положено же, Мелис Турдубекевич!

– Ничего. Оттого, что мать узнает сейчас, а не через два часа от милиции, будет только лучше. Время-то позднее.

Врач подождал шесть гудков, пока трубку подняли:

– Алло... Вы мама Алексея? Вы не беспокойтесь, вам звонят из первой городской больницы. Алексей у нас. Вам надо приехать...

Глава 2

– Батько едет! Батько едет!

С края села, из-за последней хаты, покосившейся от времени, но при этом старательно выбеленной, что так явственно отличает домики Малороссии от любых других жилищ, бежал, крича во всё горло и перепрыгивая через лужи, малец лет семи-восьми.

– Мама, мама, татко едет, я сам... я першим увидел!

Мальчик вбежал через деревянные ворота во двор большого дома, со всех сторон обнесённого добротными хозяйственными постройками, влетел на высокое дубовое крыльцо и бросился в комнату, где к этому времени, а солнце уже почти зашло за край горизонта, собралась на ужин большая часть семьи.

– Ну, и слава Богу, пора бы уж. Пойдёмте, отца встретим, – и мать, высокая, красивая, несмотря на возраст, женщина, поманула всех властной рукой за собой во двор.

С крыльца спустились встречать хозяина все, кто был в доме. Здесь стояли четверо сыновей. Старший Михаил имел густую окладистую бороду, уже почти под стать отцовской, младший Егорка не переставал твердить всем, что именно он первым заметил родителя. На крыльце держались за балки навеса три дочки, которые вышли из дальних комнат дома. Здесь же ждали хозяина и несколько девок, переглядывающихся со скотниками, что оказались рядом и пришедших встретить почтенного Кузьму

Абрамыча, в здешних краях слывшего самым богатым купцом. Прислонились к стенам бревенчатого амбара и пара старух, вроде как и приживалок, но полезных: то в готовке, то в пригляде за ребятнёй, а то и в присмотре за ретивыми скотниками и влюбчивыми молодухами.

А по селу неслась запряжённая двойка, на бричке которой, самостоятельно управляя и подстёгивая кнутом ход коней, стоял Кузьма Абрамыч. Каждый пеший поспешно уступал ему дорогу, да ещё не забывал поклониться, что остроглазый купец каждый раз подмечал. Нынче, думалось ему, так и барина не встречают, впрочем, его уже и нет после вольной реформы. Осталась только усадьба, но и к ней Кузьма Абрамыч который уж год присматривался, собираясь купить, да только старый хозяин противился.

– Тпру, любая, стой! – наконец, двойка вбежала во двор и на землю спрыгнул крепкий, невеликого роста купец. Тут же все зашевелились: Егорка бросился к отцу, крича о своём успехе, скотники кинулись распрягать лошадей, старшие дети тоже двинулись навстречу.

– Ну, навёз я вам дарунков, сейчас получите! Чай, соскучились, а? Или пусть бы там и оставался, пень старый, – дочки обнимали отца, сыновья тоже не отходили от него, а малец так и вовсе прилип к отцу. – Степан, снимай мешок с телеги, носи в дом, буду отчёт держать перед всеми.

– Марфуша, загоняй всех в дом, – ласково приобняв жену, купец пошёл вслед за сыном, заносящим мешок в дом. – А то они от меня уже и отвыкли.

Наконец, все зашли в дом, в самую большую комнату, посреди которой положили мешок с привезёнными гостинцами для домочадцев. Теперь не спешили, – все понимали, что, если человек с дороги, да ещё и с дальней, да в придачу с ярмарки, то перво-наперво надо помолиться. Все встали по укоренившемуся порядку: впереди отец с матерью, чуть за ними маленькие дети, затем дочери, которых со всех сторон обступили взрослые сыновья, а позади всех слуги из числа тех, кому вход в господский дом был дозволен. Все стояли лицом к красному углу, в верхней точке которого на деревянной полке стояло несколько икон, обрамлённых белым, с мелким красным и синим ветвистым узором, рушником. Иконы были старые, не раз уже переходившие от одного поколения Ермолиных к другому, украшенные серебряным дорогим окладом, с самоцветными камнями – вставками во главах святых. По заведённому порядку Мар-

фа начала молитву, которую по очереди должны были подхватить все.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, – произнесла нараспев, неожиданно тонким для её фигуры голосом мать, после чего к ней присоединился хор детских, девичьих и мужских голосов, среди которых выделялись басы Кузьмы Абрамыча и сыновей, будто вбивающих гвозди в закрывшихся к ним в дом неверных:

– ... да придет цааааарствие твое... да будет вооооооля твоя... и не введи нас во искушеееение... – вытягивали голосом они тот или иной звук, словно именно в нём были вся истина и благодать, – ...от лукаааааавого!

Кузьме Абрамычу было чем гордиться. Дом его был крепок, дела год от года шли лучше, сыновья росли сметливыми, охотными до торга, – было кому оставить своё купеческое дело. Дочки тоже радовали, чем старше они становились, тем пригожее; старшей пора было уже и жениха присматривать, жаль только, на приданое придётся потратиться... Впрочем, хороший зять тоже в прибыль. А потому он с ещё большим воодушевлением вплетал свой бас в общий хор, крестясь и кланяясь:

– ... слааааава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Амины!

– А теперь можно и доставать подарки. Ну, становись в очередь! – после чего Кузьма Абрамыч начал вынимать из мешка свёртки. – Марфуша, милая, это тебе!

Из рогожи показалась чёрная, с синим отливом, меховая накидка.

– А то скоро уж зима, будешь ходить и в храм, и к соседкам, да и купцов ко мне немало приезжает, пусть знают, что Ермолины не хуже всяких господ столичных.

– Да ты что, Кузьма, она же стоит, наверное...

– Стоит, стоит! Будь уверена. У офеней купил, трижды поменять заставил, эту ценой перебил у какого-то польского шляхтича. А это вам, дочки, – купец достал несколько небольших кульков, один из которых не выдержал завязки и брызнул на пол разноцветными искрами браслетов, колец и серёг. И пока дочки начинали делить, кому что достанется, хватая то синие речные, то зелёные смарагдовые, то ярко-красные яхонтовые украшения, Кузьма Абрамыч пояснил жене:

– Не беспокойся, весом брал у рамши, побрякушки это, непроданные после ярмарки. Знакомый еврей-рамша практически даром отдал, а девкам скоро на выданье, пусть радуются. А это тебе, Егорка. И вот ещё, и ещё...

Пришла очередь и старших сыновей, которые дожидались ухода всех остальных.

– Ну, вот что, сынки. Удачно съездил я на ярмарку и не даром почти две недели там торговал. Бычков я продал почитай на восемь тыщ рублей серебром, а коней, тех, что у калмыков взяли, и того больше – без малого на двадцать пять тыщ. Так что скоро за ними московские приказчики придут, надо скот подготовить, чтобы забрать легче их было. Кстати, заодно и ударили с ними по рукам на следующий, двенадцатый год. Еже Бог даст, то и в два, и в три раза больше продадим. Ясно вам?

– А чего же не понятно, отче! Только вот, сможем ли потянуть такой оборот? Мы и так этот год еле выдюжили, – прогудел старший из сыновей, Михаил, поглядывая на отца с явным восхищением.

– Не беспокойся, вытянем. Я думаю, в этом году пора нашего Степана женить, вот и возьмём приданое, да и деньги есть теперь серебром, поднаймём новых скотников да приказчиков.

– Кузьма, да где ж ты их взять собрался? И так все мужики с Кантемировки у нас работают, некого больше брать. – Марфа хоть и не любила лезть в торговые мужнины дела, а всё же, когда видела надобность, вставляла своё слово.

– Значит, в соседней Ахтырке наймём, а не хватит, так еще и в Лебедянке. Теперь мы развернёмся! А то я, хоть и купец, да воронежским и ростовским не чета. Вот те – настоящие миллионеры, в шестёрках ездят да у архимандритов чай с вареньями кушают, а московские-то, говорят, теперь уже только на втомобилях передвигаются.

– Ох, выбирал бы ты епанчу да по нашему плечу! Не гнался бы за воронежскими да московскими, тебя и так весь уезд знает, шапки ломит.

– Даст Бог, а за нами уж точно дело не станет, так и губерния ломить начнет! Развернёмся! Ладно уж, разбалакались, сам решу. Ну, с Богом, пошли ужинать!

– Что с ним? Скажите, он жив? Пожалуйста, скажите, – мать Алексея, вцепившись в рукав халата врача, явно была настроена не отпускать его, пока не услышит ответ. По её лицу было видно, что всю дорогу в больницу она плакала, и сейчас её била мелкая нервная дрожь, но слёз уже не было.

– Как вас зовут? Меня – Мелис Турдубекович...

– Я... я... Лидией Николаевной меня зовут. Как сын? Что с ним?

– С вашим сыном относительно всё в порядке. Хорошо, что его быстро доставили к нам. Он потерял много крови, и ещё осложняет общий фон черепно-мозговая травма. Сейчас он в операционной. Результаты будут известны примерно через час. – И, видя, что по лицу женщины снова начинают бежать слезы, врач поспешил её успокоить. – Ну что вы! Перестаньте! Не плачьте! Самое главное, что Алексей уже в больнице, здесь опытные врачи, мы сделаем всё возможное. Садитесь, садитесь вот сюда.

Мелис Турдубекевич усадил Лидию Николаевну на скамью, обитую коричневым дерматином и сам сел рядом.

– Вы успокойтесь и послушайте. Ему сейчас нужны лекарства, которых у нас нет, их надо купить в аптеке. И нужно привезти постельное бельё. А пока так полежит, в реанимации. Вы меня понимаете?

– Да, да, конечно, я куплю, что нужно и привезу, прямо сейчас и поеду.

– Нет-нет, сейчас пока не нужно, утром привезёте, а сейчас ждите результаты операции. Кроме того, с вами следователь должен поговорить, он будет здесь где-то через час. Вы меня слышите?

– Я слышу. А вы не знаете, за что на моего сына напали? Он такой простой мальчик, возвращался из театра, а его... его...

– Успокойтесь. Откуда же я могу знать за что на него напали? Наверное, хотели ограбить, хотя сотовый и деньги остались при нём. Впрочем, следователь скоро приедет и вы разберётесь, хорошо? Вы дождётесь его?

– Конечно, дождусь!

Несколько часов мать простояла в больничном коридоре, неспособная найти себе место. Наконец, показался врач из операционной.

– Значит так, – в коридоре врач начал объяснять матери состояние сына. – Операция прошла вполне успешно. Скоро он придёт в себя. – И, опережая её вопрос, Мелис Турдубекевич добавил: – Вам туда пока нельзя.

– А когда будет можно?

– Если пациент стабилизируется, то к вечеру я переведу его в обычную палату.

– Простите, а не... Не рано ли в обычную палату, все-таки такая сложная травма?..

– Видите ли, сегодня привезли двоих с ножевыми, одного с ожогами, вашего – с черепно-мозговой, и ещё у нас обычные

больные с аппендицитами и прочим, так что... Вы поймите, мест в реанимации на всех не хватает и подолгу кого-то держать там мы не можем. Но вы не беспокойтесь, уверен, что всё будет отлично. Вы со следователем уже говорили?

– Нет, я его пока не видела.

– Пойдёмте со мной к посту медсестёр, кажется, он был там и хотел сразу взять у вас показания.

Глава 3

– Открой! Немедленно отпирай ворота! Не то откроем силой! Всё сожжём! – перед массивными, чёрными от листового железа, воротами большого купеческого двора Кузьмы Абрамыча толпилось с десяток разгорячённых мужиков с топорами и вилами в руках. Впереди всех остервенело колотил в дверь высокий кудластый парень в холщёвой рубахе. – Немедленно открывай, кулак проклятый! Кончилось твоё поганое времечко.

В самом доме его обитатели сбились на первом этаже, прислушиваясь к крикам из-за ворот и не веря, что это происходит с ними.

– Кузьма! Кузьма, что же делать, они и так уже всё позабыли, что им ещё нужно? – бледная, осунувшаяся, разом постаревшая Марфа прижимала к груди белобрысого Егорку, почти опередившего её ростом.

– Сейчас разберёмся, – поднявшись наверх и открыв окно, старый с виду, хотя шёл ему всего шестой десяток, поблекший за последние несколько лет, Кузьма Абрамыч крикнул хриплым дьяконским басом. – Что вам надо? Кто такие? Почему будите среди ночи?

– Именем Советской власти, немедленно отоприте! Вы признаны социально опасным элементом! В случае неподчинения будет применена сила.

– Мы отдали всё, что положено по подразвёрстке. Это произвол!

– У нас есть постановление – вы должны быть выселены из имения. Будет применена...

– Какая сила, Стенька? – купец узнал голос бывшего своего работника. – Сволочь, ты же у меня скотником с малых лет работал! Забыл, как я тебя батогами во дворе стегал? Да я тебя сейчас! – Кузьма Абрамыч никак не мог поверить в происходящее. Почти четыре года, как прошла революция и появилась

новая власть, несколько разорительных продовольственных развёрсток почти полностью опустошили не только хозяйство и амбары купца, но и сам дом. Тем не менее, ему не верилось, что Стенька, первый дурак и последний пьяница на деревне, может говорить от имени новой власти.

Неожиданно в руках Стеньки, стоявшего у ворот, появился старый наган, и он, прищурился, прицелился на свет свечи в тяжёлый силуэт купца между ставнями и выстрелил. Кузьма Абрамыч резко завалился набок, ухватившись за левое плечо. Сквозь крохотную дырочку на отвороте домашнего халата начала проступать кровь. Михаил спустил отца на первый этаж, где к нему бросилась Марфа, пытаясь зажать дырку на халате, охая и не зная, как помочь мужу.

– Последний раз предупреждаю! Нет – возьмём дом силой, всё подпалим! – кажется, Стенька и сам удивился своему попаданию и стоял, растерянно озираясь, не зная, куда деть свой револьвер.

– Миша, открой ворота, – старый купец, несмотря на боль в плече, продолжал оставаться хозяином в доме. – Что им надо? И так почти весь скот забрали... хлеб уже забрали... деньги отняли... теперь ещё и дом, да где же такое видано? Открой, а то и вы пострадаете. Слава богу, хоть дочки у мужей и не видят моего позора, только вот перед снохами осрамился.

– Сейчас отопрём, обождите, – старший сын вышел во двор и откинул тяжёлый брус с двери. Тут же ворвалась в ворота толпа во главе со Стенькой и затолкала Михаила в дом.

Войдя в большую комнату, где сидящего на деревянном стуле Кузьму Абрамыча облепили сыновья с невестками и детьми, и Марфа, и старухи, оставшиеся из числа бывших слуг, Стенька громогласно заявил, косясь на купца:

– Согласно постановлению Кантемировского исполнительного комитета, вы подлежите немедленному выселению с полной конвускацией имущества, как признанные социально опасным элементом кулацкого движения нашего района. Сейчас подъедет полномочённый Красной Армии...

– Что ж ты, сволочь, его не дождался-то? Не побоялся, а? – купец попытался перебить говорящего, но безуспешно.

– ...вместе с бойцами, он и решит, что делать с вами дальше. У них на вас есть особое указание. На все сборы у вас пятнадцать минут, взять можете только одежду и хлеб, ценное теперь принадлежит нам.

– То есть как это – «нам»? Кому это – «вам»? – старый

купец продолжал глядеть на ворвавшихся твёрдым взглядом, будто веря, что переломит их силу и постановление своей волей.

– Не нам, а... – Стенька съёжился под гнетущим взглядом Кузьмы Абрамыча, сразу вспомнив и батоги, и кнуты. И визгливо закричал: – Советской власти всё принадлежит! Собирайся, немедленно!

Марфа, в отличие от мужа смекнувшая, что миром дело не кончится, во всяком случае, не сейчас точно, растолкала сыновей, послав кого наверх, кого в кладовую за продуктами, а сама бросилась на женскую половину. В комнате повисло тяжёлое молчание.

– Что ж ты и твоя власть делают? Разве я не давал тебе работу, разве я не платил тебе? Вы – не власть, вы хуже рас-последних гайдамаков!

– Заткнись, старик! Ты всю кровь из нас выпил, я на тебя всю жизнь батрачил, тварь!

– Батрачил? Да если бы я тебя не заставлял батогами, ты бы сдох, с голоду бы катался! Забыл, как я тебя самого, при девках во дворе, спустив штаны, да мокрыми плетьюми по голому заду?

Напоминание об этом позоре ударило в голову Стеньки, и он наотмашь, не думая, ударил старика рукоятью нагана по голове. А потом, не останавливаясь, снова и снова. Ворвавшиеся с ним люди пытались его остановить, но в пылу бешеной злобы он кричал, захлебываясь от ярости, заглатывая собственный язык:

– Подавись, кулацкая сволочь! Это тебе за плети! А это за голый зад! А вот это, – что спину на тебя гнул. А вот это...

Заслышав рёв толпы, с криком в комнату ворвался Егорка и бросился защищать сбитое со стула безвольное тело отца, за что и сам получил наганом в лицо. Кровь брызнула из рассечённой губы, смешиваясь с пылью и грязью на полу. Вниз сейчас же прибежали трое старших сыновей и остервенело бросились на Стеньку. В драку ввязались, защищая своего, и стоявшие в комнате до этого смиренно мужики.

Внезапно среди царящего дикого шума снова прозвучал выстрел, на миг осветив комнату и установив в ней молчание. На этот раз наган Стеньки был ни при чем. В комнату вошёл, выстрелив не глядя, уполномоченный Красной Армии. Пуля попала в старую икону, пробив круглую дыру на месте руки маленького Спасителя, благословляющего людей.

– Я так понимаю, что Ермолины уже готовы к отбытию? – и, кивнув вошедшим с ним бойцам, приказал: – Выводите всех во двор и грузите в телегу. Старых приживалок гоните взащей, пусть идут пододру-поздорову, куда глаза глядят, сейчас не до них.

– Но мы ничего не успели взять, – протянула Марфа, прижимая к груди узел с вещами.

– Вам ничего и не понадобится, в дороге получите необходимое. На выход!

– А что с этим делать, он вроде ранен, его что, на себе нести? – спросил один из красноармейцев, присев на корточки рядом со стариком.

– Здесь оставьте, он и сам сдохнет.

– Мы не оставим отца, сами понесём! – бросился к старику Михаил, но был оттеснен бойцами.

– Не надо его нести! По постановлению тройки Ермолин Кузьма приговорён к расстрелу на месте, так что ему, что так подышать, что эдак. Пора, выметайтесь!

У ворот стояла старая телега, некогда принадлежавшая самому купцу и изъятая на нужды революции несколько лет назад в ходе очередной продрозвёрстки. Марфу, сыновей с жёнами и детьми посадили на неё, а вокруг дома, привлечённая выстрелами, уже начала собираться толпа. Михаил, увидев соседей, бывших скотников, старых знакомых-сверстников, с которыми играл в детстве в одном дворе, лихо носился по местным улицам или рыбачил на сельской запруде, в надежде крикнуть:

– Сколько мы будем это терпеть! Мужики, помогите! Не дайте в обиду! Вы же мою семью всю знаете испокон веков. Кому из вас мы сделали плохо?

Воззвания Михаила разлетались над глухо молчавшей окружающей толпой. Многие из его друзей по детству опустили глаза, но стояли не шевелясь. К Ермолину сзади подошёл уполномоченный, повернул за плечо к себе и с размаху дал в зубы. Михаил тяжело упал в телегу. Красноармеец махнул рукой и караван двинулся.

Как только запряжённая кобылкой телега поехала, понукаемая хлыстом и окриками бойцов, толпа опрометью бросилась в дом.

Трясущиеся на телеге, выкатывали из деревни, мимо казавшихся в темноте призрачных, словно старые, обнажённые от плоти кости хат, Ермолины и ещё видели, что творится с их домом. Как из него начали вытаскивать кухонную утварь, как Стенька закричал, чтобы открыли амбары, как односельчане

уносили к себе домой всё, что удастся схватить, урвать кусок от некогда огромного купеческого состояния.

Вскоре разорённый дом опустел, и только в большой комнате, рядом с упавшей и затоптанной иконой, где уже не просматривался лик Пресвятой Богородицы, валялось тело старого купца Кузьмы Абрамыча, из ран которого уже не бежала кровь. Кровь, до этого скапливавшаяся в лужу под шкафом, измазала старый образ, и при внимательном взгляде, могло показаться, будто икона утонула в багрянце.

– Вы знаете, за что могли напасть на вашего сына?

Следователь РОВД сидел рядом с матерью Алексея в коридоре, держа в руках папку с документами и делая пометки в бумагах.

– Наверное, ограбление... он шёл из Русского драмтеатра. Я всегда очень беспокоюсь, если ему приходится возвращаться поздно. Боюсь, как бы с ним что-нибудь не случилось. Вот и... – она всхлипнула.

– Непохоже это на ограбление, мобильный оставили, деньги тоже... А почему он не ездил на такси, так же безопаснее?

– Ну, понимаете, – Лидия Николаевна опустила глаза и вроде даже покраснела, – у нас нет таких денег. Я зарабатываю совсем мало, а отца у Лёши нет. Это я... я виновата! Всё эти чёртовы деньги, всю жизнь тянешься, стараешься. Если бы я дала ему на такси!

– Постойте, прекратите, да перестаньте вы рыдать! Вы тут причём? Сейчас у многих нет денег. Что же винить себя в том, что кто-то напал на сына?

Лидия Николаевна подняла глаза на следователя и спросила:

– А вы найдёте их? Тех...

– Вот придёт ваш сын в себя, я его допрошу, и будет хоть от чего оттолкнуться. Кого сейчас искать? Надо ждать.

Глава 4

Телега с впряжённой в оглобли кобылкой, смутно помнящей воскрешение Лазаря, тряслась на каждом ухабе просёлочной дороги. Жалобно постанывали и повизгивали несмазанные оси колёс, скрипом вторя страдальческим всхлипываниям лю-

дей и грубым окрикам конвоиров. Езда была неторопливой и праздной, словно никто никуда не спешил – просто хозяева возвращались домой после тяжёлого трудового дня.

– Всё, хватит! Слезьте! Кобыла еле тянет – не щас, так через час Богу душу отдаст! Состав уже скоро отойдет, не успеваем. Пошли пешком! – окрик уполномоченного заставил сползти семейство с брички, оставив в ней только совсем уж маленьких детей. – Да поторапливайтесь! А ну, всыпьте им, чтобы ползли швыдче.

Постанывая не тише прежнего, телега в окружении сгрудившихся вокруг неё людей и бойцов прибыла почти к самой полночи на железнодорожную станцию, проехав почти пятнадцать верст от Кантемировки. На полустанке под парами стоял состав, в вагоны которого с похожих телег загоняли людей. Около одной из стоящих бричек Михаил узнал Лотышевых, первых фабрикантов во всей губернии, рядом же были и Кнутовы, и Волины, и Енгальчевы, и Протасовы, и Ничипоровы, и многие другие недавно ещё бывшие купцами, фабрикантами, заводчиками, державшими и торг, и производство, и кабаки всего уезда.

Пришла очередь залезть в вагон и Ермолиным. Обычно Кузьма Абрамыч со старшими сыновьями добирался до ярмарок на собственных подводах, но несколько раз Михаилу приходилось возвращаться и на поезде. Он помнил, что хоть места и были второго класса, но уж точно там были кресла для сидения, пусть и не такие широкие, как в первом, привилегированном, предназначенном для дворянского сословия. Здесь сидений не было. Совсем не было. Ермолины встали у входа, не зная, куда идти дальше.

– Чё встали? Ползи дальше! – из-за спин послышался окрик конвоя.

– Но ведь здесь некуда садиться...

– Так тебе и сиденья подавай, кулацкая морда? А может, первым классом отправить? Пшёл в вагон, пока зубы целы!

Ничего другого не оставалось, как только, постояв с минутой, сесть на загаженный деревянный пол.

– Папа, папа, а здесь навоз в углу. А здесь что, бычков возили? – завопил маленький сын Михаила. – А мы что теперь, как коровки поедем по железной дороге?

– Поедем, внучек, поедем, как коровки поедем, – Марфа, сидя на полу, поманила из угла малого и, усадив рядом с собой, тихо добавила, чтобы никто не услышал: – Только бы не на забой.

В вагон входили и входили новые люди, кто-то из них Ермолиным был знаком, кого-то видели на ярмарках при торге. Наконец, состав вздрогнул, откатился назад и двинулся, натужно пыхтя. Дверь вагона закрыли снаружи. Сквозь щели в дощатых стенах вагона люди наблюдали за мельканием крон деревьев, росших вдоль насыпи. Вошедшие в вагон постарались расположиться поудобнее, устраиваясь семьями.

– Куда же нас везут? Может, на суд? – спросил мужчина в треснувшем пенсне, с запёкшейся кровью на нижней губе, сидящий с молодой женой почти у самых дверей.

– Суд у них скорый, раз на месте – и всё, как моего батю, – отозвался зло Михаил.

– Как? Таки, неужели и самого Кузьму Абрамыча?.. – проблеял голосок из толпы, но вопрос остался без ответа.

Минут через сорок состав начал сбавлять ход и остановился на станции соседнего с Кантемировкой уезда. Двери отпёрлись, и поначалу всем показалось, что нужно выходить. Люди вскочили с пола, засобирали детей, но в вагон начали заталкивать новый люд, а выходить кому-либо уже было строжайше запрещено.

На каждой новой станции к ним добавлялся новый народ, сначала из соседних уездов, теперь называемых районами, потом из граничащих губерний. К вечеру вагон набился так, что мест для лежания уже не хватало, и все просто сидели, прижавшись друг к другу. Поезд продолжал ход. Ночью на очередной станции Михаил попытался поспрашивать солдат с перрона:

– Вы не знаете, куда нас везут? Нам ничего не сказали...

– Мы тоже ничего не знаем, зайди в вагон!

– Но нас ещё не кормили, дети проголодались.

– А вы, наверное, думаете, что вас и кормить будут? Жрите, что есть! Небось, до этого-то привыкли к кофиям, здесь вам нет погребов!

– Но как же так можно? А когда можно будет... ну того...

– Чё того?

– Ну, в отхожее место нас когда выпустят?

– А кто вам сказал, что вас будут выпускать... Ха-ха... Сами спрашиваетесь где-нибудь в конце вагона...

– Что же мне срамиться перед женщинами, перед детьми?

– Что-то ты разговорчивый больно! А ну, зайди! Не то сейчас прикладом заведу.

Поезд шёл и шёл. Несмотря на весну, морозы были по ночам ощутимые, и к утру несколько человек стали кашлять. Млад-

шую дочку Михаила, Гарпину, начало знобить, хоть она и была укутана всеми шальями и платками с матери и Марфы.

Люди, сначала стыдившиеся друг друга и терпевшие нужду изо всех сил, вскоре не выдержали и потянулись в угол вагона, где была случайно пробитая бычьими копытами дыра. Как выразился один из мужчин, прикрывавших спиной жену с дочками и словно извинявшийся перед всеми:

– Уж лучше так... уж лучше пускай лопнет совесть, чем мочевой пузырь.

Через три дня у многих закончились запасы продуктов, которые они взяли с собой из дому. Несмотря на обещание, продуктов не выдавали и постепенно наступал голод. Ермолины пока держались: Марфа предусмотрительно кроме вещей засушила в узлы несколько свиных окороков, сала, хлеба и колбасы. Однако через шесть дней и эти запасы истощились, хотя взрослые зачастую отказывались от еды, оставляя всё совсем малым детям.

Есть стало гораздо более стыдным занятием, чем сходить в отхожее место. Как только кто-то что-либо доставал, десятки взглядов устремлялись на него, жующего. Каждый вглядывался в то, как с очередным хрустом, с надавливанием зубами исчезал маленький кусочек пищи в чьём-то горле. Труднее всего было с детьми. Взрослому, когда он подходил и просил еды, или с надеждой вглядывался жующему в рот, отказать было проще, чем ребёнку, который не просто всматривался, но и подбегал, и просил этот самый кусочек. Многие были и рады отдать, но тогда остались бы совсем без пищи собственные дети. Поэтому скудное поедание пищи происходило только ночью.

А состояние Гарпины всё ухудшалось. Девочку била крупная дрожь, к вечеру она покрывалась испариной. Утром Михаил начал расталкивать людей, выспрашивая, нет ли среди них доктора или фельдшера. Таковых не оказалось, только отозвалась одна старая беззубая бабка, которая назвалась знахаркой.

– Пособить я усё равно не могу, травы остались у хаты. Але догляжу, можь, забололачу дитину.

Приблизившись в девочке, она велела её раздеть, чтобы наложить заговор, осмотрела с ног до головы, что-то долго шептала, бубнила, плевала через левое плечо, трижды стукнула по дереву. Наконец, она повернулась к Михаилу:

– Я заболачила дитину. Але готовся, к вичиру вона умре.

Так и случилось. К вечеру девочка забилась в сильнейшей агонии, потом тельце обмякло, и её мать, сноха Марфы, вместе

со свекровью заревели во весь голос. Невольные свидетели горя, пассажиры вагона, как могли, успокаивали молодую мать:

– Ну, чего ты ревёшь, дурёха? Ты ж молодая, ещё родишь.

– Не вопи, все мы там окажемся.

– И скорее всего, – добавил кто-то, – наш состав будет там очень быстро, не успеешь очухаться, будешь уже с дочкой.

Поезд шёл с остановками то днём, то ночью, уже три дня никого в вагон не загоняли и внешние засовы на дверях не отпирались. При очередной ночной остановке Михаил обратился с просьбой к солдату похоронить дочь.

– Некогда, некогда, состав сейчас отходит. Ты думаешь один такой? Вас много, сами разбирайтесь.

На вторые сутки люди начали ворчать, что пора бы куда-то деть тельце девочки, потому как находиться в вагоне, особенно днём, становилось всё сложнее. На четвёртый день народ начал открыто выражать недовольство, руганью заставляя Михаила что-то предпринять.

– Что я могу сделать? Куда я её дену? Двери ведь не открывают.

– А ты в бычью дыру сбрось. Она маленькая – пройдёт, – подал кто-то голос с пола.

– Да я тебя самого сейчас сбросю! – Михаил кинулся в толпу с кулаками, но его оттащили.

– Брось, парень, ничего другого не остаётся, не задыхаться же нам здесь, – на разные лады успокаивали и доказывали ему.

– Что же вы, ироды? Что же это за жизнь? Посрать нормально не могу. Пожрать нету. Даже дочь похоронить не могу! Что же мне её, как собаку, под откос? – Михаил впервые заплакал. Крупные слёзы из мужских глаз побежали сначала на щёки, потом на оклад бороды, а затем падали, разбиваясь, на пол.

В тот же вечер маленькую Гарпину, просунув через «бычью дыру», которую пришлось расширить ударами ног, сбросили в колею под колеса поезда.

К этому времени заболевших и ослабленных людей было предостаточно, так что такие похороны стали проходить ежедневно. Установился даже своеобразный ритуал: умершего клали посреди вагона, люди, двигаясь по часовой стрелке, подходили к телу, всматривались в лицо, словно стараясь запомнить его. В этом было утешение, хотя тело и выбрасывалось как мусор, но сам человек как бы оставался в памяти.

На пятнадцатые сутки поезд в очередной раз замедлил ход

и остановился. Против традиции засовы с дверей были откинута, и прямые лучи палящего солнца хлынули в вагон.

– Выходите, приехали! – однако мало кто из людей зашевелился на этот приказ, после чего красноармеец запрыгнул в вагон и начал пинать, вышвыривать сидящих: – Я сказал – слезай! Пошёл из вагона! Пошёл, кому сказал!

Сперва по одному, затем помогая друг другу, люди вставали с пола, с тоской оглядывая вагон, будто он успел стать для них родным домом.

Вывалившись из состава, люди оказались на открытом полустанке, лицом к лицу с бескрайней степью, куда отныне каждый из них был сослан на неопределённое время решением революционных троек и исполнительных комитетов. Жаркий до обжига глины ветер ударил в лицо. На всём пространстве, доступном взгляду, не было видно ни одного селения или одинокого строения, не было даже курившихся дымов.

Паровоз снова набирал пары, бойцы загружались в первый вагон, но прежде, на прощание конвойные команды, выстроив всех, объявили:

– Вы не имеете права без специального разрешения покидать Среднюю Азию. Вы – предатели, кулаки, социально опасные элементы! Вы сосланы сюда на вечное поселение! Вы лишены всех гражданских прав! – и, усмехнувшись, добавили: – Обживайтесь!

Поезд отошёл от станции, оставив на ней более пятисот голодных, измученных людей, с тоской глядевших то вослед уходящему составу, то на голую, выжженную дневным светом землю.

– Значит, так. Их было четверо, они что-то говорили тебе на киргизском языке, но ты их не понял, а потом они тебя избил? – следовательно брал показания у пришедшего в себя, переведённого в общую палату Алексея.

– Да, я только понял сначала, что они позвали меня к себе, а потом сказали что-то, – он переглянулся с сидевшей в изголовье матерью, – сказали что-то, связанное с «орусом» и, кажется... собакой. А потом один ударил меня сначала сюда, – Алексей показал на солнечное сплетение. – Я упал, а дальше они скопом пинали меня и кричали уже на русском.

– Что именно кричали? – следовательно подобрался и упёрся взглядом в Алексея. – Вспомни точно, слово в слово.

– Точно? Я не знаю... Сейчас... Они выкрикивали, что это их страна, что русские приехали сюда в их страну. Сказали, что мы – твари, что обдираем местных. А-а-а, вот ещё: они сказали, что обдираем их не только мы, но и евреи, узбеки, ну, и русские тоже. А потом я уже ничего не помню.

– Вот сволочи, националисты проклятые, – не выдержала мать и снова заплакала.

– Рано делать выводы. Может они просто...

– Да где же просто? – Лидия Николаевна посмотрела следователю прямо в глаза. – Они же ясно высказались! Неужели нужны ещё какие-то доказательства? Ищите их теперь! У вас есть описание националистов!

– Мы найдём, это дело времени. А насчёт националистов, – следователь сконфуженно опустил глаза. – Это, всё же, преждевременно. У нас в республике нет национализма и его проявлений. Мы найдём пытавшихся ограбить вас, Алексей Ермолин. А пока вы должны всё это подписать.

Глава 5

– И что? Куда дальше? Куда идти? – спросил громко кто-то из толпы.

Ответа никто не знал. Нигде не было видно домов или селения. Людей, кроме прибывших, тоже. Все стояли словно оглушённые и замороженные, несмотря на пылающее в зените солнце.

Внезапно один мужик с длинной всколоченной бородой бросился с перрона в пыльную траву, прыгая по ней, словно ребёнок, пытающийся поймать лягушку у болота.

– Совсем из ума выжил...

– Удар...

– С голодухи...

– Поймал, поймал! – страшно счастливый мужик уселся в траву и принялся что-то обсасывать. – Я кузнечика поймал! Хоть так пожрать...

Прошло минутное молчание и люди толпой бросились вслед за ним, каждый пытаясь поймать кузнечика, муравья или хотя бы муху, кто-то прыгал и скакал за ними, а кто-то совсем бессиленный просто жевал пучки пожухлой травы. Вскоре на перроне не осталось ни одного стоящего человека. Люди, ползая на четвереньках, выедали всё, словно саранча, принесённая южным ветром.

Михаил сидел в траве, приглядывая за детьми, которые дрались за пойманное насекомое. К нему подвалилась, не вставая, Марфа.

– Надо что-то делать, нельзя сидеть, – она прикрыла ладонями глаза от солнца. – Иначе мы все здесь... Ох, – она не договорила. – Без воды долго не протянешь!

Егорка, сидящий рядом, добавил тихо, чтобы не слышали другие:

– А я увидел старую дорогу, уходящую туда, – он указал рукой на юг. – Наверняка, там есть дома.

– Что ж, – Михаил поднялся, – сидеть нечего, собирай наших и пойдёмте.

Когда семейство Ермолиных встало, на них тут же устремились сотни взглядов. Пока они проходили мимо людей, их осматривали, словно лошадей на ярмарочном торге. Ермолины уходили всё дальше и дальше по едва видимой глиняной колее, спотыкаясь на застывших ухабах, ударяясь ногами в остатки травяных островков, некогда зелёных, а нынче застывших не хуже глиняных выбоин. Глядя на них, сначала встали сидевшие ближе всего к старой колее, потом ещё и ещё, и вскоре вся армада голодных и нищих ссыльных двинулась за ними, а Ермолины шли впереди, словно предводительствуя всей этой полудраной и голодной процессией.

Только ближе к вечеру, когда палящее солнце склонилось к горизонту, а воздух наполнился дикой, давящей духотой уставшего дня, люди заметили впереди кучку глиняных мазанок, стоящих под несколькими деревьями неизвестной малороссам породы. Движение убыстрилось и многие опередили Ермолиных, которые несли на руках малых детей, хотя сил на это не оставалось даже у старших мужчин.

Те, кто достиг жилья, начали стучать в двери, звать хозяев. Наконец, из одной халупы вышла старуха. Её вид поразил малороссов. Она стояла на пороге, согнувшись почти до самого пола, одетая в какое-то тряпье. Лицо её было почти чёрным и сморщенным до крайней степени. Она, вглядываясь в стоявших против солнца, что-то бормотала на непонятном им языке, потом начала указывать куда-то в сторону, то и дело размахивая руками, словно отгоняя комарьё. Её никто не понимал, люди показывали жестами, что хотят есть и пить, но она продолжала махать. Тогда они решили пойти туда, куда она указывала. Неподалёку они увидели небольшие глиняные куполообразные мазары: полуразрушенные, сложенные из глины, смешанной с

соломой, метра на полтора-два возвышающиеся над общей гладкостью степи. Ещё чуть дальше шли холмики из свежевскопанной глины без надстроенных мазаров.

– Да це гробовишче...

– А зачем глиняные амбары?

– Кажись, так и есть – кладбище. А чего ж здесь нет крестов?

– Почему нет? Вон там... – один из подошедших указал на дальний край этого участка степи, где было больше всего свежих могил.

Люди подошли туда и остановились у края погоста. Над большинством из десятка новых могил возвышались небольшие убогие кресты, со сложившимися, словно крылья у большой птицы, перекладинами.

– Господи, куда же мы попали?

– Вода, вода! – раздалась дальние крики. – Здесь есть вода!

Те, что уже успели доплестись до хуторка, бросились туда – пить всем хотелось нещадно, ибо вот уже трое суток не было воды и запасы её в поезде иссякли. К небольшому ручью, будто дикий табун, пришедший на степной водопой, бросились дети и женщины, старики и мужчины, давя друг друга и падая в мокрую грязь. Зачерпнуть воды было нечем, так что все просто попадали на землю, пытаясь ухватить каплю еле струящегося ручейка, который иссякал на глазах.

Только к вечеру в хутор верхом на конях вернулось несколько мужчин, большинство из которых были старики, такие же высохшие, как и первая встреченная старуха. Среди них выделялся мужчина средних лет, с рыжими волосами и усами. Подъехав к ним, он спросил:

– Вы что, очередная партия сосланных? – и, получив утвердительный ответ, он спешился с коня. – Не вы первые, не вы последние. Видели кресты на местном кладбище, рядом с мазарами? Так это остаток от прежней партии. Придётся вам дальше идти, здесь нет ни еды, ни работы. Степь одна, бескрайняя.

Как оказалось, он сам был фабрикантом из-под Воронежа, и попал в одну из первых партий сосланных в необжитую голую степь. Жена его гостила в соседней деревне у родителей, когда за ним пришли, и он, вместе с маленьким сыном, также был отправлен товарником в Казахстан. По дороге почти доехав до места, в поезде умер сын. Когда их оставили на здешней станции, он пришёл сюда вместе со всеми и застал в поселении

нескольких стариков и старух. Ссылные, голодные и озлобленные, отобрали у них всю еду, что была. Так что, старики теперь всех пришедших считают разбойниками.

Он без остановки продолжал рассказывать, а прибывшие слушали его напряжённо, будто от него зависело – жить им или умереть прямо здесь.

– До города почти сутки пешком ходом, я вам укажу, куда идти. Только и там уже есть нечего.

Марфа, стоящая вместе с семьей чуть позади остальных, начала шептать Михаилу:

– Миша, а может, мы уговорим его продать нам лошадь с телегой, так и добираться-то будет сподручнее?

– Мам, да за что мы её купим? Сами голы как соколы, даже хлеба нет.

– Хлеба нет, это верно. Но я, пока вы собирали вещи в доме и продукты, с женской половины успела взять кое-какую мелочь, что с каждой ярмарки мне Кузьма Абрамыч привозил. Здесь и кольца, и серьги, и несколько браслетов. Мне-то он не возил безделок. Пойди, незаметно договорись с мужиком, авось и выйдет толк, а?

Посоветовавшись люди решили утром идти на север, где стоял город, указанный воронежцем, а пока валились под деревья голодные, но хотя бы с утолённой жаждой.

Михаил подошёл незаметно к воронежцу, увёл его ото всех, долго в чём-то его убеждал, потом совал ему что-то в руки, затем они ударили по рукам, и он вернулся к семье.

– Мы с ним сторговались, правда, пришлось отдать всё, – Михаил шепотом говорил Марфе. – Итак, еле-еле уговорил.

– Эх, в прежнее время мы бы за эти украшения полтабуна купили. Когда он нам отдаст коня? Ты с телегой взял?

– С телегой, с телегой. Он сказал, что лучше всего подойти под самое утро, когда все будут спать.

В самый ранний час утра, когда над своеобразным лагерьем стояла тяжелая дрёма, наполненная всхлипами и стонами, семья Ермолиных добралась до крайней мазанки, где обитал воронежец. Он вышел сам и вывел из глиняного сарая лошадь и телегу.

– Вы вот что, – он запряг лошадь и отдал поводья Михаилу, когда семья забралась на телегу. – Езжайте не как все – на север, в город. Там таких как вы уже вдоволь. Там вы ни счастья, ни еды не найдете. Поворачивайте на юг – правда, туда ехать долго. Соломы для лошади и вам немного съестного я

погрузил в телегу. Будете ехать больше недели, а то и полмесяца, я точно не знаю. Но там, у конца степи, начинаются горы, говорят, всегда голубые, хотя сам не видел, врать о том не буду. Место это называется Киргизией. Туда сосланных пока не довозят, оставляют в этих степях. Езжайте, может, вам в горах повезёт.

Михаил стеганул лошадь кнутом, телега тихо тронулась на юг, увозя вместе с Ермолиными все их надежды и страхи, последних, впрочем, было несравненно больше. Позади оставались тысячи и тысячи ещё не прибывших сосланных, но уже имевших свои будущие степные могилы – жалкие подобию древних скифских курганов.

Через неделю Алексея выписали из больницы, и он вместе с матерью приехал в дом, где семья жила втроём: Екатерина Ермолина – бабушка, мать и он. Вечером того же дня в единственной большой комнате, где обычно собирались гости и где на стенах висели ковры и запылённая репродукция «Моны Лизы», состоялся тяжёлый разговор.

– Нам придётся уехать, как бы тяжело это для нас ни было. Другого выхода нет, – Лидия Николаевна нервно ходила по комнате, поглядывая то на сына, то на мать, сидящую на диване у старого зарешеченного окна.

– Но, мама, у меня же институт, я только третий курс заканчиваю, неужели это так срочно?

– А ты хочешь, чтобы тебя опять избили? Или меня, а может – бабушку? Я понимаю, что это трудно, но ведь там тоже есть университет. Доучишься, конечно, не на бюджете, но уж два года мы как-нибудь вытянем, будем платить...

– Вот никогда не думала, что настанет такое поганое время, – Екатерина Ермолина вздохнула и посмотрела на внука. – Сколько себя помню, всегда здесь жили все в мире. Сосед к соседу ходил, и наплевать было кто он: русский, киргиз или дунганин. Ты же помнишь, Лёша, я тебя рассказывала, как наши оказались здесь, как нам помогали.

– Конечно, бабуль, помню: и про Кантемировку, и про поезд, и про степь.

– Ой, да прекратите вы вспоминать былое! Что было, то травой поросло! – Лидия Николаевна всплила. – Не вспоминайте вы прошлых идиллических времён, когда все было мирно и спокойно!

– Идиллических? Это ты может про моего расстрелянного отца? Или про маленькую Гарпину, оставшуюся где-то там, под откосом, в казахских степях? – Екатерина Егоровна начала раздражаться.

– Мама, я не про то, – попыталась оправдаться Лидия Николаевна. – Наша семья перенесла многое, и не по своему желанию она приехали сюда, и жили мы здесь почти девяносто лет тоже не по своей прихоти. Но ты пойми! Мы пережили так много! Но никогда сосед соседу не приставлял нож к горлу за то, что он – русский!

– А тебе пока, никто и не приставлял.

– Пока, мама, пока, – мать вздохнула и уже более спокойным тоном продолжила. – Ты же читаешь газеты! Вспомни, месяц назад в «Вечёрке» была статья о надписях по всему городу. Там недвусмысленно было написано, что мы, русские, – козлы, и приехали сюда обворовывать эту страну! Было, а, мама?

– Ну, было! Но...

– А сама ты неделю назад мне ничего не рассказывала про маршрутку?

Лидия Николаевна совсем смутила свою мать, потому что та и в самом деле забыла об этом случае. Неделю назад Екатерина Егоровна поймала маршрутку, добираясь из собеса домой. Зашла в неё, но все места оказались занятыми, причём на нескольких сидениях сидели молодые люди азиатской внешности. Они не встали. Екатерину Егоровну это несколько удивило, поскольку уважение к пожилым людям всегда было присуще всем живущим в республике и уступить место считалось обычным делом. Тем не менее, она ничего не стала им говорить и молча встала, держась за высокие поручни, до которых ей было трудно дотянуться. На следующей остановке в салон зашла женщина, азиатка, немного моложе её, и сразу двое парней встали, чтобы уступить ей место. Екатерине Егоровне стало обидно, но она опять промолчала и решила сесть на одно из освободившихся мест. Вошедшая женщина села на первое сидение, а один из парней под самым носом у Екатерины Егоровны вновь занял своё. Пожилой мужчина, сидевший здесь же в салоне, начал возмущаться поведением парней, говорить об их поведении. Вспыхнул сильный конфликт и Екатерина Егоровна, чтобы не накалять обстановки, остановила маршрутку и вышла раньше положенной остановки.

– Они могли меня просто не заметить.

– Мама, очнись! Сейчас – не уступили место, написали, что мы козлы, избили Лёшку, а завтра? Вообще, убьют?

– Всё, прекратите! – Алексей встал, схватился за больную голову, но продолжил. – Никуда мы не поедem! Хотя бы, пока я не закончу учёбу.

Глава 6

В Киргизии семья Ермолиных остановилась в небольшой полурусской-полумалоросской деревне Покровке, названной в честь первой постройки прибывших в Туркестан ещё при империи крестьян – храма Покрова Пресвятой Богородицы. На окраине поселения многочисленная семья сняла небольшой глиняный с побеленными стенами домишко, который еле вместил всех Ермолиных. Жёстко встал вопрос: где и как зарабатывать. В колхоз идти было заказано, ведь при проверке выяснилось бы ермолинское кулацкое прошлое. Да и работа в колхозе была маловыгодной. Купеческая жилка всё ещё чувствовалась у всех Ермолиных, и было решено, что они займутся собственным делом.

Семья Степана, второго старшего сына, занялась выращиванием червей тутового шелкопряда, которых они закупали в соседнем совхозе. Занятие это было чрезвычайно хлопотное. Сперва ничего не получалось: черви дохли, долги росли. И все же, советуясь с новыми знакомыми и соседями, до многого доходя своим умом, они учились и этому, очень непривычному для малороссов делу. Каждый день все дети уходили на поиски тутовых деревьев. Ежедневно нужно было нарезать и приносить тутовые ветви со свежей листвой. Потом эти листья несколько раз ополаскивались в холодной, бегущей в арыках воде, пока зелень не становилась абсолютно чистой. Раз от раза походы за листвой становились всё дальше и дальше. Ветви с многих деревьев в округе уже были оборваны такими же, как и Ермолины, домашними шелководами, так что дети вместе со Степаном проводили в поисках по двое-трое суток. Его жена в это время по расписанию кормила червей. Сколько раз партии скопом дохли! Кормить тутовый шелкопряд нужно, невзирая на время суток, в течение месяца, пока черви не завернутся в кокон. При этом случайная пыль с листьев, один мёртвый шелкопряд, от которого мог пойти мор, или даже чей-то громкий возглас уничтожали раз за разом все труды. Только после окукливания червей снова сдавали в совхоз, и всё опять начиналось сначала. Труд этот изматывал, но другого выхода не было.

Третий сын Кузьмы Абрамыча Павел вместе с семьей снял на лето два фруктовых сада на окраине села. Каждый день ходили они туда через всю деревню, совершая почти десятикилометровые походы. Сад нуждался не только в уходе, но и в охране. Кто-то один постоянно оставался там ночевать. Днём вся семья занималась обработкой сада. Труднее всего было с водой, потому что за ней приходилось стоять очередь и часто полив ермолинского сада приходился на ночь, так что уже вся семья ночевала там. Во время распределения воды возникало немало ссор, а то и драк, бывало, что приходилось отстаивать своё право на получение воды силой. В садах росли и яблони, и абрикосы, и слива, и вишня, бережно сохраняемые плоды которых продавались Павлом на базарах Токмака и Пишпека. Так Павлу удалось не только рассчитаться за сад, но и постепенно встать на ноги.

Большую же часть доходов семье приносило дело Михаила. Ещё дитём, вместе с отцовскими скотниками, он учился управлять с конями и волами. Теперь эти навыки емугодились. Поднакопив денег, он купил несколько жеребят и теперь как в ребяческие годы носился с ними, объезжая и готовя к торгу. Вырастив до года лошадь, объездив её, Михаил продавал её в две цены. Тем и жили.

В один из дней, когда по арыкам впервые пускается вода, к Марфе пришла знакомая, когда-то жившая в Запорожье жена председателя местного совхоза, с которой они успели сдружиться. Марфа в это время была в бане, стирая на всю семью. Её позвал Егорка:

– Мам, там к тебе пришли. Ждут у калитки.

Марфа засеменила к воротам. У калитки стояла, вся расрёпанная, непохожая на себя, подруга. Только Марфа подошла к ней, она давай шептать:

– Марфуша, постой! Не до приветствий сейчас, – и придвинулась ближе к Марфе. – Послушай, вам нужно срочно уезжать отсюда, собирайте вещи.

– С чего это, милая? Что-то случилось?

– Ой, случилось, Марфуша, случилось! Юрьевы донос на вас написали! Мол, слишком хорошо живут, хотя и переселенцы. Что-то нечистое. Я сама только что узнала – услышала, когда муж разговаривал с секретарём. Уезжать вам надо, не то из органов приедут... с часа на час. Сегодня же уезжайте! Вы не знаете, что это такое – органы!..

– Да, мы не знаем, не знаем, что такое органы, – задумчиво

и с усмешкой в голосе, которую не заметила её собеседница, прошептала Марфа. Ей стало дурно от того, что опять нужно куда-то уезжать. – Ну вот что. Спасибо тебе. Если смогу – в долгу не останусь.

И быстро пошла в дом, оставив растерянную знакомую у ворот. В хате она разослала внуков по всему селу собрать взрослых сыновей и невесток. Через час все были на месте.

– Вот что, мои родные, на нас донесли в органы, – раздались несколько гневных восклицаний. – Не возмущайтесь – сейчас время такое пошло, а к нему – и люди в придачу. Лучше думайте, что делать будем.

– Да за что? – быстро ответила одна из невесток.

– За то, что слишком хорошо живём, наверное, – прогудел Михаил.

– Если они придут за нами – выяснят, что мы сосланные, – ответила Марфа. – И тогда доказывать уже не понадобится, для приговора будет достаточно этого доноса, – подумав немного, она тяжело добавила: – Надо уезжать!

– Как уезжать? У нас же сады! – возмутился Павел.

– А мы ещё не сдали партию шелкопряда, полторы недели осталось, – добавила жена Степана.

– Я никуда не поеду! Столько сил вложено в эти проклятые сады, скоро фрукты поспеют, что же всё снова бросать? – опять воскликнул Павел.

Спор продолжался долго. В итоге было решено, что Павел с семьей останется – он наотрез отказался бросать сад. Остальные немедленно начали собирать свои пожитки и должны были уехать ещё до заката солнца. В две запряжённые телеги быстро погрузили скarb и детей. Шелкопряд бросили на Павла – взять червей было невозможно. Коней прихватили за узды, предполагая продать или на месте по прибытию, или в дороге. К вечеру почти все Ермолины двинулись в Токмак, где было решено всё начать опять. Павел проводил их до околицы Покровки. Впервые после смерти Кузьмы Абрамыча большая семья разделилась.

– Марат Каипович! Это несправедливо! Я ведь ничего не понимаю, – Алексей стоял посреди лекционной аудитории. Он немного опоздал и когда зашёл, услышал, что лекция идёт на киргизском языке. Но, впрочем, не удивился. Марат Каипович, один из любимых его преподавателей, бывало читал часть лек-

ции на киргизском, чтобы лучше понимали его те, кто приехал из отдалённых регионов, но после всегда переходил на русский. На этот раз лекция полностью прошла на киргизском языке. После её завершения Алексей подошел к преподавателю.

– Что именно несправедливо, Ермолин? – преподаватель посмотрел на него в упор.

– Вы прочитали лекцию на киргизском языке, а я ничего не понял. Почему вы читали не на русском? Как всегда?

– Лёша, не обижайся, но... Посмотри вокруг. Кроме тебя в аудитории нет ни одного, кто бы не знал киргизского. А каждый раз теряешь время на то, чтобы переводить тебе лекцию, я больше не могу.

– Но, как же я?

– Учи киргизский. Или готовься по учебнику самостоятельно. Согласись, что я не могу тебе одному читать лекции.

– Ну, в общем, да.

– Ты хороший умный студент, но если хочешь учиться на русском – езжай в Россию. Мы живём в Киргизстане и должны знать киргизский. Только не обижайся. Ведь было бы странно, если бы в МГУ читались лекции на английском только потому, что среди всех студентов есть один британец.

Вечером дома разразился скандал после того, как Алексей рассказал о произошедшем в университете.

– Вот видишь! Я тебе об этом и говорила! – Лидия Николаевна бегала по комнате из угла в угол. – Как ты теперь учиться будешь, а, умник?

– По учебникам. Сам. Но уезжать я никуда не хочу.

– Думаешь, это коснётся только учёбы? А работа? Куда ты пойдёшь работать без киргизского?

– Значит, я его выучу!

– Дурень! У тебя целая страна есть, а ты сидишь здесь, в чужой.

– Мам, хватит! Всё! Я люблю Киргизию, она мне не чужая, и никуда отсюда я не поеду.

Глава 7

В Токмаке пришлось начинать сызнова. И всё же, в этот раз было гораздо легче – по приезду на тихой Каменной улочке, что упиралась в городское русское кладбище, был куплен свой домик. Вырастить шелкопряда здесь не получалось, как и объезжать жеребят, и тогда купеческая смекалка Ермолиных снова подсказала выход – продавать колбасу.

Для этого Михаил и Степан ездили по деревням и закупали скот: свиней – в колбасу для русских поселенцев, бычков – в колбасу для киргизов, дунган, узбеков, одним словом – для мусульман. Такой колбасы в городе было мало и дело снова пошло в гору. Говяжья колбаса продавалась не только в городе, но и отправлялась в ближние, а затем и в дальние сёла.

В доме днём и ночью работали все, от мала до велика. Старшие свеживали скот, младшие мололи на мясорубках фарш, женщины набивали им бараньи кишки и варили, а после отправляли на продажу.

Егор к тому времени уже возмужал и женился на дочке бывшего солдата. В браке у них родилась девочка, которую назвали Катей. Молодое ответвление семьи Ермолиных тоже работало в общем строю. Егору словно бы передался торговый талант Кузьмы Абрамыча. Никто не мог так удачно и прибыльно продать продукцию, поэтому он с женой занимался сбытом колбас.

Стоя однажды на городском базаре, Егор заговорил с подошедшим за покупкой важным мужчиной лет пятидесяти. Как оказалось, это был директор токмакской школы, выходец из Польши Георгий Людвигович Гнедич-Сужарин. Егор всегда немного отличался от всей семьи своей тягой к знаниям, хотя учиться ему практически не пришлось. Поэтому они быстро сошлись с Георгием Людвиговичем, тем более, что и дочку Егору уже пора было отдавать в школу.

Егор стал часто бывать в красивом, расположенном в самом центре Токмака двухэтажном доме рядом со школой, где по воскресеньям собирался музыкальный салон. Здесь собирались образованные люди города. Среди них были учителя школы, отставные военные, сосланные преподаватели и инженеры.

Сам Георгий Людвигович был весьма образованным человеком, преподавал математику и физику в школе, написал учебник по арифметике, основываясь на местных условиях. Сам он рассказывал, что его отец был профессором математики в Ягеллонском университете Кракова, потом, поддавшись общему настроению покорения неизвестной Средней Азии, уехал с семьей в Ташкент, где и скончался от подхваченного тифа. Мать же не смогла вернуться в Польшу, и сын, по просьбе многочисленных друзей Людвига, вскоре получил должность директора одной из школ горной Киргизии, где ныне и жил.

Однажды, в самый разгар собрания музыкального салона, когда после музыкальной части перешли в столовую и начался

традиционный обед, во время которого спорили о Фрейде и его учении, во входную дверь затарабанили.

– Свои вроде все дома, а чужих нам не надо, – пошутил Георгий Людвигович, но пошёл открывать двери. – Может, кто-то задержался...

В зал вошло пять человек, одетых в военные гимнастёрки, один из них спросил хозяина:

– Вы – Георгий Людвигович Гнедич-Сужарин?

– Да, это я. Но, позвольте спросить...

– Вы – поляк?

– Да, но...

– Мы из ОГПУ. Вот постановление на арест вас и всех, кто в данное время находится в доме.

– Но позвольте, по какому обвинению?

– По обвинению в попытке шпионажа на английскую разведку и собрание подпольной диверсионной группы, главной целью которой является подрыв Советской власти в Токмаке.

– Но я ничего такого...

– Мы разберёмся. Уведите его, – махнул он стоящему у двери бойцу. – А вы, – скомандовал он троим военным, – берите всех остальных.

Егор вместе со всеми был арестован и увезён во Фрунзе. Там проходила череда допросов членов музыкального салона.

В тот же день в доме Ермолиных прошёл обыск. Было найдено письмо на польском языке, которое Егор получил за Георгия Людвиговича на почте, но забыл занести его в то воскресенье. Никто из следователей и судей не знал польского языка, и письмо было переведено так, как было нужно для обвинительного заключения. В письме будто бы сообщалась численность токмакского и фрунзенского гарнизона англичанам.

Допрос Егора проходил во Фрунзе следователем Сафаровым. Перед этим Ермолину три дня не давали ни воды, ни еды.

– Итак, вы утверждаете, что не имеете отношения к группе диверсантов Гнедича-Сужарина? – Сафаров ходил вокруг стула, на котором сидел Егор.

– Нет, мы собирались для того, чтобы поговорить о музыке, философии, Фрейде... У него же был музыкальный салон – мы пели, танцевали, а не...

– Вы танцевали в то время, пока советский народ терпит нужду?! Пока он строит молодое государство! А вы танцевали? – размахнувшись, Сафаров ударил Егора по лицу. – Пиши, кто ещё входил в вашу подпольную ячейку!

– Я же вам объясняю, – Егор говорил медленно, у него кружилась голова, но не от ударов, а от трёх проведённых дней без воды. – Мы ни на кого не шпионили, мы говорили о математике, о музыке.

– О математике, говоришь? Так вы называете сбор сведений о гарнизонах Токмака и Фрунзе?

– Да нет же, нет! Мы говорили о польке...

– Полька? Таким кодом вы называли связанных за границей? Говори, свинья! – он снова ударил Егора, который по инерции упал вместе со стулом на пол. – Ты будешь говорить? Не будешь? Ну хорошо! Посмотрим, как ты ещё пару деньков побудешь без воды и жратвы, – и, вызвав конвой, отправил Егора в камеру.

Через два дня Сафаров снова вызвал Егора на допрос. Ермолин шёл с большим трудом, и его поддерживала за руки конвойная команда.

– О, кажется, дозрел до нужного состояния! Щас будем плоды пожинать. Ну что, будешь теперь сознаваться, а? Твои-то поделники уже сознались! – Егор молчал. Сафаров вспыл и начал избивать его, но видя, что Ермолин не приходит в себя, взял из угла заранее приготовленное ведро и плеснул водой на арестанта. – Вот. Живой, голубчик. Ну что, будешь писать?

– Мне не в чем сознаваться.

– Слушай, Ермолин, давай по-хорошему. Ты подписываешь признание и получаешь десять, ну, максимум пятнадцать лет лагерей. Потом возвращаешься к семье. Иначе – к стенке и дело с концом. Ну, договорились? – но, видя, что Ермолин шепчет губами «нет», Сафаров опять озверел. – Ты что, собака, пить не хочешь, а? Ты же не жравши уже пять дней...

– И не к такому привык, – снова тихо-тихо пробубнил арестант.

– Где же это ты привык-то, а? – Сафаров задумался и вызвал команду конвоиров. – Вот что. Сделайте-ка ему наш изысканный зинданчик, дня эдак на два-три. Только смотрите, чтобы совсем не сдох, он пока ничего не подписал.

Наказание это было в том, что арестанта выводили во двор тюрьмы и он рыл себе вертикальную нишу в земле по своему росту. Потом его опускали туда и забрасывали по самую шею землёй. На поверхности оставалась одна голова. Арестанту не давали ни пить, ни есть, а место, где он рыл себе зиндан, было в самом жарком углу двора. Через два дня голова арестанта

опухала, через три – он уже почти не видел и не чувствовал, через четыре – не слышал, а через пять, как правило умирал. Но этого старались не допустить.

Спустя двое суток Ермолина вырыли и принесли на допрос к Сафарову, перед этим выдав кружку воды, чтобы он пришёл в сознание.

– Ну, как себя чувствуешь? Понравился зинданчик? Это моё собственное изобретение, навеянное азиатской атмосферой, – похвастался Сафаров. – Правда, я его немного изменил по сравнению с тем, что практиковалось здесь ранее в дикие времена. Ну-с, ты готов подписать признание?

– Мне не в чем признаваться.

– Как же это не в чем? Помимо того, что тебе предъявлялось, мы узнали, что ты кулак, выслан из Украины, – увидев, что глаза Егора расширились, Сафаров усмехнулся. – Да, да! И ты сам мне сказал об этом, когда проговорился про голод. Я запросил архив ОГПУ и нашёл на твою семью дело. Кулаки, антиреволюционно настроенные, социально опасные элементы. Да здесь хватит на всех Ермолиных.

– Не трогайте их, они не были у Георгия Людвиговича.

– А какая мне разница! Так хоть выгода – посажу целый выводок предателей.

– А если... если я сознаюсь?

– Вообще-то нам уже и не нужно твоё признание. Все из твоей ячейки сознались, указали друг на друга, так что... – Сафаров сел напротив Егора. – Впрочем, если ты укажешь ещё на нескольких токмакских, то, может быть.

– Я подпишусь... и назову... кого вам нужно?

– А не надо никого называть. Вот бумажка, здесь уже все указаны, только подпиши.

Сафаров вставил Егору в пальцы чернильную ручку и показал, где нужно поставить роспись. Опухшие, задубевшие под землей пальцы не слушались, и он еле-еле нацарапал свою фамилию.

– Ну, вот и молодец! Давно бы так! А семьёй твоей займусь в следующем месяце, план-то надо выполнять.

– Но вы же сказали...

– Мало ли что я сказал врагу партии и народа, – Сафаров усмехнулся и закурил папиросу.

– Ну, ты и сволочь... падаль...

– А я тут причём? Это не я. Это просто работа такая. Палачи нужны были во все времена. Одни – распинали на Голгофе

provokatorov, другие – рубили головы на Гревской площади, третьи – вешали вдоль дорог, четвёртые – линчевали на эшафотах... Сейчас пришло время пули.

Сафаров вызвал конвойных, и команда увела Егора. Через день, поздней ночью, Ермолин был расстрелян вместе с Гнедичем-Сужариным в городской Карагачёвой роще. Через десять лет там начнут строить Центральный парк культуры и отдыха для горожан. Стройка будет прервана войной и единственное, что останется от проекта – два озера: Пионерское и Комсомольское, – любимое место городской ребятни.

Когда по Токмаку прошёл слух, что директора школы и весь салон арестовало ОГПУ, жена Егора и Марфа сначала не поверили, а потом, добежав до двухэтажного дома Гнедича-Сужарина, убедились сами, увидев, как там стоят красноармейцы. Оттуда женщины бросились назад, и вновь был созван семейный совет. Так уж повелось, что возглавляла семью Марфа.

– Нас опять хотят изничтожить, – каждое слово давалось ей тяжело, но Марфа продолжила говорить. – Сначала раскулачивание в Кантемировке, потом ссылка в степь, затем Покровка, Токмак... Вот, что я думаю... Нам нужно снова уехать... Быстро продадим дом – приедем, который не знает об аресте. Местные-то не купят. Возьмём, какие сможем, вещи, и уедем.

– И куда, мам? – устало спросил Михаил.

– Я думаю, что нужно бежать во Фрунзе.

– Как это во Фрунзе? Там же ОГПУ и милиция! Нас же первым делом возьмут, – начала возражать сноха.

– Поэтому туда и поедем. Не подумают они, что мы в самое их логово ринемся, – Марфа закрыла глаза, словно повесив на себя очередной камень. – Всё. Решено. Собирайте вещи. Михаил, найди покупателя на дом.

Через двенадцать дней, едва продав дом, в очередной раз Ермолины погрузили вещи на брички и двинулись ранним утром по западной дороге в столицу. В эту же ночь во Фрунзе был расстрелян Егор.

К счастью для Ермолиных, Сафаров за дело действовавших в глубоком тылу английских шпионов, получил повышение и не успел завести дело на остальных членов семьи.

– Лёшка, ты слышал новость? – к Ермолину подбежала старшекурсница. – Нет? В Москве будет конференция по истории Средней Азии. Самое интересное – студенты могут участвовать, и есть три места для нас.

– А кто отбирать будет?

– Проректор.

– А что нужно?

– Представить резюме, опубликованные статьи, если есть. Ах, да – характеристику из деканата ещё. Лучшие поедут за счет России. Почему бы и тебе не попытаться?

– Конечно. Спасибо!

Следующие несколько дней Алексей собирал документы, копировал статьи, опубликованные в сборниках, и дипломы о победах на конкурсах. Алексей не мог сказать о себе, что он был отличным студентом, увлечённым только наукой. Скорее даже и наоборот. Ему претила однообразие и он занимался всем, что способно было его заинтересовать – и историей, и журналистикой, и литературой. Несколько раз бывал в летнее время на раскопках городищ вблизи Бишкека. Писал стихи. Играл в университетской команде КВН.

Отбор происходил в кабинете проректора. Секретарь собрала приготовленные ребятами бумаги, и они вместе углубились в чтение. Папка Ермолина, по сравнению с другими, была ощутимо толще.

Экзаменаторы начали задавать вопросы о публикациях и научных увлечениях. Всех, кто до этого не имел опыта подготовки статей, попросили выйти. Осталось с десятков человек.

– Есть ли среди вас участники археологических экспедиций? – проректор из-под густых бровей осмотрел сидящих за П-образным столом.

Ермолин и еще трое подняли руки.

– Хорошо, всем остальным спасибо. Оставайтесь, пожалуйста, вы четверо, – оглядев оставшихся, он что-то шепнул секретарю. – Кто из вас может красиво говорить, если нужно будет дать интервью?

С места поднялся молодой парень в ладно сидящем костюме с галстуком с косую полосуку.

– Я уже давал несколько интервью. Я при Садыр-аке, моем дяде, вы его знаете, депутате Жогорку Кенеша, состою помощником, и мне приходилось иметь дело с журналистами.

Ермолин понял, что нужно действовать быстро.

– Я несколько месяцев работал в пресс-службе нашей команды по КВН, сам писал и интервью давать приходилось.

– А вы, молодые люди? Вы сможете дать интервью и представить Кыргызстан?

– Я... мне говорить по-русски трудно.

Второй парень согласно закивал головой.

– Так кто же за вас писал статьи? Как вы будете в Москве докладывать? – Возмутилась секретарь, но взгляд начальника заставил её замолчать.

– Язык не главное, важнее голова. Верно, парни? – двое из сидящих активно закивали головами. Двое других в недоумении пожалы плечами.

– Вы все достойны. Но нам нужны только трое. Расскажите, чем ещё вы увлекаетесь и какие награды имеете, – сказала секретарь.

И снова вышло так, что Ермолин, в силу своей разносторонности, был лидером.

Проректор опять зашептал что-то секретарю. Она что-то пыталась ему доказать в ответ, но он отрицательно мотал головой.

– Хм-м, – в нерешительности протянул проректор, но, вдруг приняв решение, спросил, – все из вас знают киргизский язык?

Алексей сразу понял, для кого был предназначен этот вопрос.

– Простите, а для чего нам в Москве может понадобиться киргизский? – напрямик спросил он.

– Нужно достойно представлять страну, в которой ты живёшь. Вдруг вас там спросят по-киргизски, а вы, Ермолин...

– Кто меня может в России спросить по-киргизски?

– Нам решать, Ермолин, о чём и где спросят. Вы пока ещё студент. Знайте своё место! – проректор вышел из себя. – Страну должны представлять люди, которые знают её язык, культуру и историю.

– Я знаю историю и культуру, а язык пока ещё...

– Все решено, Ермолин. Вы не поедете. На конференцию отправятся остальные трое.

Алексей вышел, хлопнув дверью, подспудно понимая, что зря спорил и распалялся. Но его душила такая праведная и бесшумная обида, что слёзы невольно покатились из глаз.

– Лёха, ты чё такой гружённый? Баба бросила чё-ли?

Алексей и не заметил, что на ходу едва не врезался в знакомого. Тот уже закончил учёбу, если это так можно было на-

звать, но никак не мог забрать свой диплом. Был Дастан выходцем из так называемой золотой молодёжи, окончил университет благодаря отцу министру, особыми успехами не блистал.

– Я... просто... – сразу ответить Алексей не смог, пытаясь прийти в себя.

– Да не парься, в любом случае всё будет в порядке. Найдём тебе новую кралю, ты ж у нас умный, – Дастан загоготал на все фойе.

– Да не в этом дело!

– Друзе, не заморачивайся, – он положил руку на плечо Алексею, – тебе надо расслабиться. Я с пацанами собираюсь в сауну: тёлочки, мартини, кальяничик. Пойдёшь, а? Бабло с меня, я угощаю. Давай, решайся!

Нельзя сказать, что Алексей чурался вечеринок и застолий, но пил всегда немного. Однако сегодня у него на душе было слишком погано, и он не устоял.

Сауна располагалась на окраине Бишкека. В помещении была парилка, бильярдная, несколько спален, гостиная. Свет был ультрафиолетовый, и сильно выпившему Алексею всё казалось размытым, в голубом зыбком тумане.

– А почему-у-у водка синяя? – заплетающимся языком осведомился Алексей у новых знакомых.

– Хах, ну ты и жжёшь, перец!

– Не трогайте его, – Дастан подлил Алексею в рюмку, – ему сегодня хреново. Чё с тобой произошло-то?

Алексей, не собиравшийся ничего рассказывать Дастану, неожиданно для себя поведал ему об обиде.

– Если я русский, то, значит, хуже, да? Меня можно отодвигать в сторону, да?

– Лёха, постой, брат. Ты не зришь в корень.

– Я не могу уже учиться. Меня избили, я даже заниматься наукой теперь не могу! Я – второсортный человек! Понимаешь? Мне незачем здесь жить! Незачем.

– Брат, перестань.

– Я – нацмен, я – ...

– Алексей, погоди. А разве раньше русские не называли так нас? А? Тебе, брат, все вспомнить прозвища?

– Но мы построили дороги, заводы, ГЭСы, больницы, провели ликбез, мы...

– С вами, с другой стороны, был 16-й год, было изгнание в Китай, были царские налоги. Разве не вы принесли пьянство? Я не говорю, что русские – это плохо. Наоборот. Но теперь у нас есть своя страна, а у вас – своя.

– Значит, я здесь больше не нужен?

– Ты можешь остаться, если будешь приносить доход и не станешь лезть на тёплые места. Это, Лёха, как говорит мой батя, всё политика!

Вечеринка закончилась только под утро. Алексей не держался на ногах, и Дастан повёз его домой. Подъехав к дому, парень заметил Лидию Николаевну. Открылись двери машины, и из неё вывалился Алексей.

– Ты – дурак! – мать выкрикнула навстречу сыну, – ты хоть понимаешь, что я обзвонила все морги, все отделения милиция, что я...

– Мама, – Алексей дошёл до матери, не смог поднять глаза, хотел что-то сказать, протянул руку в жесте и повалился на Лидию Николаевну. – Мама!

– Лёша, да ты пьян! Я никогда тебя таким не видела. Ты цел? Лёша, очнись! – Лидия Николаевна ударила лежащего на её коленях сына по щеке и раз, и другой.

Ермолин открыл глаза. Он увидел наклонившуюся над ним мать. В свете фонаря, что горел над городской улицей у калитки их дома, куда они не успели зайти, Алексей рассмотрел все морщинки на лице матери, приметил, что седых волос на её голове прибавилось, отметил про себя, чего до этого не замечал в круговерти дня, что мать сильно постарела. На него смотрели усталые глаза, в которых стояли слёзы.

– Мама, – он попытался приподняться, но это не удалось сделать. – Мама! Давай отсюда уедем.

– Что ты такое говоришь? Ты напился, а теперь хочешь ещё и дом продать? Зачем?

– Нет, мамуль, давай уедем из Киргизии.

– Что это на тебя нашло? – Лидия Николаевна смотрела на сына и не верила услышанному, ещё утром он говорил ей прямо противоположное.

– Мама, мы здесь больше не нужны. Я это понял, мама. Мы среди чужих людей, на чужой, ставшей для нас горькой, земле.

Глава 8

– Ефрейтора Ермолина ко мне!

Команда, отданная лейтенантом вполголоса, передавалась красноармейцами вдоль окопа, пока не дошла до Михаила Ермолина.

– Товарищ ефрейтор, вас лейтенант вызывает, – передал Михаилу лежащий рядом с ним боец.

Михаил, пригибаясь в окопе, подбежал к лейтенанту.

– Товарищ лейтенант, вызывали?

– Вызывал. Садись, – лейтенант указал жестом на место в окопе рядом с собой. – Ермолин, ты же из Азии призван?

– Так точно, из Фрунзе, – Михаил не понимал, зачем лейтенант завёл этот разговор и к чему он клонит.

– Я помню, что ты ведь не один призван из своей семьи?

– Да, с братьями. Павел – на Калининском фронте, а Степан – на Западном.

До Ермолина ещё не дошло письмо от Павла, что тот попал под миномётный обстрел и ему оторвало ногу. Брат был списан домой во Фрунзе, как негодный к боевым действиям.

– А чего же ты, такой старый полз на фронт? Ты же мог и не призываться?

– Да я хотел ещё раз на места, где родился, посмотреть.

– Странный способ! – лейтенант засмеялся глупости старшего Ермолина. – А так, до войны или после неё, нельзя было выбраться?

– Всё не получалось, товарищ лейтенант, – Михаил не стал рассказывать, что ему как ссыльному, нельзя было выезжать из Средней Азии, а в кутерье мобилизации на это не обратили внимания.

– В общем, дело твоё, но слушай внимательно. В роту было пополнение новобранцев, и все они из Азии – киргизы, кажется, и по-русски ни слова. А ты оттуда. И родину заодно вспомнишь, и их поучишь. Займись ими, пока бой не начался, а то полягут в первой же атаке, понял?

– Так точно, товарищ лейтенант. А где мне их учить?

– А они уже ждут тебя во второй линии, – он махнул назад.

Михаил прошёл по лабиринту и нашёл новобранцев, которые стояли и с любопытством оглядывали окрестности.

– Вы что встали? Пули захотели? А ну, пригнитесь! – заорал на них Ермолин и жестами рук красочно подтвердил всё то, что о них думает.

Половина из новобранцев присела, другая продолжала стоять. Наконец, первые перевели вторым, чтобы те тоже присели.

– Так, братцы, вы все откуда? Киргизы?

Один из севших, внимательно вслушиваясь в слова Ермолина, словно вспоминая значение каждого из них по отдельности, а затем вместе, ответил:

– Никак нет, товарищ генерал, – он оглянулся на всех сгрудившихся рядом с ним. – Я – киргиз, вон те – киргизы, а вон те – дунгане, те – каракалпаки, те – узбеки. Здесь только четыре киргиза.

– Какой я тебе генерал! Ты что! – Ермолин замахал на него руками. – Я – ефрейтор. Лычку не видишь? Вас звания учили различать?

– Никак нет, товарищ ген... то есть... рипрейтор! Не учили. Мы решили ко всем обращаться «товарищ генерал». Так наверняка не ошибёмся и не обидим никого.

– Ладно, но ко мне обращаться – товарищ ефрейтор. Е-ф-ре-й-тор. Если вы не киргизы, то почему вас так называют?

– А мы все из Киргизии...

– Значит, земляки. Вот, что земляки, – он повысил голос, как это делал обычно комиссар перед строем. – Да ты переводи мои слова, переводи... Мне приказано вас учить, ясно?

– Так точно! – гаркнули все, против ожидания Ермолина, дружно.

Михаил принялся учить новобранцев фронтовым премудростям.

– Запомните, если вы слышите звук пули – не нужно пригибаться. Если её слышно, значит, она летит метрах в трёх от вас или слева, или справа. Ту, что вас убьёт – вы точно не услышите, понятно?

– Товарищ еприйтор, а можно задать вопрос? – и получив утвердительный кивок, красноармеец продолжил. – А как при атаке отличить, где наши солдаты, а где – фрицы?

«Вопрос правильный, – отметил про себя Ермолин. – Цвет формы не поможет. В бою все так обваливаются в грязи, что понять, где и кто, затруднительно. Но как же это объяснить?»

– А вы по каске смотрите. Если она есть – стреляй смело, это фриц. Если нет, скорее всего, наш, – нашёлся Михаил. – Теперь дальше. Если вы не видите, кто стреляет в вас, то слушайте. Немецкий автомат бьёт, как сухой горошек по деревянной доске, а наш ПэПэШа – трещит, понятно? – ученики кивнули.

– Если на вас идёт стрелковая цепь – не сбивайтесь в кучу. Наоборот бегите перебежками или лежите поврозь, так хоть и страшнее, но в живых останется больше, это-то понятно?

Как оказалось, почти треть новобранцев никогда и не стреляла, и не держала боевой винтовки в руках. Пришлось им устроиться с разрешения командира роты полигон и учить стрелять.

Всё надо было объяснять: как целиться, как перезаряжать, как сохранить от влаги винтовку, как чистить и смазывать.

– И теперь главное и последнее. Вы, земляки, молиться умеете?

– Товарищ епрейтар, Аллаха нет! Нам так сказали в призывном пункте.

Через два дня, пятого июля 1943 года, начался настоящий бой. Шло тяжёлое каждодневное и еженощное изматывающее наступление. Седьмого июля лейтенант приказал Ермолину и его группе «киргизов» занять небольшой овраг, лежащий левее от основного направления.

– Товарищ лейтенант, они ещё совсем не готовы.

– А где мне других взять, а, Ермолин? Веди их, это приказ. Я тебе пулемётчика дам толкового.

Через двадцать минут Ермолин с вверенной ему азиатской группой уже пробрался на склон оврага. Минут через десять на них попёрла стрелковая немецкая цепь. «Максим» стучал солидно «д-д-д-д-дддд», но заставить лечь немцев не мог. Те огрызались и шли вперёд. Внезапно ритмичные звуковые всполохи прекратились. Михаил бросился к пулемёту – оказалось, что боец убит.

– Рассредоточиться и залечь, прицельно стрелять по цепи!

– Крикнул Ермолин своей группе. Но, обернувшись, увидел, что они сбились в тесную кучу. Долго смотреть на них у него не было возможности, Михаил сам залёг за станковый пулемет.

За первой цепью немцев оказалась вторая, за ней вдаль маячила третья. Его бойцы понемногу пришли в себя и стали отстреливаться, но больше мимо: они стреляли, не целясь. Ермолин окончательно понял, что его с бойцами берут в кольцо и вот-вот перебьют. Ему также было ясно, что перестань он стрелять из «максима» – всем сразу придёт конец. Жестом Михаил позвал переводчика.

– Видишь во-о-он ту глубокую колею? Она ведёт к нашим окопам. Возьми всех с собой и идите обратно.

– Как, товарищ еприитор, отступить? Нам говорили, что...

– Отступить! Драпать! – Михаил не мог больше терять время и что-то объяснить новобранцу. – Я вам приказываю: бегите назад. Будет подкрепление – отобьёте следующую атаку.

– Но вы ведь погибнете?

– Выполняй приказ! Быстро! – заорал Ермолин, сделав страшное лицо.

Его группа зашевелилась, и один за другим бойцы засколь-

зили в колею – бежать назад, в окопы. Увидев это, Ермолин во весь голос почти как в детстве, в Кантемировке, запел с чётким упором на долгие гласные, что так явственны в украинских степных песнях:

– О-о-о-о-о-отче наш, Иже еси на небесе-е-е-е-ех! Да свя-
тится и-и-и-имя твое-е-е-е-е, да при-и-и-и-дет Ца-а-а-арствие
твое-е-е-е-е-е-е-е...

Ещё какое-то время бойцы слышали сквозь артиллерийские разрывы и танковый гул, как надрывно работает пулемёт их «товарища генерала». Когда же они добрались до линии окопов, стрёкот внезапно оборвался.

– Ой, ну не знаю. Мы вот не смогли жить в России и вернулись.

В той самой большой комнате ермолинского дома, где только и можно было принимать гостей, собралось несколько старых знакомых семьи. На столе были привычные малобюджетные куриные окорочка, тушёные с луком, салат оливье, от первоначального рецепта которого осталось только название, и бутылочка прошлогодней малиновой наливки. Лидия Николаевна рассказывала приглашённым, что собираются продавать дом и объявления в газету уже поданы.

– Так, и сколько вы хотите взять за этот дом? – спросила женщина, которая работала с Лидией Николаевной в одной школе.

– Планируем взять сорок-сорок пять тысяч...

– И это правильно! Дом хоть и старый, но в центре города. Его возьмут под снос, – добавил муж коллеги Лидии Николаевны.

– А что хотите купить в России? Там же это – гроши.

– Да мы понимаем, но... Может, хоть под Калининградом что-нибудь возьмём. Там мы уже университет для Лёшки присмотрели, – Лидия Николаевна была наполнена воодушевлением, казалось, её хорошее настроение витало по комнате.

– Ой, Лид, не знаю. Мы же пытались с мужем уехать в Россию, когда он ещё нормально зарабатывал. Помнишь, Вадик? – она кивнула на мужа, увлечённого наливочкой и, не дождавшись его ответной реакции, продолжила. – Хорошо, что здесь ничего не продали. Приехали мы туда. Хотели в Белгород, да денег не хватило что-нибудь купить в самом городе. Взяли рядом с ним четырёхкомнатный немецкий домик. Я ездила в город

в гимназию, куда смогла устроиться, а муж начал работать в местном приватизированном колхозе. Вадик же мой вообще не пил, даже по праздникам. Задерживался, конечно, допоздна, но и приносил домой приличную зарплату. И всё поначалу шло хорошо. Сын учился в местной сельской школе, стал отличником. Я радовалась, что переехали, уже думали квартиру здесь, в Бишкеке, продавать. Хорошо, что не успели.

Лидия Николаевна слушала подругу, но было видно, что она больше думает о своём.

– Но месяца через три мнение начало меняться. Словно глаза открылись. В деревне, где мы жили, постоянно пили. И мужики, и бабы. Вот и пристали к Вадику: мол, все выпивают, а ты чего не пьёшь? Умный такой, что ли? Давай с нами!

Рассказчица перевела дух, глянула на мужа и продолжила:

– А пьют-то что? Есть деньги – дешёвую водку из сельпо, нет – вонючий самогон в долг. Муж вроде начал отказываться, говорил поначалу, что вообще не пьёт – тогда ему бойкот на работе устроили, никто не разговаривает и не хочет с ним работать. И как тут быть? Хоть увольняйся, а другой работы в селе нет. Вот Вадик и начал потягивать в компаниях... Потом к сыну пристали одноклассники. Дескать, все в девятом классе уже и пьют, и спят с девочками, а он – нет. Наверное, больной какой-нибудь. Сын тоже втянулся. Как ни приеду с работы, они оба уже или пьяные, или подвыпившие. Поняла, что нужно что-то делать, иначе семье конец. Поехали обратно. Благо, было куда возвращаться.

– Маша, ну, может, не везде так, – Лидии Николаевне совсем не хотелось разбивать построенный в уме идеальный план их с сыном будущего.

– Лид, послушай, что я тебе расскажу, – вмешалась в разговор ещё одна женщина, Наташа, до этого молчавшая. – А дальше решай уже сама. Ты же знаешь, что я хожу в церковь, в наш Воскресенский собор? Ну, вот. Там я помогаю в соцотделе: вещи ненужные от людей принимаю, потом раздаю их забытым старикам и больным. Приходит к нам лет пять подряд одна женщина, лет сорока пяти и явно тронутая умом. Обычно, мы всё обо всех знаем – люди сами и рассказывают, надо же поделиться своим житьём-бытьём. А эта постоянно молчит. Наши девочки всё гадали, что к чему, пока одна старушка, давно знавшая семью женщины, всё ни рассказала.

На этот раз Лидия Николаевна начала внимательно слушать.

– Старуха эта, божий одуванчик, рассказала, что женщина ещё лет пять назад была нормальная и работала бухгалтером на одном киргизско-российском предприятии. У неё была семья: муж и сын, заканчивающий школу. И загорелась она желанием переехать в Россию. Супруг был против, но она настояла. Продали квартиру, гараж, дачу. Выручили тысяч сто, наверное... Муж у неё был горным инженером, так что решили перебраться на Урал. Тоже в каком-то селе взяли большой дом. Подумали, что чем тесниться в городской квартирке, лучше приобрести хороший домик в деревне. Взяли. Как всегда, наши из Киргизии привезли ковры, телевизор, компьютер, мебель, приличные вещи, одним словом – полный дом и гараж. Супруг её подновил особнячок, поставил кирпичный забор, и начали они там жить. По нашим, азиатским, обычаям пригласили соседей на новоселье. Тем это было в новинку, но пришли... Посмотрели на внутреннее убранство дома. Начались пересуды – мол, вот какие-то приезжие, а такие богатые, живут лучше нас, коренных. Недели через две-три к мужу тоже начали приставать – давай, пей. А он – ни в какую! Хорошо работал, дом полная чаша. Соседи так им завидовали, что начали делать всякие мелкие гадости. То забор измалюют краской, то провода срежут, то колёса машины проткнут. А муж был вспыльчивый – одного, второго, третьего поймал, рожу набил, рёбра сломал. Затаило всё село на него тихую злобу, а сделать-то ничего не могут.

Лидия Николаевна встала из-за стола и принесла горячее.

– А тут, как на зло, предложил ему кто-то купить старенького японца – машину совсем задёшево. Ну он, не будь дурак, и купил, и прикатил на нём в село. А первую свою отдал сыну, – женщина перевела дыхание и опять продолжила.

– В тот день женщина эта уехала утром в город на работу. Вечером возвращается в село... Ещё с дороги заметила, что что-то в деревне не так: все бегают, машины мелькают туда-сюда... Подходит к своему дому – а он полыхает синим пламенем! А на заборе надпись: «Сдохните, азиаты!». Хотя они, по правде-то говоря, были абсолютно русскими. Женщина в крик и давай звонить в пожарную, вызывать милицию. Позвонила мужу – телефон отключён, сыну – то же самое. Что-то кольнуло её сердце. Оглянулась вокруг на людей – все стоят, но никто не тушит. Вдруг опять видит на окраине села ещё дым валит. Она туда. А там – две машины, отца и сына, – обе горят и за рулём обоих по обожжённому скелету. Женщина эта чуть в огонь не залезла. Оттащила её какая-то местная баба. Та никакая, орёт,

воет, кидается в огонь, а эта ей и говорит спокойно: «А чё вы хотели? Так вам и надо, кулаки проклятые. Понаехала тут, азиатщина. Мы сидим без работы – а вы на двух машинах разъезжаете. Скажи спасибо, что тебя дома не было!»

Наташа рассказывала эмоционально, всплёскивая руками и позабыв о еде.

– А наша-то, хоть и воет, а услышала это, как рванула из села. В первую попутку да на поезд в Бишкек. Ни денег, ни вещей – всё сгорело в доме. Проводники были киргизы, отличные ребята, выручили её – так взяли, довели до республики. А здесь она что? Осталась и без квартиры, и без мужа, и без сына. В одном платье. Вот и сошла тихо с ума. Сейчас при церкви живёт, на паперти стоит с протянутой рукой.

– Наташа, хватит ужасы рассказывать! – Лидию Николаевну аж передёрнуло. – Всё у нас будет хорошо. Я верю! Никто нас не будет ни спаивать, ни поджигать.

– Лида, прости меня, дуру, что такое рассказываю, – спохватилась Наташа. – Конечно, всё будет хорошо. Никто вас сжигать не будет.

Все рассмеялись и потянулись за почти остывшим горячим. Раздался телефонный звонок.

– Ой, простите, это, наверное, по поводу дома. Сегодня уже много раз звонили.

Лидия Николаевна подошла к телефону и сняла трубку.

– Алло! Да, это мы продаём дом. Район Церкви. Четыре комнаты. Постройка пятидесятих. Сорок пять тысяч. Да-да! Что? Меня зовут Лидией Николаевной. Нет, никак, столько я уступить не могу. Вы, что издеваетесь? Какие десять тысяч? Какие двадцать? Говорю же – сорок пять. Странный вопрос. Ну да, я – русская. Что? – лицо Лидии Николаевны резко побледнело. – Да как вы смеете? Я сейчас в милицию позвоню! Вы... вы...

Звонок прервался, и Лидия Николаевна грузно опустила на стоящий рядом диван.

– Мама, что случилось?

– Лида! Лида, что такое?

Сквозь поток слёз и всхлипываний Лидия Николаевна прошептала:

– Они сказали, чтобы я продала дом за десять тысяч. Я отказала. Потом за двадцать. Я опять не согласилась. Спросили, кто я по национальности. Я сказала, что русская. А потом... потом они потребовали, чтобы я так отдала им дом. За бесплатно. Это их земля. Иначе они нас сожгут, а землю заберут так, –

она обвела взглядом склонившихся над ней друзей, убрала пальцем слезу с щеки и твёрдо прошептала: – Завтра же я продам дом за первую предложенную приемлемую цену. И мы уезжаем. – Она приподнялась с дивана. – Может быть, нас сожгут здесь, где мы чужие. Может быть, нас сожгут там, где мы ныне – тоже чужие. Но, Господи, скажи, где же мы свои?

Глава 9

Все старшие мужчины семьи Ермолиных в конце лета 1941 года были призваны на фронт: кто по желанию, кто по возрасту. Они так и ушли вместе в один день: Михаил, Степан и Павел. Уже после – их сыновья. Остались только женщины и дети.

Вся работа легла на спины оставшихся. В том же сорок первом семье, как и многим другим, у кого ушли кормильцы на фронт, выделили участок пахотной земли почти в десяти километрах от города. Было решено засадить его кукурузой, однако боялись, что кукуруза не успеет созреть в тот год и помёрзнет. Но урожай выдался на редкость богатым. Арбы и телеги в городе были, а вот лошадей всех забрали. Приходилось початки кукурузы загружать в мешки и нести на себе. Несли все: и самые малые, взяв в руки сумки с початками, и женщины, взвалив по мешку на закорки. Идти было далеко, стояла запоздавшая даже для этих азиатских краёв осенняя жара. Немало было случаев и обмороков, и ударов – старались ходить по двое или всей семьей.

Когда всю кукурузу собрали и затащили на чердак, то наступило «мамалыжное» время, пик которого выпал на зиму. Смолотив кукурузу на мельнице, из неё готовили либо лепёшки, либо мамалыгу. Изредка разбавляли рацион с трудом доставаемой, обмениваемой на ту же кукурузу – не у всех была и она, пшеничной мукой или овощами. Мясо купить было невозможно. Продавались куски падшей от голода скотины, но и они стоили громадных денег.

Так прошли сорок первый и сорок второй. В сорок третьем году жить стало немного легче.

Обычно женщины с детьми днём работали в поле, не только ухаживая за кукурузой, но и охраняя ее. Случаи воровства были и не раз. На ночь тоже кто-нибудь из старших оставался. Поначалу боялись, но потом поняли – главное само присутствие человека, что уже отпугивало местных воров, а на более тяжёлое преступление мало бы кто решился. И за кражу початка-то могли расстрелять без суда.

Вернулся после фронта Павел. Работать он не мог – только лежал на постели, днём охая и всхлипывая от боли, а ночью крича во сне.

В сентябре сорок третьего, когда в воздухе разлита едкая духота, не ослабевающая и ночью, внук уже почти совсем старрой и слепой Марфы забежал в дом. Он по-детски протараторил, что у дома стоит почтальон с письмом. Письма приходили редко – только с фронта, поэтому погрузневшая Марфа, опираясь на грубую палку, проковыляла во двор к калитке.

Почтальон протянул ей бумажку и тихо прошепелявил:

– Вам... вам – похоронка...

Главное, что в этот момент стало важно для Марфы, кто: Михаил, Степан, внуки? Дрожащие руки распечатали бумагу.

– Михаил, – тихо прошептали её старческие дряблые губы.

Прочитав, Марфа облокотилась на калитку. Из дома вышли остальные женщины и кинулись к ней, подумав, что ей стало плохо от жары.

– Мам, мам, что случилось? Вам плохо? – увидев в руке клочок письма, одна из снох взяла его и прочла вслух:

«Ермолин Михаил... героически погиб... награждён посмертно орденом «Славы» третьей степени...»

– Ма-а-а-а-ма! – заголосили они, словно именно с ней и на их глазах случилось непоправимое.

Марфа отошла от калитки, тряхнула головой с седыми волосами и посмотрела на них, плачущих.

– Хватит нить, не до этого, – Марфа вздохнула. Потом продолжила: – Нюрка на поле, надо ей сказать. Вы не ходите за мной, я сама.

И прямо так, не оглянувшись на них, смотрящих ей вслед, оставив забытую у калитки палочку, она вышла со двора и твёрдо, не шатаясь и не заваливаясь, пошла по жаркой улице предзакатного дня. Важнее всего ей было не то, что погиб её старший сын, не то, что у него остались жена и дети, а то, как сейчас, в кукурузном поле, в зное наступившего вечера, сказать Нюре, что Миши больше нет.

– Здравствуйте! У вас есть железнодорожные билеты до Калининграда? – Лидия Николаевна вместе с сыном покупала билеты в одной из железнодорожных касс, расположенных в центре Бишкека.

– Да, конечно. Вам на когда? – продавщица быстро застучала по клавишам клавиатуры.

– Нам нужно на... – что-то сказала Лидия Николаевна, но Алексей отвлёкся прислушиваясь к соседнему столу, у которого сидели женщина преклонного возраста и рыжеволосый парень.

– Понимаешь, сынок, я бы никуда не ездила. Не нужна мне эта Россия. Ну что я там не видела? Но там – дети, сын с дочкой, а здесь я совсем одна. Даже подружки уже все схоронены. Боюсь, если что-нибудь случится с сердцем или инсульт, то и помочь будет некому. Вот и еду... – немного помолчав, она снова заговорила. – Верно толкуют, что хорошо там, где нас нет. А здесь я всю жизнь прожила, проработала в закрытом НИИ, мужа схоронила в Чон-Арыке. Но дети в Воронеже, а здесь – я одна. Вот и...

– Лёша, пошли! – позвала его Лидия Николаевна.

– Взяла? Как планировали?

– Да – три билета в купе. А ты чего там застрял?

– Да так, заслушался, – Алексей неловко замолчал. После паузы проговорил: – Mam, слушай... Ты даже не представляешь, как мне не хочется уезжать из Киргизстана.

– Почему не представляю? Очень даже. Это ты здесь живёшь свой двадцать один неполный, а я – больше пятидесяти. Здесь училась и влюблялась. Мы тут с твоим отцом познакомились в театре Крупской, гуляли по Дзержинке, ели мороженое в парке Дружбы, целовались на Советской и Белинской... И это всё надо оставить. Только теперь – это театр Айтматова и проспект Эркиндик, парк Ататюрка и улицы Байтик батыра и Манаса...

– Mam, так может, передумаем? Пока ещё не поздно...

– Лёш, мне кажется, мы это уже обсуждали и даже не раз и не два. Мы уезжаем не по прихоти, а от нужды, – она замолчала, посмотрела на сына и ускорила шаг. – Пойдём. И... перестань терзать мне душу. И без тебя тошно. Как вспомню, что случилось с Коленькой, твоим отцом.

Глава 10

– Mam, глянь! По-моему, там папа! – Телевизор работал уже несколько часов подряд, чего обычно в семье Ермолиных не бывало.

Алексей и Лидия Николаевна, как и тысячи горожан, с бес-

покойством смотрели эфир местного телевидения, переключая с канала на канал, в надежде понять, что же происходит в республике. Утром в понедельник Николая Ермолина срочно вызвали на службу. И вот уже два дня он не появлялся дома, хотя постоянно звонил домой и успокаивал жену, заверяя, что он в порядке – просто их, милиционеров, как всегда поставили в оцепление из-за какого-то мероприятия.

– Где? – Лидия Николаевна внимательно всмотрелась в происходящее на экране телевизора. – Что Коля там делает?

Она узнала мужа, с которого толпа митингующих только что сорвала пластиковый шлем, что были надеты на всех стоящих в охране по периметру Белого дома. Только теперь, когда началась прямая трансляция – и только по одному единственному каналу – она начала понимать, что сегодня, седьмого апреля 2010 года, снова пришла очередная цветочная революция. А значит, её муж снова в центре событий, как и всегда бывало, когда происходило что-то неладное в Киргизии.

...Больше десяти лет назад между супругами возникла первая крупная ссора.

– Коля, почему ты такой идиот? А? – жена Николая, единственного сына Екатерины Егоровны, распалась всё яростней. Зачем ты едешь в этот несчастный Баткен? Ты – милиционер, а не военный!

– Милая, ты же слышала, что объявили мобилизационный призыв всех, кто имеет опыт боевых действий, а у меня за плечами Афган...

– То, что ты воевал в Афганистане – это понятно. Ты был молодой. Ты был призван. Деваться было некуда. Но сейчас?

– Неужели тебе не понятно? Сегодня эти моджахеды в Баткене, а завтра? Ты хочешь, чтобы маленький Лёшка по Бишкеку ходить боялся? Чтобы его встретили где-нибудь на улице ночью и только зато, что он не той веры или нации – убили? Тьфу, тьфу, тьфу, не дай Боже, – Николай сел на кровать, около которой металась жена. – И потом, у меня есть опыт и навыки. А они как всегда пошлют туда мальчишек с призывного пункта, как и нас в своё время. Так я смогу хоть им помочь советом.

– Ой, Коль, – жена села рядом с ним. – Не нравится мне эта твоя затея. А вдруг что-нибудь с тобой случится и мы с Лёшкой останемся без тебя?

– Не останетесь, я скоро вернусь. Бои не продлятся долго.

Это же не Великая Отечественная. Хотя для нашей молодой Киргизии это тоже серьёзное испытание, – он немного помолчал. – Серьёзное и первое после независимости. В нашей стране, с которой мы связываем своё будущее, не должно быть никаких моджахедов.

В марте 2005 года возникшая между ними ссора, казалось, должна была вылиться во что-то гораздо серьёзнее словесной перепалки.

– Коля, сколько можно? То ты выполняешь свой долг в Афганистане, то едешь в Баткен – спасать нас всех от моджахедов. Спас? Сейчас ты опять куда-то лезешь? В революцию?

– Причём здесь революция, Лид? – Николай устало глядел на жену. – Ты посмотри, что творится на улицах. Мародёры, вандалы. А я, майор милиции, должен сидеть дома и чай распивать?

– Да! Должен! У тебя семья! – и словно на что-то решившись, быстро выпалила: – Если ты сейчас туда пойдёшь, я, ей-богу, уйду от тебя. Разведусь!

– Уйдёшь? Куда? – Николай даже не понял смысла сказанного женой.

– Потребую развод и уйду. Вместе с сыном!

– Во-первых, ты никуда не уйдёшь. И мы оба это прекрасно знаем, – он обнял за плечи обиженную жену. – Во-вторых, Лёша и сам может решить, что ему надо, а что нет – он уже большой мальчик. В-третьих, ты понимаешь, что я не могу сидеть просто так? Ты хоть представляешь, что будет с республикой, если никто не остановит этого мародёрства?

– И ты один, конечно же, всех остановишь?

– Всех, может, и не остановлю, но хотя бы один магазин разграбить не дам.

И тогда он ушёл. А вернулся только через четыре дня, когда обстановка в городе стабилизировалась.

В это время на площади началась первая стрельба.

– Господи, он же без шлема! – Лидия Николаевна закрыла глаза, чтобы не видеть, что происходит по ту сторону экрана, и, тут же открыла, боясь пропустить кадры, где будут показывать мужа.

– Я поеду на площадь, к отцу. Может, чем помогу, – Алексей вскочил с дивана.

– А ну сядь! – цыкнула мать. – Мне вас двоих там не хватало. Смотри! Смотри.

Второй раз митингующие наступали на оборонную линию Дома правительства. Круг оцепления кое-как выдерживал натиск толпы.

– Мам, получается, что папа на стороне власти и защищает её? Но он же сам говорил, что они проворовались, что давно пора всех сменить, – Алексей недоумевающе посмотрел на мать.

– Он не на стороне власти. Он выполняет свой долг и верен присяге. Даже если при этом ему приходится идти против народа и своего мнения, – Лидия Николаевна продолжала следить за бегущими на экране людьми. – Он ведь не политик, чтобы делать то, что хочет народ, а по существу – солдат, который в первую очередь должен исполнять приказ.

Третий и четвёртый раз людская масса наваливалась на линию оцепления. И каждый раз стоящим в охране приходилось немного тесниться и отступать.

– Ах! Не-е-ет! – Лидия Николаевна непроизвольно почти вплотную придвинулась к телевизору. – Лёша, Лёша, смотри!

Очередная волна штурмующих Белый Дом, подстёгиваемая снайперскими выстрелами и внезапными падениями мёртвых людей, стоящих в общей свалке, совсем обезумела. Толпа бросилась что есть мочи на линию оцепления. Пятеро или шестеро штурмующих навалились на то место в обороне, где стоял Николай и вытащили его, швырнув в толпу осаждающих.

– Нет! Нет! Господи, только бы обошлось! – Лидия Николаевна вскочила с кресла. – Где эта несчастная камера?

Кадры с ревущей толпой сменяли друг друга. Было видно, что люди взведены до предела. То и дело, вслед за выстрелами, падали раненые. Их оттаскивали на руках в сторону от бующих событий. Однако Николая больше не было видно, и Лидия Николаевна с сыном напряжённо ждали, когда же он хотя бы мелькнёт на экране.

– Я придумал. Сейчас позвоню ему на сотовый, – Алексей схватил телефон и начал набирать отцовский номер: – Абонент жоопбереалбайт⁶.

– Коля-я-я-я! – закричала вдруг Лидия Николаевна. Алексей обернулся на её истошный крик и увидел отца, которого показывали крупным планом.

Николай Ермолин лежал уже в стороне от общей потасовки на асфальте, окружённый толпой из десяти или двенадцати человек. Каждый из них пытался пнуть ногой или ударить кулаком лежащего милиционера, раздирая на нём защитные латы. Струйка крови под Николаем собиралась в лужу, по которой то и дело протапывались избивающие его люди. Сняв с него защит-

⁶ Абонент находится все зоны доступа сети (*кирг.*)

ный панцирь, толпа оголтело закричала, отошла от тела и начала примерять куски оторванных лат на себя. Ермолин остался лежать мёртвым на асфальте, в разодранном кителе, с почти выдранной планкой наград за Афганистан, Баткен, за безупречную многолетнюю службу республике.

Алексей вместе с Екатериной Егоровной собирал последние вещи, которые остались в доме. Основной скарб уже был отправлен контейнером, купейные билеты куплены, дом продан за сорок тысяч.

Лёша сел на чемодан сверху, пытаясь с силой закрыть его. Но упрямые застёжки не поддавались. Наконец, он с ними с трудом справился, но так и остался сидеть на чемодане. Екатерина Егоровна и Лидия Николаевна суетились рядом.

– Сынок, а следователь не звонил? Ничего не сообщал по твоему делу?

– Я сам ему звонил с неделю назад. Он сказал, что пока они никого не нашли, но дело куда-то продвигается.

– А как насчёт твоих друзей?

– В смысле?

– Ты уже простился с ними?

– Да, мы собирались на квартире у Толика. – Алексей посмотрел на бабушку с матерью. – Ну, нам остаётся только одно. Верно?

– Конечно.

– Вы готовы?

– А чего готовиться? Чай, не к чужим поедем.

Полуденное солнце пекло немилосердно. Редкий ветерок жалкими дуновениями волновал жёлто-коричневую, ржавую, высушенную зноем сорную траву, что росла между одинокими чахлыми деревьями. Они придавали ещё больший вид общей покинутости и такой неиссякаемой обречённости, что, казалось, даже растения понимали бессмысленность вселенского существования. Мумифицированный курай, как бы по глупости и случайно, пробивался сквозь безжизненную красноватого оттенка глину. Три человека, работающие в самое пекло, не прекращали свою молчаливо-печальную деятельность. Наконец, сухой ковыль и курай были выдраны, последний раз малярная кисть пробежала по поверхности, нежно поправлены таблички и стёрта горная пыль. Люди, вздохнув и не говоря ни слова, сели вместе на скамеечку, которую только и оставалось покрасить.

Взгляд сидящих пробежал по очень знакомым, только что обновлённым памятникам на могилках. Каждый холмик был покрыт белыми небольшими камушками, которые очерчивали последнюю территорию каждого умершего. Такова была семейная традиция Ермолиных: всех её членов хоронили на одном погосте – сельском кладбище Покровки. Здесь были все. И старшее поколение Ермолиных: Марфа, умершая сразу после войны, Павел, скончавшийся ещё до её окончания от полученных ранений, Степан, зачинатель традиции хоронить всех именно здесь. И младшие члены семьи: Николай, чей чёрный габбровый обелиск с портретом в военной форме и наградами возвышался над остальными памятниками, сын Павла Юрий, ставший директором одного из крупнейших совхозов республики и умерший в пятьдесят лет на рабочем месте от инфаркта, Людмила, дочь Степана, заслуженный учитель республики, и другие дети Павла, Михаила, Степана, их жёны, и уже даже несколько внуков.

Центром семейного погоста был старый, потрепанный от ветров и дождей, зноя и морозов, небольшой деревянный крест, что возвышался над могилкой Марфы. Этот крест во время похорон стал чуть ли не предметом раздора между Ермолиными. Часть семьи хотела поставить Марфе гранитный памятник, который как бы указывал, что похоронен здесь не абы кто. Но, в итоге, пересилила другая часть, ратовавшая за исполнение последней воли Марфы. Под конец жизни та часто говорила, что хочет на могилу именно деревянный скромный крест, которого, когда он упадёт от ветхости, и поднимать не надо. А что касается плит или обелисков, то она частенько говаривала:

– Не нужен мне никакой камень. Сказано у Господа: наступит последний день, и мёртвые восстанут, и пойдут на восток на Страшный суд, и каждый понесёт на плечах памятник, что стоит на его могиле. Не хочу я нести камень на плечах после смерти. И железа никакого не ставьте. Хватит мне и своего гранита – грехов, что придавливают к самой земле. Поставьте деревянный крест – с ним и пойду ко Христу. Налегке, грехи отмаливать...

Тонкая полоса от перекрестия, удлиняющаяся на восток, была похожа на древние солнечные часы, отмеряющие тенью время жизни. Сквозь перекладину креста в далёкой перспективе можно было увидеть голубые силуэты гор, покрытые белыми снегами и ледниками. Казалось, что они танцуют в мареве раскалённого воздуха, идущего от здешней земли.

– Все наши здесь, – вздохнула Екатерина Егоровна. – Все.

Кроме Михаила, что погиб на фронте. Моего отца Егора, захороненного неизвестно где. Маленькой Гарпины, оставшейся в степи. Кузьмы Абрамыча. Думала, что и я тут упокоюсь. Рядом. Со всеми.

– Мам, а кто будет ухаживать за могилами, ведь наших здесь совсем не осталось? – взгляд Алексея перемещался от одного холмика к другому, от креста к железным пирамидкам, к чёрному обелиску и оградкам.

– Я попросила тётю Зину, соседку нашу. Она обещала. Хотя вроде и они собираются следующим летом уезжать.

– А как же...

Все замолчали, глядя на родные холмики земли. У всех было такое чувство, что в этой земле остаётся самое дорогое, что есть у человека, то, ради чего нужно жить – дом, родные, память...

Немного погодя встали и собрали вещи. Алексей потянулся за кистью, чтобы докрасить скамейку, на которой они сидели.

– Нет, Лёш, дай я сама. Пусть будет это моим последним поклоном родным, – сказала Екатерина Егоровна.

Она взяла в руки баночку с краской, кисточку, наклонилась над скамейкой и вдруг как-то неловко осела, обмякла, навалилась на деревянную поверхность так, что ёмкость выпала из рук, расплескав серебро по земле.

– Мама!

– Бабуль!

Лидия Николаевна с сыном бросились на помощь Екатерине Егоровне, которая потеряла сознание и только тяжело-тяжело дышала, ловя ртом последний воздух.

Скорую вызвать на сельское кладбище было невозможно. Пока нашли таксиста-частника, пока перенесли с трудом грузную и обмякшую женщину, да пока довезли до больницы, Екатерина Егоровна скончалась, не приходя в себя. Вывод медиков был однозначен: нервное напряжение плюс солнечный удар.

Похороны состоялись уже на второй день.

В центре средней комнаты на деревянных немногих колченогих табуретах стоял простой, обитый багряно-красным бархатом гроб. Вокруг него умищались все пришедшие проститься.

– Лида, – шёпотом, который все слышали, проговорила подруга Наталья, – а почему людей так мало? А где соседи?

– Нету уже соседей. Кто уехал, кто умер. Раньше мама всех знала и её все знали, уважали. С новыми соседями так и не получилось поближе познакомиться.

– Мам, пора выносить, – тихо сказал Алексей, – катафалк подъехал.

– А кто же выносить будет? – Наталья оглядела комнату, в которой в основном были женщины.

– Я друзей позвал. Они на улице стоят, – Алексей махнул рукой в окошко, и в дом вошли восемь парней, – пора, поднимайте.

Парни подошли к гробу и долго примерялись, как лучше взять. Для всех это был первый подобный опыт. Наконец, они приспособились, подняли с табуреток гроб и понесли в дверь.

– Окаянные! Вы что делаете? Как несёте? Да поверни её ногами вперед-то! – Баба Клава, столетняя соседка, от возмущения замахала клюкой у лиц парней.

– Давайте повернём, – Алексей хотел было помочь парням, но тут же получил от бабы Клавы клюкой по колену.

– Нельзя родным, нельзя!

Гроб с телом проплывал мимо пустых стен, голых комнат, трещин в стенах, когда-то прикрытых коврами. Многое могла сказать эта пустота. Вот здесь когда-то были полки с подписными книгами, которые Екатерина Егоровна покупала всю жизнь. Здесь ныне нет серванта с хрусталём, который был предметом особой гордости преставившейся. Тут должен был висеть ковёр, в очереди за которым она стояла полтора года. На этом паласе внук впервые сказал ей «баба», а потом прятался от ремня матери под её многочисленными юбками. В этой комнате дочь сообщила ей о замужестве, а будущий зять стоял, опустив глаза, боясь всесильной Екатерины Егоровны. Сколько родни было принято в этих стенах? Скольким она помогла? Скольких отчитала за непослушание... Все это уходило, уходило навсегда.

На покровском погосте все ещё раз, в последний, простились с Екатериной Егоровной. Крышку гроба забили гвоздями и начали опускать в могилу.

Только тут Алексей не выдержал и зарыдал. Его всхлипы разносились по сельскому кладбищу, на котором в этот момент никого постороннего не было.

– Лёшенька, тихо, тихо, – мать ласково обняла сына, – не нужно плакать, не нужно. Это наш последний след на этой земле.

Новый и последний ермолинский деревянный крест встал над родными могилами.

Глава 11

Ермолины сидели в зале ожидания железнодорожного вокзала. До отхода поезда оставалось полтора часа. Чемоданы, сумки и пакеты лежали грудой рядом. По залу разносились крики продавцов и объявления репродуктора. Алексей повернулся лицом к матери.

– Мам, слушай, у меня вопрос. – Лидия Николаевна глянула на сына, вздохнула, кивнула и приготовилась отвечать. – Мамуль, почему так получается, что мы всегда бежим? Почему бежала наша семья из Украины? Почему мы бежали из Покровки и Токмака? Помнишь, бабуля это сама рассказывала?

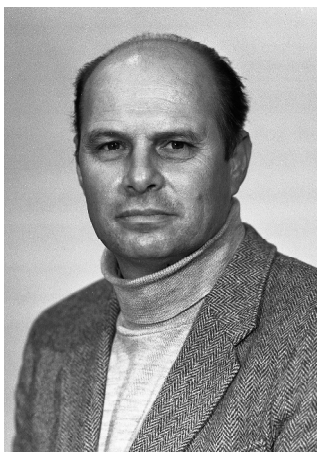
– Рассказывала, – мать повернулась к сыну лицом. – Из Украины мы не бежали – нас выслали, вывезли, словно скот в товарнике. Оттуда нас прогнала власть и её уполномоченные. Я не буду говорить – хороша была эта власть или плоха. Много было разного и, наверное, в чём-то мы её сами заслужили. Но пойти против той власти семья не могла.

– А потом?

– Из Покровки и Токмака мы тоже бежали, потому что нас преследовали, травили ЧК, ОГПУ, НКВД.

– И вот теперь, – Алексей продолжил, – когда, казалось бы, ни власть, ни её органы нас не гонят и не преследуют, мы опять бежим. Это что – рок? Судьба быть всюду чужими?

Лидия Николаевна не успела ответить. По громкоговорителю объявили посадку на поезд Бишкек – Москва и они, подхватив с бетона свои вещи, поспешили на перрон.

Владимир ФЕДОРОВ

РАССКАЗЫ

ФЕВРОНИЯ ТЯНЬШАНСКАЯ

У него был открытый лоб и широко расставленные умные глаза. Спокойный взгляд. Можно сказать, добрый. Уж точно, без всякой угрозы. Асипе даже показалось, что он улыбается. Зубы были крупные, желтые.

Он появился нежданно, негаданно, из-за гранитного валуна, тихо, бесшумно. Карышкыр. Волк. Большой, с густой шерстью. Пригляделась: не волчья шерсть, а овечье руно. Тонкорунный волк. Волк в овечьей шкуре. Страх божий! В горах у чабана нет врага страшнее, чем волк. В охотничьем азарте он может зарезать дюжину баранов, хотя для еды унесет только одного. И бинокль чабану выдают не для подсматривания за женщинами на соседнем стойбище, а чтоб отару стеречь. Глупости, конечно. Как от волка уберечься! Он же хищник ночной. Куда умнее собаки. У собаки нюх на сорок запахов, у волка на восемьдесят. Всё видит, всё примечает. С подветренной стороны человека чует за километр. Каждый киргизенок с детства пуган бабkinыми сказками про злого волка. О-и-и, - пугают озорника, - карышкыр!

А этот, в овечьей шкуре, еще и с голубыми, синими даже, глазами. «Откуда такие?» - думает во сне Асипа. «От мамки, - отвечает волк. - У твоей дочки тоже такие будут». Испугалась Асипа предсказания. Виданное ли дело синие

глаза у киргиза! Но еще пуще испугалась другого. Бюро - вот чего она испугалась. Это красивое, безобидное вроде слово прочно вошло в словарь киргизов, даже в самых дальних горных краях. Как детей волком, так взрослых людей, тружеников колхозов и совхозов пугали этим бюро. «Вот вызовут тебя на бюро, будешь знать» - говорили. Сам башкарма, председатель колхоза, боится бюро. Партком тоже страшное слово. Но в парткоме все знакомые, из одного села. А бюро это в райцентре, в области, в столице. Все чужие. Асипа представила: порежет волк отару, государственное имущество, и вызовут её на бюро, скажут: мы тебя сделали старшим чабаном, а ты не оправдала доверия. Бюро пострашнее волка. А этот, синеглазый, совсем добрый. Остановился в десяти шагах, сел, рассматривая её, лежащую на земле, как в детской колыбельке, в деревянном бешике, на теплом солнышке у ручья, из которого пьют овцы. Они не чувят волка. Он пришел только к ней. И от его пристального взгляда, от удивительных глаз ей стало страшно: всё-таки волк, хоть и добрый. Вздогнула. Медленно разомкнула веки. Неподалеку, шагах в десяти сидел солдат в зеленой фуражке с синими глазами. Пограничник. Лицо в саадинах, гимнастерка в лохмотьях, одна нога в кирзовом сапоге, другая голая, в крови, сапог лежал рядом.

- Ассалом алейкум, - сказал солдат, - не бойся. Я сам боюсь.

И засмеялся. Поднял брошенный сапог, показал на раненую ногу.

- Видишь: грохнулся с горы. Метров сто летел. Мог концы отдать. Повезло. Только нога. Сломал, наверное.

Солдат был взрослый мужчина, с лычками на погонах. Сержант. Протянул руку:

- Пётр. Петя. А тебя как?

- Мен Асипа.

- Выручай, Асипа. Лошадь мне нужна. На заставу мне нужно. Пешком не доберусь.

Никогда раньше не видела Асипа таких синих глаз. Проникали. В самую душу проникали.

- Орус? - осмелев, спросила Асипа,

- Орус, - засмеялся пограничник. - Самый орус. Муромский. Сказку про Илью Муромца, про Змея Горыныча, Соловья-разбойника не слышала?

- Нет, не слышала. Про батыра Ажимулука знаю.

Горы с места на место переставлял - такой сильный батыр.

- Значит, брат Ильи Муромца. Он тоже батыр, самый большой батыр земли русской.

- Доктору тебя покажу. Доктор у нас хороший, абдан жакши доктор. Кокубай. Он учитель, доктор и мельница у него. Всё знает, всё умеет. Когда праздник на джайлоо, День животновода - оодарыш, парни борются, улак-тартыш - джигиты на лошадях дерут козла - знаешь?

- Знаю, знаю улак-тартыш, козлодрание. Приглашали на праздник.

- Когда оодарыш, когда улак-тартыш, обязательно руку-ногу сломают, шею свернут. Сразу идут к Кокубаю: он правит кости. Шею на место ставит, голову. Всё лечит: живот, кожу, малокровие. Рак лечит. Мазь есть, настойка всякая.

Конь у Асипы маленький, иноходец жорго, выносливый, сообразительный, сам знал все дороги окрест. Стреноженный, щипал травку недалеко от отары. Стерпел, когда вместо легкой Асипы взгромоздился тяжелый солдат, почувял твердую руку, уверенную посадку. Пограничнику по службе полагается верховая езда. Асипа шла рядом. Кокубай жил недалеко, на отшибе от айла, на речке Жоо-Журок, Вражье сердце. Речка забегала к нему прямо на огород. Вместе с рыбой, с радужной форелью.

Приехавшие к нему Асипа и пограничник увидели в тени урючины бочку, из которой торчала женская голова, покрытая ак-жолуком, белым платком. Голова время от времени просила: «Кокубай, добавь тепленькой. Колотунбайке достаёт». Кокубай подливал разные снадобья и горячую воду, деловито совал в бочку руку по локоть, помещивал в глубине, шурудил, пациентка хихикала: «Возьмешь четвертой женой - отработаю. Вся твоя - хоть ложкой черпай». «Зачерпнем, зачерпнем», - похохатывал доктор, пробуя температуру и консистенцию ванны. Весёлый был Кокубай. Иной раз и роды принимал не хуже акушерки. И с гинекологией справлялся. И с климаксом к нему шли, доверяли и верили. На все бабские проблемы у него находились решения. Эрозия-марозия, виагра-миагра... Особенно большим спросом пользовалась его растительная виагра-миагра. Кокубай не успевал готовить. Крепкий абсент ядовито-зеленого цвета из масла полыни с добавлением масла

аниса и майорана считался у женщин самым эффективным эротическим стимулятором. Даже если просто подsunуть бутылочку с этим зельем под спальную кошму, в пятидесятилетнем импотенте можно разжечь нешуточную страсть. Главное не переборщить с этим абсентом. Надо знать меру. Но попробуй удержи от перебора кочкорскую секс-бомбу!

- Кокубай! - кричал человек, хромящийся к мельнице. Издалека невооруженным глазом видно было: счастливый. - Кокубай, мне райком партии новую жинку дал!

- Слава КПСС! - приветствовал хромого счастливица Кокубай.

- Чон рахмат! Спасибо Акназарычу. Какой человек! Какую жинку нашел!

Кочкорка переживала за Балдабая: жена померла, куча детей осталась. Женщины сочувствовали вдовцу, обсуждали проблему на женсовете в райкоме. Обратились к первому секретарю Корчубеку Акназаровичу. К кому же еще! Он всему району отец родной. Он и камчой поучит (если за дело, не обидно), он и добрым словом согреть. Не зря же ум, честь и совесть района. И Балдабаеву горю помог. Нашел жинку, привез из другого района. Молодую! Ас-мас за сорок. Не кривая, не хромяя. Всё при ней.

- Рад за тебя! - Кокубай даже приобнял молодожена. - А чего пришел-то? Жон эле? Просто так?

Кокубая на кривой арбе не объедешь. Рентген! Всё насквозь видит. Но Балдабай тянет, не решается заговорить о главном. Очень щекотливый вопрос.

- Слушай, Кокубай, а где твой волчара?

- Нету, - скорбная тень пробежала по лицу Кокубая. - Волчица увела.

- Как так увела?

- Как баба уводит мужика. Пришла ночью, Унтул говорит: слышишь, Кокубай, волк воет. Проснулся, слышу: не волк - волчица. И на другой бок повернулся. А утром кинулся - где мой сынок? Стал выть по - волчьи: у-у-у... Зову. Не идет. Вспомнил ночной вой волчицы - вот в чем дело. Вырос мой мальчик, достиг половой зрелости. Самец. Вот она его и нашла.

Все в Кочкорке знали этого Кокубаевского волчонка, его историю. Как-то приехали в Кочкорку армейские полковники с автоматами, на охоту за маралами. Нечаянно наткну-

лись на волчицу, прошли очередь. Потом Кокубай понял: недалеко было логово, мать уведила полковников от детей. Маленькие были еще, слепые. Расползлись кто куда. Один попался Кокубаю на глаза. Кокубай принес домой, стал выхаживать. Как положено между матерью и волчатами, восемь раз в сутки облизывали друг друга в пахучих местах: рот, за ушами, нос в нос, под мышками, в паху. Так малыш постигает код «свой - чужой». Волчонок лизал и Кокубай лизал, не морщился. Главная проблема была в другом - в кормежке. Нельзя кормить мясом, тем более свежим, с кровью. Как кровь почует, проснется хищник, инстинкт. А чем кормить? Кыргыз и сам в основном мясом питается. Кокубай попросил Акназарова: ты, мол, бываешь в Казармане, на золотом руднике - там другое снабжение, всё есть - фрукты, овощи, макароны. Акназаров привез заморскую невидаль: бананы. И волчонок уплетал бананы за милую душу. Вот хохоту было! Но бананов не напа-сешься. Кокубай кашу варил, подсыпал витаминные травы, дикий лук сарымсак, горный чеснок джусай, копченым домашним сыром подкармливал. С рук не спускал. Ночью укладывал между собой и Унтул. Щенок рос как на дрож-жах. Добрый, ласковый, игривый. Кокубай для него отец и мать, вожак стаи, учитель и гуру. И друг для разных игр и забав. Иной раз налетит - тяжелый, рослый уже мальчу-ган - свалит с ног Кокубая, налезет сверху, норовит лицо облизать, в пах лизнуть. Любит! И Кокубай тает от счастья: да ну тебя! Знал, что не вечно будет ему такая радость. Но не привязывал, не прятал. Никуда не денешь-ся - настанет пора, придет за ним самка. Она и пришла. Ох, бабы! Они и в волчьей стае командуют. Такая комби-нация хромосом. Против бабы не попрешь, за ними, баба-ми, основной инстинкт. Кокубай, как никто другой, знал это. Не умом даже, сам был включен в естественный биологический процесс, сам был пропитан инстинктом. Умникам этого не понять.

- Ты прямо говори: в чем у тебя гельминт сомнений?
- хмуру и напрямик спросил Балдабая.

- Есть разговор, - понизив голос и оглядываясь по сторонам, перешел к делу хромой гость - чолок. Поташил Кокубая к речке, покалякать под шум воды. - Понимаешь, - начал, потупив глаза...

- Понимаю, - с первого слова понял беду молодеже-

на Кокубай. Освободил его от подробностей. - Есть у меня средство. Не горюй.

- Днем она баба, нормальная кыргызка, жуз працент, знает своё бабье место. Она внизу, я наверху, кожоин, - излагал проблему Балдабай. - А ночью органы власти меняются: она садится сверху - я внизу. И еще погоняет: «Дагы! Дагы! Еще, еще! Тудым-сюдым. Откат шиисят працент, потом вперед, на старое место: глубоко - глубоко, далеко-далеко. Еще ругает: почему так быстро? И руками направляет и так, и сяк. А чем мне глубоко-глубоко, далеко-далеко? - и Балдабай непослушными пальцами начал расстегивать ширинку.

- Не надо доставать, знаю размер. Твоя первая жинка - пусть земля будет ей пухом - жаловалась. - Кокубай старался подбирать бережные для мужского самолюбия слова. - Ты не один такой. Так себе огурчик. Увеличить длину, толщину не смогу, врать не буду. Но долготу стояния - это не так трудно. Один курс бочкотерапии - и не надо глубоко, далеко. Будешь долго-долго. Новая жинка останется довольна.

- Ой, рахмат, ой, рахмат тебе, Кокубай! - Балдабай двумя руками ловил руку Кокубая. Чуть не поцеловал даже. И совсем уж понизил голос. - У меня подозрение, что она сапсем не кыргызка. Днем она вроде кыргызка, а ночью...

- Татарка? - пытался помочь Кокубай.

- И не татарка даже. Хотя хуже татарки только баба из сартов. Но эта, молодуха моя, и на узбечку не похожа. Сдается мне, она из бухори. Иудейка. Они такие. Не дай, Бог!

- Не дай Бог! - поддержал Кокубай. - Я бы тебе сегодня назначил курс. Но сам видишь: бочка занята. В порядке живой очереди. Давай в понедельник.

Попрощались. Балдабай вскачь захромал от мельницы. Проводив счастливец, Кокубай взялся за пограничника. «Плёвое дело», - сказал. Диагноз поставил с одного взгляда, без всякого рентгена. Асипа помогла разрезать штанину, обмыть ногу от крови, смазать чудодейственной жижей из поллитровой банки, привязать дощечку к ноге и с запиской от пострадавшего поскакала на заставу сообщить о происшествии начальству Петра. А потом стала жить памятью о его синих глазах. Не уходили из головы. Где этот Муром?

Где этот Илья Муромец, сказочный брат Ажимулука? Она поднималась на гору, наводила бинокль на самые дальние дали, всматривалась. И осмотр неизменно заканчивался панорамой секретных пограничных владений. Стала ждать Асипа, не зная чего. Давно надо бы перегнать отару на другой участок пастбища, на свежую траву, а она каждый день возвращалась на то место к ручью, где увидела сон про волка с голубыми глазами, который наяву оказался пограничником Петей из русского города Мурома. Что-то с сердечком случилось, томилось оно, рвалось, раньше такого не было.

- Пришли к Илье Муромцу земляки, говорят: вставай с печи, надо что-то делать со Змеем Горынычем, - рассказывает пограничник Петя, устроившись головой на коленях Асипы. - Безобразничает Змей, наших девушек чести лишает. Богатырь ты, Илья, или не богатырь? - Ладно, - слезает с печи Илья, - покажите мне, где Горыныч живет. - Видишь гору? Там он живет. - Подходит Илья к горе, видит: пещера, дыра большая. Кричит в дыру: Змей Горыныч, выходи на бой! - Никто не откликается. - Выходи на бой! - снова кричит Илья и снова в ответ молчок. В третий раз крикнул богатырь русской земли: Выходи на бой, Змей Горыныч! - И тут гора поворачивается к нему и говорит: Щас выйду. Чего в жопу-то мне орешь?

Хохочет пограничник, и Асипа хохочет. Он же, Илья, в дыру кричит, в пещеру, - объясняет пограничник. - А оказывается, это жопа Горыныча. А гора это он сам, а вершина горы - голова Змея, и еще восемь голов рядом.

- Трудно твоему Илье, - сочувствует Асипа, - Ему бы нашего Ажимулука на помощь.

- Есть у него помощники. Двое: Добрыня Никитич и Алеша Попович. Три богатыря. Может, видела картинку такую?

Как же хорошо было Асипе держать на коленях эту русскую голову с синими глазами. Боялась, конечно, знала: играет со смертью. Ну, может, не с самой смертью - с позором, который хуже смерти. Мужняя жена, трое детей, ответственный человек - без пяти минут старший чабан, стахановка в красной косынке. Уже документы на орден подали. Впереди слава, почет. И вот спуталась с этим синеглазым орусом, пограничником в зеленой фуражке - узнают, всему конец. Райком не простит. Не дура - спрята-

лась подальше от глаз. Местечко нашла удобное, потаённое, в ложбинке, как в люльке. Ни в какой бинокль не разглядишь. А вокруг красота. Джайлоо радуется глаз, цветет всеми цветами. Ручей, недалеко ушедший от истока, от ледника, молоденький, не ревет - журчит, булькает на камешках, вода чистая. Пограничник любит пить из её, Асипы, ладошек. Пограничник любит. Словами, руками, губами, всем телом. Засранец Толомуш - о нем и думать не хочется. Тыр-пыр под одеялом и на бок.

Пограничник щекочет травинкой губы Асипы, обводит контур, рисунок. Нормальный рисунок. Как получился? Обычно у кыргызов за внешний вид, за экстерьер, пригожесть мордашки отвечают апа и ата. Но тут вышел особый случай. Апа, мать Асипы, когда, Асипа была еще у неё в животе, а коммунистов поблизости не было, взмолилась: «О, Господи! До этой одиннадцать уже настрогали - и всё вкривь и вкось. Ни в президиум посадить на комсомольском собрании, ни в Москву на слет ударников не послать. Сам знаешь, Господи, всё наспех, в темноте под одеялом, без всякого удовольствия, без оргазму. Помогите, Господи, чтоб за кыргызок не стыдно было!» Всевышний сперва даже осерчал: «Совсем дура баба сбрендилась! Сказал же вам: плодитесь и размножайтесь. Ты знаешь, сколько вас у меня? Четыре миллиарда, семьсот девяносто восемь миллионов, триста пятьдесят пять тысяч, шестьсот сорок восемь штук. В 2013 – м будет семь миллиардов, а в 2050 – м девять целых и шесть десятых миллиарда. Могут ли я за всеми уследить! Сами разбирайтесь. Зря, что ли, дал вам свободу выбора». Но апа продолжала молитвенное нытьё: «Давай, мол, сделаем её юбилейной, пятимиллиардной. Выставочный вариант». «Иисофкос, - смилостивился Всевышний. И синхронно перевел с божеского на кыргызский: «Макул. Так и быть. В порядке исключения».

Кыргызы никогда не верили Дарвину. Даже члены партии. Какая обезьяна? Ни на Алтае, где появились первые кыргызы, ни на Эне-Сае, на берега которого они перебрались для образования своего кыргызского великодержавия, сроду не было никаких обезьян. Да, собственно, и вообще, в принципе, почему надо поверить, что человек произошел от обезьяны, а не наоборот - обезьяна от человека. Так логичнее. Но еще логичнее, что кыргызов, как потом и всех других людей на земле, создали боги. Сразу после

Слова. То есть, в начале было Слово. Всё сущее создавалось Творцом в телесном материале по образу, по проекту, рожденному в голове, в идее, в словесной оболочке. У разных народов в разные времена были разные Боги. Точнее так: Бог един, ликов без числа. Но принцип творчества у всех одинаковый: сначала Слово, потом тело.

Для создания людей Боги чаще всего использовали обычные строительные материалы: глину и песок. Ну, еще иногда землю и грязь. Боги шумеров Энки и Нинмах сначала налепили из глины подземного океана «удачных» людей, а затем, выпив и захмелев, создали уродов. Индейцев племени майя-киче лепили из кукурузного теста. А североамериканских индейцев собирали из скелетов рыб и зверей. Для племени науа рыбьих скелетов не хватило и Богу Кецалькоатлю пришлось выкапывать кости совсем уж неведомых существ и поливать их кровью из своего пениса. Скандинавский Бог Один выпилил первосортных людей – Аска и Эмблю - из ивы и ясеня. Сибиряков - из цельных стволов кедра и лиственницы, древлян - из сучков и обрезков, пошехонцев - (как выяснилось позже) из опилок. И все-таки классикой считается прах земной. Алтайцев создали из глины, но с добавлением камыша. В качестве арматуры - для упрочнения на случай землетрясения в семь баллов.

Если бы не мать Асипы, не её горячая молитва, Господь создал очередную кыргызку из самана, на коленке, как рядовое изделие массового производства. Так, собственно, и начал. Без усердия. Не утомляя себя резцом. Для упрощения работы воспользовался готовыми образцами. Вспомнил свои же греческие лекала - Венеру Милосскую, египетскую Нефертити, разнообразных Мадонн. Всё не то. Не подходит к местности. Огляделся вокруг - камни, гранитные глыбы. Решил: придется из этого материала. Взял округлый бал-бал, разделил на туловище и голову. Чуть-чуть разрезал наискосок глазницы, обозначил глаза и ладно. Гладкий овал лица без носогубных складок, несущественный бугорок носа - букашка со щеки на щеку прыгнет, не заметит препятствия. И тут вдохновение как-то ушло. На чистовик сразу не получилось. Недоделанная осталась. Но не в том похабном, жлобском смысле, а в нормальном, без стёба. Думал, потом доделаю. Вот с русскими разберусь, с Россией. Там опять буза: троцкисты,

бухаринцы, дело врачей, евреев молотят. Семинарист совсем оборзел, руки распускает. Пообещал Господь сам себе: разберусь с русскими, покараю, а там и кыргызку доделаю. По ходу творения замысел обрастал амбициями: а что если и вправду, как просит апа, соорудить модельный образец новой женщины Востока, укрепить женской хромосомой партийные ряды, продвинуть в члены бюро райкома, кандидатом в члены бюро обкома. А там как пойдет. Вымыл руки после троцкистов, взялся за дитя гор. Глаза чуть расширил, обострил зоркость, набрал в ладошки песочку - обработал, пропесочил ягодицы. Чтоб гладкие были, круглые, приятные наощупь. А потом тем же способом, абразивным песком прошелся по щекам. Чтоб были не хуже попки. Такие же гладкие сделал, круглые. До выхода на пенсию можно без лореала, без лифтинга, коллагена. Отошел в сторонку, полюбовался, остался доволен собой: «Ай да я! Круче Микеланджело наваял». И, чмокнув произведение в макушку, занялся деталями, украшательством: оживил левую щечку родинкой, проработал губы. Верхнюю изогнул в бараний рог с изящной птичкой посередине, нижнюю наполнил малиновой мякотью и слегка оттопырил, выдвинул вперед. Наметил харизму. В уголках верхнюю соединил с нижней, концы утопил в ямочках. Но точку поставить не успел. Отвлекся на Южную Америку. Потом, мол, здесь доведу остальное: нос, глаза, брови... На досуге, без спешки.

Только с губами закончил, сексапильные получились. Губы Асипы взывали, требовали поцелуя, и дисциплинированный пограничник из Мурома со страстью выполнял это требование, вкушал. И телом не брезговал. Наносил поцелуи по всей площади, по всем ущельям и закоулкам. Фигурка у Асипы, слава Аллаху, была еще крепкая, точеная, живот почти девичий, хотя и после трех родов. И Асипа, путешествуя по телу орус-пограничника, удивлялась упругим мышцам груди и живота и рыжеватым кудрям внизу живота и, холодея от ужаса, дотрагивалась до его главного орудия, которое было готово к бою через каждые полчаса. А Петя Муромский, когда губы его были свободны от поцелуев, называл её непонятным словом Феврония.

- Феврония ты моя Тяньшанская, - ласкал Асипу голосом и руками пограничник из Мурома.

- Асипа, - улетая в бездну, в облака, поправляла его

киргизка. - Кто такая Феврония? Твоя жена? Твоя русская невеста?

- Сказка это наша Муромская. Ты на неё похожа.

- Расскажи, - требовала Асипа в перерывах, когда обескрыленные они лежали и смотрели на горную гряду, подпирающую небо острыми снежными пиками.

- Потом, потом. На службу надо. Посадят на губу, не дадут увольнительную - будешь плакать.

- Буду плакать. Буду.

Свидания были короткие. Он смотрел на часы. Она готова была разбить их о камни.

- Поедешь со мной в Муром? - спрашивал пограничник Петя.

- У тебя в Муроме жена? - спрашивала Асипа.

- Отец с матерью там у меня. В Карачарове. Село такое под Муромом. В Карачарове и родился тот самый батыр Илья. Брат твоего Ажимулука. У нас там огород, огурцы выращиваем.

- Бадыраны... - переводила на родной язык Асипа. - В Кочкорке нет своих бадыранов.

- Карачаровские бадыраны самые лучшие во всей России. С пупырышками. И свежими есть, и на засолку. Хрустят. Под водочку нет лучшей закуски. Любишь огурцы?

- Нет, - честно признавалась Асипа. - Безвкусные. Зеленые. Лучше расскажи про Февронию.

- А что Феврония? Баба она и есть баба. Женила на себе князя Петра и вертела им, как хотела. Он, вроде, голова, а она точно - шея. Куда шея повернет - туда и голова.

Асипе нравилась такая Феврония. Она требовала подробностей.

- Пошел Муромский князь Петр в поход на северных соседей. Утомился в бою, прилег под дубом - тут его и нашла змея. От змеиного яда в жар его бросило, струпья по коже пошли. Помирить стал молодой князь. Давай искать лекаря - а нет никого поблизости. Говорят: есть поблизости колдунья. Зовут Феврония. Деваться некуда - повезли князя к колдунье. Феврония тряпицы в зелье обмакнула, мазью помазала, устами пошептала. Князь и восстал из мертвых. Чем, спрашивает, тебя, красна девица, отблагодарить? - Не

надо, - говорит дева Феврония, - не надо мне золота-серебра. А надо мне, чтобы стал ты моим мужем. Глянул князь Петр на Февронию, а девка-то хоть куда. Красавица. Ну и пообещал. Вот только, говорит, домой в Муром съезжу, у папеньки с маменькой благословения испрошу, с боярами посоветуюсь и сватов пришло. И поехал в Муром, а Феврония стала ждать.

Асипа слушала сказку, как зачарованная. Представляла Февронию и князя Петра. Болела за Февронию. Дальше, дальше, - просила, устроившись головой на груди пограничника Пети.

- А что дальше? Дело обычное. Мужик он и есть мужик. Поматросил и бросил. Папенька с маменькой: «С ума сошел! Ты же князь. А она кто? Девка некрещеная, без роду, без племени». А бояре и того пуще голосят: «Не хватает нам чужих девок князю в жены. У нас своих, родовитых невест полны хоромы». Ну, князь Петр от своих обещаний открестился, с глаз долой - из сердца вон. Да не на ту напал. Ни с того, ни с сего стал князь чахнуть.

Пастушка Асипа совсем позабыла свою паству. А паства, годовалые барашки в завитых париках, разбрелась по зеленому склону горы неподалеку. Щипала молодую, вкусную травку бетеге, богатую каротином. С ними и конь пастушки стриг траву мягкими губами. Слушал про Февронию Муромскую, грезил о любимой кобыле, вывалил из-под задних ног большой бадыран.

- Ну, что там дальше было. Рассказывай, - требовала Асипа.

- Позвали за княжеским лекарем - толку нет. Немецкого лекаря привезли - тот ртутной мазью пользовал князя. Отварами белены поил. Князю только хуже. Того и гляди, отдаст Богу душу. Делать нечего - послали за Февронией. «Везите ко мне самого, - капризничает колдунья. - У меня тут целая поликлиника». Привезли. «Что ж, ты, Петр, твое княжеское сиятельство, слова своего не удержишь?» - спрашивает. «Виноват, Февроньюшка», - кается князь. «Так возьмешь меня в жены или как?» «Возьму! Возьму! Вот те крест». А она же некрещеная была, из дикого лесного племени. «Ну, да ладно, князь. Поверю тебе». Смочила в колдовских снадобьях платочки свои, обтерла княжеские струпья, пошептала. И ожил князь.

- А какая она, Феврония? Красивая? - у бабы одно на уме.

Пастушка киргизская уже вся там, в русской сказке. Себя не помнит. Лежит, в чем мать родила и сама, как новорожденная. Четыре года замужем, троих родила, а голого мужика видит первый раз. Вот он, Адам её - телом весь белый, на груди кустик редких рыжих волос. То ли от солдатской службы в удаленном районе советско-китайской границы, то ли от чудодейственных карачаровских огурцов кровоснабжение органов малого таза у Пети отменное, наружный орган в порядке. Готов! А уж как Асипа готова!

- Ясное дело, красивая, - отдышавшись после трудов, продолжает сказание Петя Муромский. - Фотографий не осталось. Только иконы. Они на иконах вместе стоят. Феврония приняла христианскую веру, и после смерти их к лику святых причислили. А лики они и есть лики. Не живые лица.

- И мы с тобой будем жить долго-долго и помрем в один день. И скажем: пусть нас в одном гробу похоронят, - мечтает Асипа.

- Ты что - конец сказки знаешь? - изумляется Петя.

- Я не про Февронию с князем. Я про нас с тобой.

- А я про Февронию. Жили они долго и умерли в один день. А перед смертью попросили похоронить их в одном гробу. Но попы-батюшки ни в какую: не положено. Положили в разные гробы, оставили на ночь в церкви. Отпевать, хоронить решили в полдень назавтра. Утром приходят - свят, свят! Лежат усопшие князь с княгиней в одном гробу. Чудо из чудес. Так и похоронили. Мощи святых сохранились до сих пор, и лежат в Муроме, в Свято-Троицком женском монастыре. Приложиться к ним приходят женщины со всех концов России - просят защиты для своих семей.

- И мы попросим, - улетает мечтой от земли киргизская пастушка, перспективный чабан «Карыл Маркыз атындагы совхозу» Асипа Темирова. - Ты же обещал, что возьмешь меня в жены.

Ведь поверила! Он так сказал, в проброс, для разговору слов, для прикола. А она уже готова. На всё готова влюбленная женщина. Муж потеря не велика. От карьеры готова отказаться. На следующий год башкарма, директор совхоза, обещал повысить в должности - переве-

сти из простых чабанов в старшие. А парторг по воле Аллаха и указанию инструктора райкома партии (что, по идее, одно и то же) начал писать рекомендацию в партию: так, мол, и так - передовые методы искусственного осеменения овец освоила, идейно выдержанная, морально устойчивая, практически готовый член партии. И с перспективой, вверх по лестнице: член парткома, член бюро райкома, депутат райсовета. Марксу такой социальный лифт и не снился! Раскрепостится, будет сидеть в президиуме, снимать стружку с идейно невыдержанных, морально неустойчивых, с политических пидарасов. И всё это заоблачное восхождение готова теперь отдать за бабское счастье, бросить свое светлое будущее к волосатым ногам пограничника.

- А как же твой Толомуш?

- Да пошел он в Хуйфу! - Асипа уже там, в Муроме.

- Куда, куда ты его посылаешь?

- В Хуйфу. Не знаю, где эта Хуйфа. Но в Кочкорке теперь так все говорят. Балдабай рассказывал: где-то в дальних краях, за морем, в стране иудеев. Вот пусть туда и топают муж Толомуш.

- А дети? Ты говорила: трое у тебя.

- Детей с собой возьмем. В Муром. Привезем к твоим родителям. Как ты думаешь - они обрадуются?

- Не уверен, - честно признался пограничник Петя.

- Почему? Потому что темнокожие?

- С непривычки, - уклонился от прямого ответа уроженец Муромы.

- Расисты, что ли, твои родители?

- Ну, ты скажешь!

Про расистов на политзанятиях у пограничников говорили. Расисты жили в Америке, гнобили негров. Но в России...

- Вот и я говорю: в нашей стране нет места расистам, - убежденно, как на собрании, резанула Асипа. Зимой, когда чабаны спустились с гор на зимние стойбище, она тоже ходила на политзанятия, готовилась к вступлению в партию, в члены КПСС. - Нет у нас ни черных, ни цветных! - стояла на своем Асипа. - Это слово каждому знакомо. С ним везде находим мы родных.

- Какое слово? - полюбопытствовал Петя.

- Советский Союз! - Асипа даже грудь выпятила.

Хотя чего там выпячивать? Третий размер - не больше. В ладошку умещается.

Пограничник Петя оробел. Так далеко, до свадьбы-женитьбы, до представления отцу, матери, соседям тяньшанской Февронии с тремя киргизятами его планы не простирались. Дружба народов дело святое, негров в обиду не дадим. Но это политика. А живая жизнь совсем другое дело. Для живой жизни в Муроме Асипа не подходила. Она попала в самое яблочко. Расизм он как секс. В Советском Союзе их вроде не было. Никогда не было - и вот опять: Россия - PHE - свастика. И Кочкорка не отстаёт. Меняет улицу Пушкина на улицу великого кыргызского поэта Тоголока Молдо. Припомнят Александру Сергеевичу его темное эфиопское прошлое. Но это всё не сегодня. А сегодня Асипа была счастлива, улыбка блуждала лучиком света от зеркала. Счастливую женщину всегда можно узнать - по улыбке, по глазам, по походке. Особенно со спины, по ягодцам. В Кочкорке счастливых женщин было не много. Если точно, то две. Унтул, жена Кокубая. И она, любимая женщина пограничника Пети. Унтул, правда, в последнее время стала реже улыбаться. Зубы начали выпадать из-за нехватки фтора в горной воде. Кокубай был, конечно, и стоматолог. Но до зубов жены как-то руки не доходили. Она ему и беззубая была хороша. У Асипы зубы были на месте, все тридцать два. И всё вокруг светилось улыбкой. Особенно солнце. Теплой, белой овечкой, неспешно перекатываясь с востока на запад, паслось на синем небесном джайлоо. А что будет дальше, Асипа даже не задумывалась.

КОКУБАЙ ИЗ КОЧКОРКИ

И сказал: «СЛОВО БЫСТЬ ПЛОТЬ»! Во как!

Человек живет не только среди вещей, предметов, среди гор, женских и мужских тел, лазерных установок, дальних звезд и близких планет, но и среди слов. Потому что предметы, вещи, тела, ракеты и звезды всего лишь тени, которые отбрасывают слова.

Кокубай, приехавший к сыну в Россию, дивился, как продвинулся, обогатился, пополнился смыслами русский язык по сравнению с теми временами, когда он служил в стратосферных войсках под городом Владимиром. Тогда, к примеру, он просто ездил - на ГАЗ-66, на поезде, в электричке, а пару раз и в московском метро. Ныне совсем иное дело. Он «осуществлял поездки». Диктор на вокзале бархатным нормативным голосом так ему и сказал по радио: такие-то и такие бумаги Кокубай должен получить «в день осуществления поездки». И в метро его по радио предупредили, чтобы сообщил, куда следует, если увидит «лиц в пачкающей одежде или занимающихся попрошайничеством». Раньше были просто нищие, попрошайки. Теперь они «лица, занимающиеся» этим родом занятий. Другой статус. Как повысилась значительность русских слов после обретения Россией независимости от Кыргызстана! Кокубай даже увидел, проник в процесс этого повышения значительности. Вот какой-то мелкий чин по заданию начальства написал текст слов для диктора: так, мол, и так - в день поездки надо то и другое. Бумага пошла от стола к столу вверх и некто на самом верху - директор директоров, а может, и сам министр дорожной державы, - брезгливо поморщившись от мелкотравчатости предъявленных слов, собственноручно, дорогой ручкой с золотым пером вставил: «в день ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ поездки», а слова о попрошайках, заменил на «ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВОМ». Утвердил, повысил статус слов, дал посыл диктору, чтоб тот ощутил их державность и донес её до простого народа, до участников совокупного передвижения в транспортных средствах.

Транспортные средства были забыты участниками до упора, во много раз повысилось и число лиц, в пачкающей одежде и занимающихся попрошайничеством. И сами эти

лица научились у своих гонителей изъясняться изысканным слогом ментовского протокола и расплодившихся наследников незабвенного жилищно-коммунального Швондера. Они не «жили», как прежде, а «проживали», не были кем-то, а являлись, и не сегодня, а «на сегодняшний день». В своей повседневной речи лица в пачкающей одежде и занимающиеся попрошайничеством сравнивались с гламурными лавочниками затрапезного Мухосранска. Секонд хэнд. Поддержанные яйца. «А чо не так? - удивляются. - На самом деле, мы в онлайн проживаем. Нам фиолетово в блогах - синтаксис ваш отстойный, пунктуация. Нам в лом мозги парить». «В данный момент, поясняет лицо неофициальное лицу официальному, я проживаю как бы в немытой жопе Казанского вокзала и на сегодняшний день являюсь лицом, не имеющим социальных гарантий по данному вопросу, имеющему место быть. Карочи, моим супругом в данном гражданском браке является данное неустановленное лицо мужского пола, типа Иннокентий он. Между прочим, гражданин сержант, действительный член ЛГБТ сообщества. Так что если чо, если вне пределов действующего законодательства и сложившейся практики правоприменения, будем качать права человека напрямую, будем как бы кошмарить в Международном суде в Гааге». Онлайн, карочи.

Кокубай, еще лет тридцать назад занимавшийся под Владимиром секретными лазерными делами, понял суть главной перемены жизни: Россия возвращалась к себе - от дел к словам, к тому, чем была сильна искони. И правда, к чему России дела? У неё свой путь, свой тренд, свои национальные ценности - словесность! Глагол! Разглагольствования, если хотите. Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский... Слава Богу, и сейчас есть кому жечь глаголом. Не оскудела русская земля. Блогеры! Все вокруг блогеры. Всё, что раньше писали на заборах, теперь в блогах. С той же лексикой, с тем же синтаксисом и пунктуацией. Народ массой пошел в писатели. Впереди женщины. Мужики на слова подсели. Книжные полки ломаются. Вот полка на букву «Ч»: Чехов... Второй после Чехова кто? Чубайс Анатолий Борисович. Это по букве он второй. А если по гонорару, - первый, конечно. Куда Чехову до Чубайса!

Кокубай поддался магии новорусской словесности и даже вырос в своих глазах. Раньше его обычно называли «товарищ». Товарищ Мамбеталиев. Все были товарищи. Даже

мужья женам. Теперь в России совсем иное обращение. «Товарищ» это вроде как на «ты». Сейчас все друг другу на «вы». В кассе, когда он отстоял полтора часа в очереди, ему сказали: «Здесь выдача документов для юрилиц. А вы физлицо. Идите в другую очередь». Отстояв там, узнал, что он еще и лицо киргизской национальности. А для физлиц киргизской национальности очередь вообще в другом конце Москвы. Там родных физлиц оказалось много. Большинство норовило привязать коня к телебашне. Иными словами поставить юрту в Москве или в Мытищи, в непосредственной близости от Останкинской иглы.

Запросы Кокубая оказались скромнее. Ему надо было в Петушки, потом в Ковров, в шоколадный город Покров, через пивной Лакинск в Собинку, в Судогду с её страшной военной тайной, в белокаменный красно-коричневый Владимир. Там его встретил сын Марклен, красавец в парадном морском кителе с кортиком, с молодой женой, русской. Катя. Екатерина. Кокубай чуть не помер от гордости. Он еще не знал места её работы и должности. А то бы помер совсем. Она работала в гипермаркете, а должность была мерчандайзер. По сравнению с мерчандайзером «капитан третьего ранга» (звание сына Марклена) выглядело сереньким воробышком.

- Мерчандайзер! Мерчандайзер! - Кокубай вполголоса, сам для себя повторял это слово, как бы пробовал на вкус его корень, прикасался губами. Он жил этим словом, был под впечатлением.

Через неделю сын уехал служить на свой Северный флот, на подводную лодку. Вот судьба! Где океан и где Кочкорка? Как мог родиться моряк в семье чабанов, в горной пещере? При желании можно было прочесть и какие-то тайные знаки, лестные параллели. Рос мальчонка, аки Христос, - в яслях, вместе с ягнятами. Оба с детства работали пастырями овец и коз. Дальше Божественный промысел передал судьбу киргизского подпаска в руки райвоенкомата. Школа юных моряков в Соловках, служба на флоте. Атомная субмарина, подводная лодка. На Северном полюсе спускался на дно Океана, слушал Белое безмолвие, ходил Краем Земли и Краем Моря, узнал Полярную ночь и Северное сияние - Вечность, Абсолютные величины. Приобщился к Великой военной тайне Советского Союза - к тайне подземных ядерных взрывов на Новой земле. Старослужа-

щие рассказывали, навели тогда шороху, чуть планету не перевернули, насмерть перепугали и американцев, и своих. Отработав принуждение к Паритету, Новая земля со всеми своими тоннелями, шахтами, подземными ходами, бетонными потрохами ушла в себя, затаилась под присмотром команды инженеров в офицерских погонах. На всякий случай. Атомная подводная лодка капитана Марклена Мамбеталиева поддерживает жизнь этой команды, дежурит, следит, чтобы чужие подводные лодки тут не шныряли, не подсматривали. Морской волк! Карышкыр. А что удивительного! Это просто привет от родственника, от того самого первокиргыза, который плыл на лодке по Энесаю, чтобы узнать, куда течет мать-река и где конец света. Доплыть пращурю не удалось. Это сделал потомок с достойным именем - Маркс и Ленин в одном слове. Хотели назвать Сталиком - от фамилии вождя. Но Сталиков в Кочкорке уже было много. А Маркленов только семь на всю Киргизию.

- Ата, - сказал, отбывая на Север, - я к белым медведям, а ты присмотри за своей невесткой, за внуком. - Кош!

- Ак жол, - сказал отец. - Светлый путь.

- Дед, танцуй, пока молодой, - сказал внук Ваня, аксакал старшей группы детского сада.

Городок военных моряков был спрятан в лесу, за шлагбаумом с КПП. Одна улица называлась Полярная, другая Челюскинцев, третья Франца Иосифа. Вот и все улицы, четвертой не было. На пятом этаже панельного дома по улице Франца Иосифа у капитана Мамбеталиева была трехкомнатная квартира. Газ, ванна, горячая вода. Кухня - девять квадратных метров. Самовар с куклой в кокошнике, деревянные ложки, доски с росписью.

Через неделю русская невестка отвела внука (черненький оказался, Кочкорская порода пересилила Владимирскую) в детский сад и нарядная, на высоких каблуках пошла в свой гипермаркет служить мерчендайзером. А Кукбай сказал: «Пойду и я. Погуляю по русской земле. Не беспокойтесь - места знакомые, я тут служил». Невестка собрала тестю курджун с хлебом, луком, тушёной, передела в джинсы, переобула в кроссовки «Ribok», оглядела с ног до головы. «Ну, вот, - сказала, - нормальный дауншифтер». Посадила в служебный автобус до областного центра, перекрестила:

- Ангела в дорогу.

Кокубай в автобусе ёрзал, не давало покоя новое слово. Такое же значительное, как мерчандайзер. Что за дауншифтер? Бабка по соседству не знала. Спросил мужика - нарвался на грубость. Выпимши оказался, нетолерантный: чурка – мырка, мол, выпейиаду! Пришлось отвлечь внимание девушки от мобилы, в которую она тыкала тонкими пальчиками с синими ноготками.

- Дауншифтер? - смерила глазами Кокубая, оценила джинсы, кроссовки, весь его новый прикид от невестки мерчандайзера, спросила. - Это когда у чувака на сегодняшний день есть всё - бабло, тёлки, пентхаус, «Майбах», - и ему всё остопиз... Ой, извините, дедушка. Карочи, на хрен не нужно. И он надевает джинсы с дырками, кроссовки и дует проживать на Гоа, типа, в Шамбалу. Или в эту, как её... в Кочкорку киргизскую. Это последний писк моды. Там на данный момент одни развалины и на них ясновидящий дед проживает. Кокубай какой-то. Лечит от всех, бля, болезней синильной кислотой. Она миндалем пахнет.

Девушка с подозрением еще раз окинула взглядом Кокубая, панорамой сверху вниз - от лица азиатской национальности до фирмовой джинсы.

- Вы не из тех ли мест случайно?

Кокубай затаился, вжался в сиденье автобуса, ноги подобрал.

- Местные мы. Из Судогды. Про дауншифтеров на вокзале слышал. Лица в пачкающей одежде.

- Типа того, - подтвердила девушка. - Только эти лица по воле пьяного Бори, рыжего Толи, хитрожопого Мавроди. А дауншифтеры - по своей собственной дури. Типа, Лев Толстой, Поль Гоген. Шизанутые.

- Типа, Лев Толстой - это ладно. Это куда ни шло, - успокоился Кокубай.

Сошел на ближайшей остановке и понес своё иностранное тело по России. Предался дауншифтингу.

Идет Владимирскими проселками. То в одном направлении с ним, то в противоположном человеки бредут, туда и сюда, просто так, жон эле, физилица разных национальностей, лица в пачкающей одежде, лица, занимающиеся попрошайничеством. Там и сям церкви, церквушки, часовенки попадаются. А то, бывает, взойдет на пригорок, дос-

танет подарок сына - дальнозоркий морской бинокль, - вглядывается в дальние горизонты, укрупняет детали, подробности жизни. Глаз не оторвать.

О, поле, поле! Кто тебя усеял? Окружающая материальная действительность засекала мозги Кокубая самыми разными семенами. Они прорастали, каждое поле жило своей жизнью, пласты уходили за горизонт, не пересекаясь. Иной росток мог вырваться наружу, без всякой связи с текущим моментом. Получалось: в огороде бузина - в Киеве дядька. Нивесть каким образом из геополитических дебрей выскочила абракадабра: «Какая боль! Какая боль! Аргентина - Ямайка: пять - ноль».

Кокубай, одетый невесткой в джинсы фирмы «Лев-вайс», шагал по Владимирским проселкам в отличном настроении. Душа пела «Человек проходит, как хозяин необъятной Родины своей». Всё шло по плану. Кокубай даже слегка устыдился своего мелкого геополитического злорадства. Евреи шкубались с арабами, китайцы разбирались с американцами, немцы и французы - с греками, русские, как всегда, молотили друг друга, вымирали по миллиону в год. На просторы от Тихого океана до Балтики, от Черного моря до Белого возвращалась эпоха Кыргызского Великодержавия. Кыргызы уже взяли Мытищи, наводнили своими людьми Москву и тихо, без шума готовились к штурму Московского Кремля. Для больших исторических дел требовался национальный лидер. Кандидатур пока не было. Большой Чингыз умер.

Сыновья Большого Ч. на роль вождя нации не тянули. На политическом небосклоне восходила новая звездочка - Роза. Роза Отунбаева. Президент Акаев отрядил её в Вашингтон - послом в США и представителем в ООН. Когда Розу в числе других новых послов представляли Президенту США Биллу Клинтону, миниатюрная киргизка, чтобы не затеряться в толпе, увеличила себе рост с помощью белого тюрбана «элечека», вырядилась в расшитый бисером, украшенный узором бархатный жилет поверх длинного белого платья, из-под которого выглядывали красные сафьяновые сапожки на каблуке, надела на шею медные побрякушки и обожгла Клинтона обворожительной улыбкой, выходящей за пределы протокола. Клинтон оценил нестандартный дипломатический ход восточной куколки.

- Откуда? - шепотом спросил начальника протокола.

- Киргизия, - порывшись в бумагах, сказал начальник.
- Продаётся.

- Кто знает, где это? - спросил Клинтон, лаская Розу обворожительной улыбкой.

- Между Россией и Китаем, - подсказал помощник по безопасности. - Тысяча километров границы. Русские с границы ушли, у киргизов на охрану нет сил.

- Аэродром «Манас», взлетно-посадочная полоса принимает все виды широкофюзеляжных самолетов, - прошептал военный советник. - База подскока для заброски десанта в Афганистан.

- My name is Roza Otunbaeva, - кокетливо опустив глазки, представилась Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики.

- Какой чистый английский! - почти искренне воскликнул весельчак Клинтон.

Все другие послы завяли.

Кокубаю уже тогда стало ясно: далеко пойдёт. Недаром же сказал Чингыз: бабий бунт. Женщины наступали по всем фронтам. Роза казалась прямой наследницей Курманджан-датки - Алайской царицы. Генерал Скобелев представил Её Величество Государю императору, Государь пожаловал даме звание полковника. «Датка» это и есть по-киргизски полковник. Роза пошла дальше, стала Президентом независимой Кыргызской республики. Аэродром «Манас» остался американской авиабазой.

Неопровержимые исторические факты свидетельствуют: кыргызы во все времена были нарасхват. Ближе к новым временам, в девятнадцатом веке кыргызов поделили между собой три государства: тысяч пятнадцать-двадцать досталось Афганистану, пятьдесят тысяч - Китаю, остальные воссоединились с Россией. Бывало, Семенов-Тяньшанский, метр с кепкой, глянет снизу вверх на двухметрового Пржевальского: «Николай Михайлович, сколько по вашим расчетам киргизов в империи»? «Тысяч шестьсот, - отвечает путешественник.» «Хорошо-то как! - скажет, бывало, Семёнов-Тяньшанский, глядя на Иссык-Куль. - Акварин в серебряной оправе!» «Если что, - отвечает Пржевальский, - пусть похоронят меня на берегу Иссык-Куля. Я и место присмотрел: близ города Кара-Кола».

Шестьсот тысяч живых кыргызов пришли под руку русского Царя. Царь любил этих добрых и мудрых людей.

Хотя и он ошибался. А когда сам отошел от дел, передал историческую судьбу кыргызов новой, рабоче-крестьянской власти с её ленинско-сталинской национальной политикой. Иосиф Виссарионович вообще носился с кыргызами. Министерство культуры учредил, Академию Наук создал, демографию приоритетной сделал. И уже к 1970 году стало их один миллион четыреста пятьдесят две тысячи. Дальше - больше. А когда они уже не могли помещаться в своем суверенном, отдельно взятом Кыргызстане, поехали помещаться в Россию, в Мытищи. И особенно много поместилось их на восьмом этаже в доме один, корпус два по улице Шараповской. Стали вытеснять старых жильцов из третьего подъезда, из четвертого, с верхних и нижних этажей, вооружились вениками, мётлами, ломами, помойными ведрами и совковыми лопатами, стали очищать Россию от грязи, мусора, проникли в коррупционную жилищно-коммунальную схему - в зарплатной ведомости расписывались за 20 тысяч рублей, на руки получали по пять тысяч, пятнадцать шло в откат для растления русских чиновников. Участкового милиционера развратили. Азербайджанцев стали теснить! А один кыргыз (вот бы товарищ Сталин обрадовался!) стал даже базаркомом на привокзальном базарчике. Во французском гипермаркете «Ашан», в строительно-хозяйственном «Леруа мерлен» заняли ключевые позиции у самого входа. Про командную должность на Северном военно-морском флоте и говорить нечего. Второе пришествие кыргызского великодержавия нарастало, Россия сдавала одну позицию за другой, становилась рыхлым подбрюшьем Кыргызстана.

Кокубай вошел в город Муром под звон колоколов двух соседних монастырей - Свято-Благовещенского мужского и Свято-Троицкого женского епархиального. У стен сидели, лежали, копошились, переругивались лица в пачкающей одежде, лица, занимающиеся попрошайничеством и лица цыганской национальности. На столбе у автобусной остановки были приклеены объявления: «ВОССТАНАВЛИВАЕМ ДЕФЛОРАЦИЮ. ЦЕНА УМЕРЕННАЯ» и «ЦЕЛЮЮ ЗА ТАК. ГОРЯЧО. Телефон 23-45-77. Наташа». И совсем уж непонятное: «ДАЮ. Цена договорная».

Кокубай покраснел, отвел глаза. Неловко было, будто застал женщину в неподходящий для чужого глаза момент: она задирает юбку, чтобы поправить чулок. Кокубай вспомнил тайное, которого стеснялся, - про баб в Судогде,

которые в рабочие дни ездили на велосипедах на завод, производили там военную тайну. А в субботу полоскали белье с деревянных мостков в сусальном золоте реки. А главное - как обидел Унтул. Сидели вдвоем, пили чай. Кокубай глянул сбоку: «Старая ты». Что такого сказал? А она обиделась. Замолчала. Эта оплошность засела в сердце Кокубая занозой. Не мог себе простить. Как он такое сморозил!

Кокубаю надо в женский Свято-Троицкий, но он тянет время. Всё же чужой монастырь. Для настройки души сел посреди золотой осени на берегу Оки, под памятником Илье Муромцу работы скульптора Клыкова. Памятник большой. Как Манас на площади перед филармонией в Бишкеке.

Кокубай смотрел на реку, на мост, что соединяет Владимирский берег с Нижегородским. Ближний город на том Берегу Саров. При товарище Сталине - Арзамас-16.

Бабье лето. Вода в Оке играет блёстками, искрит. Солнышко припекает. Тепло и на душе. Вдруг видит: с той стороны, из-за холма, поросшего ковылем, увеличиваясь в размерах, из Сарова на Муром выдвигается троица богатырей на конях. Присмотрелся, узнал главного. Борода лопатой - академик Курчатов. Скоро и второго богатыря узнал. По знаменитым очкам, они на солнце зловеще поблескивали.

- Лаврентий Павлович!

Кокубай вздрогнул: рядом раздался хорошо знакомый всем советским людям голос с приятным кавказским акцентом.

- Как дела, товарищи богатыри? Справились с заданием Владимира Ильича. Всех попов повесили?

Товарищ Сталин! - сразу узнал Кокубай. Это был его любимый писатель. Многие страницы из его произведений он помнил наизусть, часто повторял его простые и ясные сентенции. В эту минуту, в частности, в памяти высветился такой текст:

«Сказать — “в сущности” еще не значит сказать — “целиком”. Мы часто говорим, что национальный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему объёму, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что национальный вопрос по объёму шире и

богаче вопроса крестьянского. То же самое нужно сказать, по аналогии с этим, о руководящей роли партии и о диктатуре пролетариата. Если партия проводит диктатуру пролетариата, и в этом смысле диктатура пролетариата является, в сущности, “диктатурой” его партии, то это еще не значит, что “диктатура партии” (руководящая роль) тождественна с диктатурой пролетариата, что первая равняется второй по своему объему. Не нужно доказывать, что диктатура пролетариата по объёму шире и богаче руководящей роли партии».

- Стараемся, - уклонился от прямого ответа академик Курчатов. - Трудно всех перевешать. Надо увеличить штат воинствующих атеистов. Поднять ответственность.

- 73 тысячи 845 попов повешены. Осталось...

- 6 тысяч 155 для - ровного счета, - обнаружил гениальные математические способности товарищ Сталин. И тут же нашел ошибку в бытовых рассуждениях. - Мне кажется, Лаврентий, что люди зря называют тебя эффективным менеджером. Если бы ты, Лаврентий, действительно был эффективным менеджером, то мог бы сегодня доложить партии, что не только выполнил, но и перевыполнил задание товарища Ленина.

Конь под товарищем Берия ударил копытами, а конь справа от коня академика Курчатова приподнял хвост и выпустил порцию душистых каштанов. Несмотря на довольно большое расстояние, острый приятный запах достиг ноздрей Кокубая.

- А кто этот молодой человек справа от вас, товарищ Курчатов? - с теплыми нотками в голосе, по-отечески поинтересовался товарищ Сталин. - Неужели Алёша Попович?

- Это Андрюша, - боясь разочаровать Иосифа Виссарионовича, представил молодого человека академик Курчатов. - Андрей Сахаров.

- И чем занимается этот Андрюша? Катюшей? - в рифму пошутил товарищ Сталин.

- Бомбой, товарищ Сталин, - доложил академик. - Андрюша это голова, - подчеркнул Курчатов.

- Такой молодой и уже голова, - пошутил Иосиф Виссарионович, представив виселицу. - Впрочем, в его возрасте, помню, мы тоже бомбами баловались.

Товарищ Сталин раскурил трубку, вспомнил молодость, духовную семинарию. Девушек вспомнил. Светку.

Аллилуеву. Вспомнил, как занимались экспроприацией, как удирали от полиции. Было и такое. Спасибо Владимиру Ильичу - придумал красивое слово «экспроприация» вместо банального «грабёж». Слова, слова... «Божество» - «убожество». Одна буква - а какая разница.

- Товарищ Лаврентий, - давно не слышно сообщений от нашего Муромского агента Зворыкина, которого мы послали за океан к товарищу Оппенгеймеру. Как идут дела у товарища Оппенгеймера? И когда мы будем иметь нужные нам чертежи и формулы?

Даже на расстоянии Кокубай почувствовал, как товарищ Берия в штаны наложил. Запах был не в пример приятному лошадиному.

- Товарищ Сталин, агент Зворыкин занимается хрен знает чем.

- Уточните, товарищ Берия, какой такой хреновиной занимается на деньги рабочих и крестьян агент Зворыкин.

- Товарищ Сталин, он называет эту хреновину телевидением, - как в холодную воду, ухнул товарищ Берия.

- А что с бомбой? - нахмурился товарищ Сталин.

- Бомбой занимается товарищ Сахаров, - пришёл на выручку товарищу Берия академик Курчатов. - Это наш ответ господину Оппенгеймеру.

Товарищ Сталин перевел взгляд на молодого богатыря русской земли. Богатырь не внушил доверия.

- И когда же будет готово ваше изделие, товарищ...

- Сахаров, - подсказал академик Курчатов.

- Товарищ Сахаров, - поинтересовался товарищ Сталин.

- В понедельник, товарищ Сталин, - ответил молодой богатырь неубедительным голосом. И нетвердое «р» в слове «товарищ» насторожило вождя. «Француз, - подумал про себя. - Куда ни плюнь, всюду французы. Иоффе, Ландау, Михоэлс, Полина Жемчужина. Обложили нашего брата, русского человека! Хватит с нас одного Кагановича. Хватит нам Лазаря».

А неубедительный богатырь, начинающий Оппенгеймер, не отвел глаз от лица товарища Сталина и внаглую припечатал:

- В понедельник, товарищ Сталин. Пацан сказал - пацан сделал.

- Ну, пацаны, смотрите! - холодно завершил разговор

товарищ Сталин. - Головой отвечаете. Го-ло-вой! - подчеркнул Иосиф Виссарионович. И сделал жест рукой у горла, обозначив петлю. Подумал: если что, во вторник одним французом станет меньше.

И пошел вверх по ступеням на колокольню женского монастыря с мощами благоверных князя Петра и его супруги Февронии. Под скрип ступеней углубился в размышления, что делать с евреями. Отдать им Крым или послать на хрен в Биробиджан. За отдать Крым, за Крымскую Калифорнию мировое еврейское лобби готово было выложить 20 миллиардов долларов. Они бы, эти 20 миллиардов, конечно, пригодились и на восстановление разрушенного войной народного хозяйства, и на бомбу. Но тут товарищ Сталин услышал внутренний голос: «В Палестину их! С Голдой Мейер. К арабам! На вечные муки! За распятие Иисуса Христа Господа нашего». Аминь, - сказал товарищ Сталин. И перекрестился на колокола. Дружески, как по крупу коня, похлопал большой колокол. Тот отозвался на ласку, тихо грохнул: бум, бум... Благодать снизошла на душу бывшего семинариста Кобы. Душа запела: «Где же ты, моя Сулико». Но мысли вождя вскоре перевесили чувства. К переизданию готовилось полное собрание сочинений писателя Сталина, надо было внести кое-какие правки, уточнения, добавления. Марксизм-ленинизм не догма, а живое учение масс. Мысль приобрела прозрачную ясность, потекла свободно, легко. «Ни одно важное решение массовых организаций пролетариата не обходится без руководящих указаний со стороны партии. Это совершенно правильно. Но значит ли это, что диктатура пролетариата исчерпывается руководящими указаниями партии? Значит ли это, что руководящие указания партии можно отождествить, ввиду этого, с диктатурой пролетариата? Конечно, не значит. Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением. Тут мы имеем дело, как видите, с целым рядом переходов и промежуточных ступеней, составляющих далеко не маловажный момент диктатуры пролетариата. Между руководящими указаниями партии и их претворением в жизнь лежат, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса, его готовность (или нежелание) поддерживать такие указания, его умение (или неумение) провести

эти указания, его умение (или неумение) провести их так именно, как требует этого обстановка».

Вроде всё было выверено, до последней запятой. Кратко, ёмко, доходчиво. Но автор был строг к себе, не мог успокоиться. Чего-то важного не хватало в тексте. Какой-то важной детали, точки. На кончике пера копился сгусток мысли: «Бей троцкистов - спасай Россию!» Но тут же проснулась самокритика. Какой Троцкий? Где эти троцкисты? Слава Богу, слевой и его лъвятами разобрались. И вдруг, как молния, пришло то, что нужно, что в самое яблочко. «Бей жидов - спасай Россию!»

Довольный собой классик марксизма-ленинизма закурил трубку.

Кокубай проснулся.

Опасливо прижимаясь к мощной кирпичной кладке стены, Кокубай вошел в монастырь с парадного входа - через арку надвратного храма Казанской иконы Божьей Матери. Женщины-паломницы толпились у придела Троицкого собора с мощами чудотворцев благоверного князя Петра и княгини Февронии. Были и семейные пары, с детишками, озабоченные, утомленные дальними дорогами. Робели, говорили вполголоса. Быстрым солдатским шагом двор в разных направлениях пересекали женщины в черном - монахини. Мужеподобные, с угрюмыми постными лицами. Со своим лицом киргизской национальности Кокубай был не в своей тарелке, пугливо озирался. И вдруг глаза в глаза встретился с другим лицом, девичьим, красивым, с лицом, которому идет и черное, и белое, и, наверное, мини-юбка. И этот черный клубок на голове. По форме точь-в-точь киргизский элечек.

- Салам алейкум, - сказала девушка в черном элечке. - Вижу, вы из дальних краев.

- Алейкум ассалам, - обрадовался Кокубай. - Из дальних.

- Видно, в дальних краях были знатным человеком?

- Туура, - застеснялся Кокубай своих джинсов и кроссовок от «Ribok». - В бостоновом костюме ходил, в президиуме, как Герой Труда, сидел.

- И привилегии были?

- Спецбуфет на сессии Верховного совета и льготная подписка на Драйзера и полное собрание сочинений товарища Сталина.

- Я поняла, - улыбнулась красавица монахиня. - Дауншифтинг.

- Тура. Дауншифтинг. Поль Гоген, - подтвердил Кокубай.

Сказать «Лев Толстой» не решился. А про себя подумал: женды башка. Старый мудака. Всё было: мельница, он соолук (десять овцематок), речка с форелью на огороде, земная ось посреди двора. И вот понесло дурака от такого добра в Россию - в Судогду, в деревню Дрисня, на Владимирские проселки. Дауншифтер. Как есть шизанутый.

- Пойдемте. Матушка игуменья в пансионе, на генеральной репетиции. Девочки ставят «Короля Лира». Скоро премьеры, будет много гостей. Епископ Владимирский и Суздальский Евлогий, из Москвы, из Детского фонда, губернатор наш, городские начальники. Я доложу матушке Тавифе.

Кокубай знал о чуде, которое сотворил легендарный в Киргизии доктор Акрамов, когда после злополучного взрыва в Казармане и Кочкорской трагедии к нему на операционный стол привезли окровавленные ошметки тела начальницы ДЭУ Глафиры Ивановны Кирдяпкиной. Никто не верил, что удастся вернуть жизнь этому телу. Но Акрамов в очередной раз подтвердил репутацию чудотворца. Жаль, что не кыргыз. Узбек, шайтан бы его побрал! Но совсем обрусевший.

- Я, Кокубай, каждое утро начинаю с молитвы за спасителя моего Эрнеста Хашимовича, - буднично сообщила игуменья. - Два раза возвращал с того света. Сперва скальпелем, потом словом.

- Мне, Кокубай, сейчас вспоминать мирское прошлое не положено. Я молитвой обороняюсь. И делами. У меня, Кокубай, делов полон рот.

- Голова кругом идет, Кокубай. Сельское хозяйство затрахало. Мне кормить надо народ - каждый день в трапезной по сто пятьдесят едоков - с паломниками, с насельницами. Огород, коровы, луга, пастбища. Колхоз. И вот как столкнулась с колхозниками здешними, сразу и поняла, почему Россия в говне. У них надой на корову 1800 литров. У нас в Киргизии три с половиной тыщи. По республике! У них зерно - 15 центнеров с га, у нас на камнях под сорок, в Кочкорке, в горах - 42. Сахарная свекла: 180 - в Киргизии 450.

Матушка игуменья распалаялась, гневалась всё больше и больше.

- Спасать надо Россию, Кокубай?
- От кого?
- От русских.

Монахиня дала матушке таблетку. Та машинально отпустила в рот, продолжала.

– Сахаристость свеклы. Здесь одиннадцать процентов, у нас там - пятнадцать! Сено. У нас три укуса, на четвертом по отаве ярки перед зимовкой жируют. Здесь один укус. Почему? Один ответ: «Всегда так было». Ни двух, ни трех не знали деды-прадеды. Красный пояс, блин! Коммуняки. Я им в глаза: «Гнать вас надо. Вы за что, говорю, землю русскую мучаете? Я дунган вместо вас завезу. Уроды!»

Спихватилась на этом слове. Заметила в глазах Кокубая секундное замешательство. Привыкла к такому: редко кто умел справиться с собой, увидев её лицо. Кокубай старался изо всех сил, давил в себе ужас, давил - и не справился. Выдал себя на этом слове: уроды.

- Не переживай. Я сама себя боюсь. Мордovorот! Страшной войны. Год в зеркало не могла смотреть, - пожалела Кокубая матушка Тавифа. Подозвала выпускницу МГУ с Красным дипломом: «Сестра Евдокия, скажи, чтоб чайку нам сделали. Да не в общей трапезной. У меня в келье». Сам-то как?

- Сын на Новую землю уехал. Туганы, кто остался живой, - в Хайфу, - пожаловался Кокубай.

Прощались сердечно. Матушка Тавифа перекрестилась: «С Богом!»

Кокубай шел по Владимирской земле, сверяясь с картой начальника Генерального штаба хана Батыя. Муром во времена Золотой орды был столицей Муромо-Рязанского княжества, отделившегося от Черниговской земли при внуке Ярослава Мудрого Ярославле Святославиче. Пограничник Петя жил в родном селе Ильи Муромца Карачарове, которое примыкало к Мурому, а теперь стало пригородом райцентра. Один мужик в Карачарове сказал про Петю: «Это тот, что из Киргизии понаехал! Чучмек? Который хотел привезти с гор свою Хевронию? Выслали мы его. Пойдешь по тропинке, километра три - там мостик горбатый через речку. Еще

пройдешь километров пять - увидишь усадьбу князей Ярославичей. Уж не помню, Василия или Юрия. Щас их потомок объявился в Париже. Возрождает имение. Петьку взял сторожем. Чтоб держал усадьбу на замке. Как государственную границу между прошлым и будущим. Ну и чтоб привидениям было не скучно».

Нормально объяснил. Деревянный горбатый мост был на карте Генштаба. Обычно воины Батыя ходили сюда за ясаком на лошадях, вброд. А в половодье пользовались этим мостом. С тех пор и стоит. Ничего ему не делается - он на дубовых сваях. К вечеру Кокубай прошел этот мост и попал в княжество. В колхозные времена в барском доме было сельПТУ, а вокруг дома мичуринский сад, где расцвели яблони и груши. Теперь дом был пустой, чернел глазницами окон без стекол, был похож на двухэтажную гробницу, груши, яблони одичали, место старого сада занимал молодой, нахальный подлесок. Иные деревья росли прямо на крыше, на руинах стен, а особо прыткие залезли в разрушенные барские покои, побывавшие учебными классами. У парадного подъезда пал смертью храбрых трактор «Беларусь», икебану дополняли беззубый культиватор и куча лысых автомобильных шин.

Смеркалось уже, моросил мелкий дождь. На Кокубая набросились две огромные собаки благородной породы. Борзые. Тайганы. Вроде тех, что напугали кыргыза-пращурца, когда тот плыл в лодке по Энесаю, чтоб узнать, где конец света. Но эти тайганы были худые, как после Освенцима, кожа да кости, шерсть облезлая, вся в репьях. Голодные. Чуть руки не откусили. Пришлось угостить их кониной из банки армейского НЗ столетней выдержки.

В сумерках Петю нашел по голосу. Петя пел: «На границе тучи ходят хмуро. Край суровый тишиной объят. У высоких берегов Амура часовые Родины стоят». Певца увидел через окошко в гнилом приземистом сарае. Окошко чуть выше земли, в грязи, в паутине. Лицо Пети было подсвечено керосиновой лампой. Петя алюминиевой ложкой скреб по дну черной сковородки, отколупывал остатки яичницы, поджаренной без масла. Сковородка стояла на газете «Муромская правда». Когда Петя и Кокубай встретились глазами, было уже поздно. Последний глоток пошла из бутылки без опознавательных знаков вошел в глотку Пети, как гвоздь, забитый под шляпку.

- Извини, Кокубай, - вместо приветствия сказал хозяин, - Больше нету. Дай-ка я тебя поцелую.

Меткий пограничник сочным брежневским поцелуем попал Кокубаю прямо в губы. Из рта разило сивухой, гнилыми зубами и болезнями внутренней секреции. Человек, наносивший поцелуи, месяц не брился. Лицо заросло клочьями жесткой щетины, частично уже седой. Видно было, гостю обрадовался. Заговорил. Печатным словам было тесно, матюгам просторно.

Как и положено человеку, который стоял на страже рубежей нашей Родины, Петя был государственный по натуре. Мыслил крупно, масштабно, не заморачивал голову бытовухой, мелочевкой - вилки, ложки, мандавошки, чего надеть, чего пожрать, чем морду намылить, чем жопу подтереть... Не признавал! Конечно, из московского метро его бы выдворили, депортировали, как лицо в пачкающей одежде, к тому же лицо без определенного места жительства. Про пачкающую одежду чистая правда, против неё не попрешь. На все случаи жизни у Пети была одна форма, один прикид: драный спортивный костюм двадцатилетней выдержки с выгоревшей надписью «СССР» на спине. Жалкие, грязные треники с пузырями на коленях открывали внизу голые ноги, всунутые в безразмерные галоши. А вот насчет неопределенного места жительства – это враньё. Россия! Своим постоянным местом жительства, ПМЖ, пограничник Петя считал Россию. Это самое меньшее государственное образование, на которое он согласился после того, как Горбачев и Ельцин угробили СССР. Всех этих drobных административных изобретений нынешней Кремлевской мелкоты - округов, муниципалитетов, городских и сельских поселений, даже субъектов - не признавал. Черным днем Российской истории считал 18 марта 1867 года, когда российский посол в Америке, сволочь Стекло, подписал официальный договор о продаже американцам Аляски. Тыщу пятьсот девятнадцать квадратных километров российской территории продали за смешную цену: семь миллионов двести тысяч долларов. Петя входил в тяжелое положение государя императора Александра Второго. После позорного поражения в Крымской войне надо было восстанавливать народное хозяйство, модернизировать армию. После необдуманной отмены крепостного права выплачивали компенсацию помещикам за зем-

лю, отданную крестьянам. Государь испытал унижение - попросил на эту компенсацию пятнадцать миллионов фунтов стерлингов под пять процентов годовых у Ротшильдов. Нашлись бы деньги и у себя, если бы меньше воровали. В откатах, взятках, коррупции Петя подозревал не только прохвоста Стегля, но и министра иностранных дел князя Горчакова, и даже младшего брата Государя Великого князя Константина Николаевича. В знак своей государственной скорби одного из двух своих тайганов, незлобивую суку, назвал Аляской. Кобель тоже имел достойное государственное имя - Нарын. По месту пограничной службы.

В немилости у Пети были также кукурузник Хрущев, просравший Крым, американский прихвостень министр, слава Богу, бывший, Козырев, готовый просрать Курильские острова, а так же кошелек семьи ЕБН Аркашка, променявший чукчей на Челси.

А жальче всего было Киргизию, которая продавалась по частям и задешево. «На хрена «Манас» американцам продали! - кипятился Петя. - Авиабаза! Мы, блин, строили, строили аэропорт, полосу». У Пети даже слезы навернулись: Акаевы, блин, Бакиевы...

- Кокубай, - проникновенно глядя гостю в глаза, спросил государственный, - неужели пришел без коррупции? У меня - сам видишь.

Петя перевернул бутылку вверх дном. Пустая. А геополитическая ситуация требовала полноты. Хотя бы граммов двести. Ну и за встречу полагалось. Если бы позвонил. А то без звонка. По правде говоря, телефона у Пети не было. У него и пола в жилище не было. Вместо пола была солома. Петя жил в хлеву. Зато рядом с Еврой.

- Вот, - знакомил Петя с подругой, - Евра моя. Не смотри что худая. Она удойная. Скажи, Евра.

Евра выглянула из темноты - крупное лицо, большие печальные глаза. Промычала. Послышалось журчание. Пописала.

- Как там моя Асипа? - всплакнув, спросил Петя. - Как она в этой Кочкорке. Одна. Без Советского Союза.

- Нету больше нашей Кочкорки.

Тут и Кокубай не выдержал, утер слезу рукавом.

- Нету Асипы. Никого нету. Смыло Кочкорку с лица земли.

Полез в курджун, пошарил рукой на самом дне, достал искомое.

- Нам нельзя без коррупции. Вот. Ноль семь.

- Компот, - не одобрил коррупцию пограничник. - Неужели и этим берут?

- Фуражка говорит: давай кэш. А это - извини. Слу чайно увидел в магазине - вспомнил «Россию», в Москве, мы там с Лёвой Беглым пили эту «Мартини». Шибак-трава. Пахнет полынью. Дай, думаю, куплю на всякий случай.

Петя разглядывал бутылку. Большая, ноль семь. Это хорошо. Хотел прочесть, какая крепость, и не мог найти цифру. Слова были иностранные.

- Италия, - сказал Кокубай. - Сапог. Как наша Новая земля. Там мой Марклен служит.

- Одни потери, Кокубай, - плакал Петя. - Аляску продали, Крым отдали. Теперь и Кочкорке трендец.

Запел. «Кожух, короб, рама, шатун с мотылем, возвратная пружина, ударник с ползуном». Кокубай знал эту русскую песню, разливая мартини по сто лет немытым стаканам, подпел Пете вторым голосом.

- За Кочкорку!

- За Асипу. Эх, слабовата. Градусов двенадцать. Макаронники - что они в настоящем вине понимают! Наливай!

Родная душа, умилялся Кокубай. Как сладко встретить родную душу за тридевять земель.

- Я, Кокубай, ноту сейчас пишу - американскому Президенту, - сообщил Петя. - Требую, чтоб Аляску вернули. Собираю подписи. Гражданское общество молчит. И жаба эта не квакает - прошмандовка лагерная, Новодворская. Пидарасы политолухи, дармоеды. Никому нельзя доверять. Всё самому приходится, Кокубай. И по дворецкой части, и по иностранным делам - ноту писать.

Спустил очки со лба на нос, поискал бумаги - нету нигде. А где им быть? Стол - две доски, без ящика. Лавка и табуретка. Весь гарнитур.

- Подпишешь? Где же эти бумаги? Во дворце, что ли... Вот недоуздок! - корил себя Петя.

- Как нога? - вспомнил Кокубай историю с переломом.

- Во нога! - Петя задрал штанину и потряс ногой в галоше с вонючей соломой. - Такую бы ногу да под зад Аршавину.

Кокубай осмотрел: действительно пригодная, чтобы дать под зад. Навоз и солома его не смущали. Сам жил в пещере, грелись с молодой Унтул живым бараньим теплом. Кому вонь, кому запах Родины. Вспомнил Хромосому, матушку Тавифу.

- Меня, Кокубай, из русских вычеркнули, - рассказывал Петя. - Записали в кыргызы. Кыргызская морда я. Как демобилизовался, приехал домой - говорю: там у меня Асипа. Феврония моя. С пузом. Обещал жениться. Мама, папа, благословите. Карточку показал. Знатная женщина, старший чабан совхоза Карла Маркса, сто пятьдесят ягнят на сотню овцематок. Орден обещали. Ты не поверишь, Кокубай, советские люди - и такие расисты. Махровые. Мы тебе покажем Февронию, князь Петр! Урюк ты, чучмек недоделанный. У нас што - своих Хевроний мало! Вон Надька - Мэрилин Мурло! Три года тебя ждет. У неё габарита на пять твоих Асипей. А пошли вы, говорю, папа и мама! Хеврония! Бескультурие, блин. Шекспира не читали. «Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж». Сонет 66. Разорвал с родней дипломатические отношения. Тут как раз вакансия открылась. Дворецкий! Как ты насчет отлить, Кокубай?

Вышли насчет отлить. Недалеко. Хлев, навоз, Еврины лепёхи - одно к одному. Лопухи в рост человека, крапива не меньше.

- Аляска! Нарын! - позвал, освободив мочевого пузырь, Петя.

Тайганы тут как тут. Огромные. Лапы на плечи, с ног сшибают, лизут губы, лицо. Не то, что расисты в отчем доме. Гав! Гав! - обрадовались. В темнотище сами себя боятся. От пустого барского дома в бурьяне жутью веет. Сверху картина повеселей: Космос, знакомый Кокубаю. Саманчи жолу - Млечный путь. Две Медведицы. Космос его стихия. Космос и Турна-Гель - сообщающиеся сосуды. Турна-Гель Хранитель Тайны Зачатия живого из неживого. Тайны превращения материи-плюс в темную материю-минус, вещества в антивещество. Вход с билетом в одну сторону. Глубина особого назначения. Ночная глубина прячет звезды в Черную дыру. Во влагище Большой Тайны. В чреве, принявшем семя Господа, в непроницаемой темной глубине лежат прикрытые донным илом, песком, толщей плотной воды Первоисточники, Первопричины, Первоначала. Живые. Затаились до поры. Дышат жабрами, фибрами, порами кожи.

Всё тут Кокубаю знакомо, обжитое пространство. Всё обшарено глазом через морской бинокль, подаренный сыном подводником. Кокубай сделал из него подзорную трубу, почти телескоп. Всё под контролем, ни одна звезда без его ведома не упадет с неба.

- Тебе где постелить, Кокубай? - спросил Петя. - У меня там, в тепле? Или во дворце. Барин в Париж укатил, управляющий во Владимир за кирпичом, за шифером. Я на хозяйстве. Дворецкий. У меня в доме пять спален, - понизил голос. - Но один я боюсь.

- Чего? - так же шёпотом спросил Кокубай.

- Привидений. Бродят, суки, по ночам, гремят ключами. Тени забытых предков, бл...

Хотел, было, вставить привычную связку слов, но прикусил язык. Хрен их знает, как отнесутся к русскому слову. Предки всё больше шпарили по-французски. А одна - по-английски. Тень Отца Гамлета.

- Лучше у тебя в тепле. К Евре поближе. Живая душа, - говорит Кокубай.

Густой туман накрыл затерянный среди лопухов и крапивы островок древней Руси. В темноте лаяли Нарын и Аляска, боялись собственного лая. Кокубай устроился на соломенной подстилке, свернулся клубком в ночном чреве Космоса, слушал храп государственника Пети, поженившего бутылку русской сивухи с итальянским мартини. Приятное тепло шло от Евры. Она и во сне жевала жвачку, переваривала в своем четырехкамерном желудке клетчатку грубых кормов, разрушала целлюлозу и пентозаны до доступных органических кислот - до уксусной, пропионовой и масляной. Кокубай чувствовал, как эти кислоты всасываются стенками рубца, обеспечивая Евре 80 % её потребности в энергии. Ёмкость пищеварительного тракта Евры в девять раз превосходила Петину. Четыре камеры её желудка - сетка, книжка, сычуг и особенно рубец - были раем для микроорганизмов.

Кокубай относился к бактериям с большим уважением. Они могли дать новую жизнь Кочкорке после того смертельного отравления цианистым калием из отстойников золоторудного комбината. Обнадёживали последние открытия астрономов на Титане - спутнике планеты Сатурн. Там целые озера из мышьяка. Для человека - быстрая смерть. А бактерии живут припеваючи.

Чудеса! Есть они на небе, есть и на земле. Монахиня Дуся рассказывала: «Надо их только разглядеть. Вот в пятницу вечером - приходит к матушке Тавифе сестра Стефанида, ответственная за доставку продуктов. И на старуху бывает проруха - должна была закупить макароны в супермаркете и забыла. Пришла каяться. Матушка в сердцах - сестры еще с утра говорили, мол, не с той ноги встала, - говорит: «На охоту идти - собак кормить»! Благословила нерадивую для просвещения ума на триста поклонов перед иконой святого архангела Уриила. И только сказала эти слова - приходит Светлана Сергеевна, директор дружественного монастырю супермаркета: «У меня макароны остались - не надо вам»? Чудо!»

Никогда прежде Кокубай не встречал такой концентрации женщин. Еще такая концентрация бывает в женской колонии, на зоне. О ней он только догадывался. И когда с матушкой Тавифой пришел на репетицию четвертого акта «Короля Лира», со страхом поглядывал на режиссера с серьёзной статьёй - убийство с особой жестокостью. Пресс-секретарь сестра Евдокия по секрету сказала: «Узница совести. Кокнула инструктора райкома партии». Бабий бунт, - вспомнил Кокубай слова Чингызца. «Иудейка, - шёпотом сказала Дуся, - а искать чуда спасения пришла к нам, в христианскую обитель. Но матушка Тавифа пока не дает послушания на постриг. Пусть, мол, получше обрусее. А для режиссерского послушания кандидатуры лучше не придумаешь. Культурная, Шекспира наизусть знает. И уголовная статья что надо. Уважаемая. У нас в пансионе девочки из неблагополучных семей - алкоголики, наркоманы, у кого СПИД. Послушаешь - волосы дыбом. Сами готовы кого угодно зарезать. Это же матушка Тавифа придумала ставить «Короля Лира». Отцы и дети. Развалится семья - развалится государство. Мы семью укрепляем примером Петра и Февронии. Любовь не только до гроба, но и в самом гробе. Последнее слово за Февронией. Князь Пётр - голова, она - шея.

Кокубай, лежа неподалеку от Евры, прислушиваясь к работе бактерий в её рубце, переваривал собственный дневной корм - слова, мысли, впечатления. Вот матушка Тавифа предлагает организовать ночлег: давай позвоню мэру - примет согласно рангу. Ты же у нас кто? Не баран чихнул. Герой Соцтруда, депутат Верховного Совета, молчаливо-агрессивное большинство, демократа Сахарова захло-

пывал. Значит, в нашем красном поясе свой человек. Поселят в райкомовской гостинице. Или к Наташке пойдешь? - К какой? - А к той самой, что целует горячо. За так. Но смотри - триппером не отделаешься.

Перед тем, как сесть в келье пить чай-пай, перед вкушением, сотворила молитву: «Очи всех на Тя, Господи, упоают, и Ты даеши им пищу во благовремени, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволения». Вкушали рыбный пирог растегай, макали блины в густую сметану, творог с медом подали к чаю. Поначалу Кокубая смущали иконы. Лишают личного человеческого пространства. Вроде как надзиратели. Постные, без сочувствия, без улыбки. Всё человеческое им чуждо. Повыше человека смотрят. Изображение плоское, как пустыня. Без светотени. А матушке Тавифе вроде и ничего. Вроде как все свои. Разомлела после сладкого, заговорила о человеческом. О чуде Эрнеста Хашимовича Акрамова. Вот ведь слово какое придумал для обращения: чаровница. Чары. В душу проникло. Он в больнице и день и ночь. Не оперирует - возвращает к жизни. У меня сердце остановилось. Душа отлетела от тела. Там уже была, на том свете. Тоннель прошла, вознеслась, родню повидала. И себя на операционном столе. Лежу бездыханная, а он, Хашимович, не отступает, трудится. Электрическим разрядом бьёт и руками старается. Руки сильные. Он в молодости был чемпион по гимнастике. И в кабинете у него гиря двухпудовая. Так и завел сердце вручную - на второй срок жизни. С того света вернулась и первое, что вижу, - его лицо, Эрнеста Хашимовича: «Как дела, чаровница? – спрашивает. - Споём, что ли»? Любил революционные:

*Мы раздуюм пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землей,
Маркса и Энгельса не продадим,
С Троцким и Лениным победим.*

*Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой.
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой.*

Коляску мне купил. Американскую. Откуда доллары взял? Посадил на поезд. Говорит: дуй в Россию. Там один мой старый пациент. Был большой партийный начальник, теперь монах, архиепископ. Я ему позвоню, он всё устроит. Как эстафету передал. На волю Господа. Год в скиту молилась. Позвал Евлогий.

Он людей видит насквозь, как рентген - дал послушание на хозяйство. Говорит: раз тебе Господь чудо явил - надо отработать. Надо поднять монастырь. Стены, крыши, железо, шифер, доски, гвозди...Твоё дело - привлечь паству к чуду Петра и Февронии. У русского народа одна надежда - на чудо! Он хоть и либералом стал, девелопером, мерчендайзером, а верит только в чудо. Семью надо спасти русскую. Пошла спасать. Батюшку нашего монастырского определила духовником к начальнику МЧС. И на Шекспира большая надежда. Король Лир - он же аксакал, если по-нашему, по-киргизски. Из страны победившего овцеводства. В домах престарелых нет киргизов - только русские. То же и в детских домах: киргизят там нету. Только русские. Это ж край гибели. Спасать надо Россию от русских. А что спасёт? Только чудо.

- Ты знаешь, матушка, - покраснел Кокубай, - а я ведь и сам русский в душе.

- Стало быть, и тебя только чудо может спасти, - сурово прикончила тему игуменья.

После трапезы, после вкушения и душевного разговора вознесла другую молитву:

Благодарю Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных твоих благ. Не лиши нас и Небесного Твоего Царствия. Но яко посреде учеников твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси

В пять утра державник Петя поднялся на утреннюю дойку. Евра требовала, мычала. Молоко тугой струйкой ударило в пустое ведро, запенилось. У дояра Пети раздулись ноздри - вдыхал парное тепло.

- У вас здесь клубника поспела? - спросил Кокубай.

- После мартини, что ли, тебя на клубнику потянуло? - не отрываясь от дойки, откликнулся Петя.

- Нажимай на клубнику, - ушел от шутивого тона Кокубай. - А лучше всего для твоего желудка парное кобылье молоко. Только штаны держи в руках, не застегивай. Не успеешь снимать. Дриснёй вся язва сойдет на нет.

На прощанье Петя вручил Кокубаю конверт с нотой американскому Президенту: «Америка, Белый дом, товарищу Клинтону». И обратный адрес: «Киевская Русь, Муромо-Рязанское княжество, Петру Муромцу».

- Вот тебе ручка - подпишись, - приказал Кокубаю. Вспомнил вождя. - Далеко Аляска, да нашеньская.

Кокубай подписал. Пошел на почту. Даже обрадовался: по делу идет, не праздный, не праздношатающийся по Руси кыргыз. Человек с поручением. Шагает по русской земле, по Владимирским проселкам. Миновал деревню Поносиха, Верхние Паскудники, Средние Паскудники, Колотушку. У речки Сердобы притомился. Всё вроде хорошо, и кроссовки, купленные снохой мерчендайзером, не жмут, но какое-то неудобство. Не поймет даже, в чем дело. Может, джинсы? Потом дошло: гор нету. Горы дают глазу ориентир: там север, там юг. Есть к чему спиной прислониться, упереться левым плечом, прижаться правым. Глаз горца произвольно ищет горы. Без гор за спиной пусто, холодок, неуверенность - как будто стоишь на краю, спиной к пропасти.

Кокубай дивился: как эта Сердоба узнаёт, куда течь, куда бежать. Да она, собственно, никуда и не бежала. Стояла на месте. Потому что не могла сообразить, где верх, где низ. Трудно речке без гор. И цвета своего не имеет. У неё цвет неба, облаков, цвет берегов, травы. У речки Сердоба был цвет церкви, стоящей на обрывистом берегу. На покатых белых плечах синяя голова, любимый цвет Кокубая. Синюю голову украшал золоченый крест. Тихий полдень, народу нет. С неба, невидимый, сыплет звонкой монетой жаворонок. Одинокое индифферентное облако застыло без ветра, пыльное, как курдюк гиссарской овцы, уселось на шпиль колокольни.

Кокубай вспомнил слова матушки Евдокии, мол, церковь - это напоминание Господа о совести. О страдании, которое принял Иисус за грехи смертных людей. Кокубай тронул дверь, она открылась. Внутри никого не было. С икон холодно смотрели лики Святых. Мужчина страдал на кресте, у ног сострадали женщины.

Озираясь, Кокубай украдкой перекрестился.

- Шапку-тоними, - услышал земной бабий голос, непохожий на голос совести. - Понаехали нехристи!

Этих женщин никогда не поймешь. Амбивалентные! Красавица Дуся, матушка Евдокия, молодая воспитанница

игумены Тавифы - про совесть, неприветливая тетка с ведром и венником - про шапку. Нет, никуда от себя не уйдешь, никуда не спрячешься. Ни в тюрьму, ни в монастырь, ни в ноль. Всё остается. Даже боль в ногах, которых нет, в отрезанных. И уж тем более никуда не денешь нор, характер. Кокубай вспомнил, как наотмашь на бюро обкома партии резала правду матку в глаза начальница Кочкорского ДЭУ Глафира Ивановна Кирдяпкина. Не стеснялась ни Корчубека, ни самого товарища Сыдыкова, первого секретаря обкома. И тут, в святом месте, в монастыре огорошила выстрадавшим: «Чем выше колокольни, чем больше золота на крестах, тем дальше наша земля от Бога». Ей виднее.

- Скажи, матушка, - Кокубай перевел разговор на деловую почву, - далеко ли отсюда почта?

- Иди в Красные Кушери, - сказала негостеприимная тетка с ведром. - Пройдешь Черную Капитву, Вислозадово, Кузиху, Гнилушу, Косорыловку, Нехужейку, Прихвостни. Там будет село Любовня. На развилке дом. Он один там живой. В окошке увидишь Зинаиду Петровну. Она всегда у окошка сидит. У неё спросишь, как дальше в Красные Кушери. Там почта.

Уходя, обернулся на церковь: ак-куу! Лебедушка. Беленькая с синей головкой на зеленом поле русской земли. Смотрится в неспешную речку Сердобу, тихой рябью трепещет. Рука сама собой поднялась - перекрестился. Под лопатками чешется - крылья проклевываются. Эндорфины бьют ключом, внутримолекулярное давление в норме. Уместный, облученный ангелами, экономный потребитель солнечной энергии - идет и в ус не дует. А чего дуть? Энерджайзер - на сто лет хватит. Адекватный земле, воде, небу, потребляет материю жизни по умолчанию.

Сперва думал: долгая будет дорога. Много деревень надо пройти. Оказалось, деревень-то нет. Одни названия. Вот и Прихвостни прошел. На взгорке показалась Любовня. И бабка в окошке - Зинаида Петровна. Одной рукой лопух к голове прижимает, другой рукой машет: стой! Стой! Оба друг другу нужны.

- Сворачивай налево - тут по тропинке ближе до Красных Кушерей. Там памятник павшим героям, сельПТУ, а напротив почты аптека. У меня голова как атомная бомба. Ты мне лекарства купи. Только не зеленые, а синие. Прошлый раз мне зеленые принесли - не помогают. Попробуй синие.

Славная байбиче, Кокубаю понравилась. И с цветом угадала: синие куда лучше. И шутки шутит, хоть и на больную голову. Я, говорит, последняя в Любовне любовница. Остальные все померли - и любовники, и любовницы. Раньше-то, говорит, при колхозном строе много нас было. В дубраве вон той собирались. Такая любовь - дым коромыслом. От этого и название села. А без колхоза стали все помирать. Но я не растерялась. Открыла свой бизнес - бумажные цветы стала резать для кладбища. Кладбище наше процветало! А щас и мой бизнес отдал концы. Зато сама в красоте помру. Вишь сколь цветов настригла! И во след Кокубаю напомнила: лекарство возьми синее. И узнай: натошак или после еды. У меня щи сегодня наваристые - на щавеле с лебедой.

Кокубай свернул с большой дороги на тропинку, продолжил обход русской земли. Вот и Красные Кушери. Большие! С памятником воинам-победителям. С Вечным огнем. Вспомнил: на военной службе приезжал сюда - здесь была у них огневая точка, пункт космического наведения.

- Эй, чебурек!

Кокубай не понял, что это к нему. Привык к вежливому обращению, к тому, что он теперь физлицо, пусть и кыргызской национальности.

- Оглох, что ли?

К нему это, к Кокубаю. У вечного огня ребятки тусуются, пиво пьют из горла. Челы, герлы, бандерлоги. Кокубай прислушался - не поймет языка.

- Хулия. Ахулия...

По-испански, что ли? Паленым пахнуло. Чего-то жарят съедобное.

- А ну сюда подошел, дауншифтер гребаный!

- Мен бельмеймен, - на автомате по-кыргызски выдал из себя Кокубай.

У вечного огня захохотали:

- Чо тупишь, урюк! Тебе русским языком говорят: бегом сюда, жепьебрило!

Кокубай понял: пришла, вероятно, пора расставаться с привычкой жить на этом свете. Что ж, место хорошее, в самый раз: помер - и сразу памятник. Тут же и вечный огонь. О таком месте можно только мечтать.

«Бей чучмека! - закричали. - Спасай Россию!» И

всей оравой накинудись на него. Тело Кокубая сильно страдало, мучилось, а спинной мозг четко работал. Выработывал мысль. «Мог ли кыргызский народ, - думал Кокубай, - даже в самых продвинутых своих головах, предвидеть, что так близок день, когда в великой России он займет почетное место богоизбранного еврейского народа в его сакральной для русского народа роли за всё и вся перед ним виноватого! Мог ли он, кыргызский народ, в самых дерзких, самых амбициозных своих помыслах представить, что вместо сакральной, практически государственной формулы «БЕЙ ЖИДОВ – СПАСАЙ РОССИЮ!» новые великороссы выйдут на уличные погромы под боевой клич «БЕЙ ЧУЧМЕКОВ – СПАСАЙ РОССИЮ!», и он, кыргызский народ, примет на себя эту спасительную для русского народа жидовскую миссию громоотвода ради одной единственной цели: лишь бы русским было хорошо. Жаль русских: жидов не осталось, а кровоточащая генетическая рана саднит, требует кровушки внешнего врага. В самом деле, не искать же дурака в себе. Печенег, татары, хазары, поляки, косоглазые, не выговаривающие букву «р», длинноносые...Все они необходимы для национальной самоидентификации русского человека. Вот и он, кыргыз Кокубай, для этой цели сгодился.

- За Родину! - одними губами, без звука, прокричал Кокубай. - За Сталина! За русский народ!

Смутно угадывалось Кокубаю не только общее будущее, даже будущее отдельных человек. И в частности, собственное. Без конкретного рисунка, без очертаний. Его смертный час придет НЕ ЗДЕСЬ И НЕ СЕЙЧАС. В какой-то другой стране. Еще дальше от Кочкорки.

На секунду Кокубай активировался, приоткрыл узкие щелки глаз. Трех важных дел не успел сделать: отправить ноту Петра Муромского американскому Президенту, купить Зинаиде Петровне синего лекарства и съездить в Хайфу, навестить друзей. Как ни старайся, всех дел не переделаешь. Последней угасающей мыслью достал Перельмана: как он, бедный, в темной глубине на пути к первоначалу Вселенной с теоремой Пуанкаре без света марксистско-ленинского учения?

Олег БОНДАРЕНКО

РАССКАЗЫ

ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Я очень люблю Интернет. Я не мыслю себе жизни вне Интернета. Не знаю, что было бы со мною, если бы не Интернет. И как это люди раньше обходились без него?.. Каждое утро я просыпаюсь в шесть часов. И сразу же включаю компьютер – узнать новости, проверить почту, заявить о себе в скайпе, войти в популярные социальные сети. Я участвую в работе двух десятков форумов, зарегистрирован на нескольких сотнях сайтов и электронных библиотек, оставляю свои комментарии буквально ко всем более или менее значимым событиям дня. У меня куча ников – на разные случаи жизни, я держу в голове множество необходимых паролей. И, конечно же, я играю. И смотрю кино. И пишу рассказы в онлайн-режиме. Я до безумия люблю Интернет...

...В один из погожих осенних дней, когда золото леса особенно красиво отражается в кристально чистой прохладной воде, к одинокому дому на берегу озера подъехал автомобиль. Автомобиль был крутой, с наворотами – какие особенно любит молодёжь. Из него вылез парень в модном прикиде и причёской в стиле стимпанк, огляделся и вежливо постучался в застеклённые двери.

На веранде, кажется, никого не было. И в доме тоже. Парень с неудовольствием поискал взглядом хозяев – и нашёл: из

соснового леса на песчаном мысу навстречу гостю двигалась маленькая фигурка. Приехавший, сощурившись, замахал рукою.

Вскоре к бревенчатому дому, не торопясь, подошёл старик в сопровождении большой рыжей собаки. Гость, чтобы не терять времени, слушал в наушниках музыку из Интернета; одновременно он на своём гаджете играл в какую-то онлайн-игру.

– Извините, – коротко бросил старик. – Люблю, знаете ли, осеннюю пору. Когда деревья дышат по-особому и природа задумалась о смысле бытия... Я не знал, что ко мне кто-то собирается приехать. Но заметил вашу машину издали.

– Здравствуйте. Я из Интернет-контроля – модератор вашего района, – представился парень, предъязыв электронный бэйдж. – Мой ник zombie-747. К сожалению, никак не удаётся с вами связаться – ни по телефону, никак ещё; вы не отвечаете. И вот поэтому пришлось приехать наугад. У меня есть к вам несколько вопросов. Вы позволите?

– Да-да, конечно, – старик вздохнул и пропустил нежданного гостя в дом, на веранду. – Заходите. Я давно уже живу сам, так что уж прошу прощения за некоторый беспорядок.

Собака, для приличия гавкнув на пришельца, бегала перед входом, пока старик не успокоил её.

– Тише, родная, тише... Это ненадолго. Скоро мы пойдём с тобой на речку – форель посмотреть. Так что пока потерпи.

Парень, оказавшись в комнатах, с любопытством вертел головой и присматривался к тому, что увидел.

– Какой у вас дом необычный! – наконец сказал он.

– Что же в нём необычного?

– Старый... Сейчас таких не строят. Техники у вас никакой не вижу – ни пультов управления, ни роботоблоков.

– Да... Это мне досталось от отца. Мы с женой здесь всю жизнь прожили. Пока она... не ушла... в мир иной.

– Опаньки! – воскликнул молодой человек, казалось, даже не слушавший хозяина дома. – А что это такое?!

– Это?... Гм... Видеомагнитофон. Такая штука времён моей молодости. С её помощью фильмы смотреть можно. А я очень люблю старое кино.

Парень тем временем с изумлением рассматривал кучу видеокассет в покосившемся деревянном ящике, стоявшем у старенького телевизора с видеомагнитофоном.

– Но почему вы не смотрите фильмы онлайн? Ведь в Интернете такого добра сколько угодно!

– Вам не понять... – ещё раз вздохнул старик. – Есть вещи, которые... остаются с тобой навсегда...

– Ладно, перейдём к делу, – парень уселся на облезлый диван и раскрыл перед собою очередной гаджет. – Я не увидел в вашем доме компьютера. Может, я не заметил просто? Может, не туда смотрел?..

– Ну, что вы... – смутился старик. – Он у меня... как бы сломался... Он... на чердаке.

Парень смотрел на хозяина дома во все глаза и, казалось, не мог поверить его словам.

– Вы хотите сказать, что не пользуетесь Интернетом?!

В комнате на минуту повисла тягостная, гнетущая тишина.

– Ну, ладно, – пробормотал модератор из Интернет-контроля. – У вас, по крайней мере, должен быть доступ через мобильник или другие устройства. Приставки, очки, например. Или там Интернет-холодильник – есть он у вас?

– Нет... – старик стоял перед молодым человеком, потупив глаза. Ему было крайне неудобно. – У меня в доме вообще нет холодильника...

Парень что-то быстро стал набирать на клавиатуре своего портативного электронного устройства.

– Удивительно, – сказал он, не переставая нажимать клавиши. – Удивительно. В наше время – и такое! Вы же могли просто сообщить – и вам привезли бы холодильник. На дом. Бесплатно. Государство ведь заботится о людях. Я не представляю, как такое в наши дни возможно!

– Сейчас я запрошу соответствующие службы – и они дадут команду, как следует в такой ситуации поступить. Не хотелось бы сразу протокол вам выписывать, – и парень с удвоенной скоростью забарабанил по клавиатуре.

– А что... У вас и ника нет? И в социальных сетях вы не зарегистрированы? – он недоверчиво воззрился на старого человека.

– Был! Был у меня ник! – как бы оправдываясь, горячо говорил старик. – Только я, как бы это сказать, запомнил его – сами понимаете, возраст... Я ведь уже не молод...

Впрочем, глаза его говорили совсем другое.

– Ладно, – помедлил модератор. – Я... Я не буду указывать, что вы не пользуетесь ником, хотя... Хотя и не знаю, как в таком случае всё оформлять... Ну, что-нибудь придумаю. Вы понимаете – это ведь ненадолго!

– Да-да, конечно! – Старик вздохнул с видимым облегчением. – Я исправлюсь, поверьте! Как только обновлю компьютер!

Гость кивнул, закончил печатать и встал с дивана. Ещё раз с неодобрением бросил взгляд на допотопную видеотехнику.

– Мне тут сообщили, что делать... На первый раз вам выносят устное предупреждение. По-доброму. Поверьте, я сделал всё, что в моих силах. И насчёт компьютера – погодите-ка...

Он быстро прошёл по дому, вышел во двор – к своей машине; старик, немного нервничая, неуверенно последовал за ним. Рыжая собака гавкнула было на гостя, но, завидя старика, умолкла и недовольно улеглась на лужайке перед входом.

Молодой человек достал из багажника машины несколько коробок.

– Вот, – он обернулся к старику. – Здесь компьютер новейшей модели и ещё сканер и ноутбук. Это всё я вам передаю от имени нашего Правительства. Всё в дар людям! Ничего платить не надо; просто распишитесь вот здесь. Я понимаю, у вас могут возникнуть проблемы с установкой ряда программ. Для этого я передам заявку от вашего имени (чёрт возьми, я не знаю ваш ник) в Службу Поддержки Радости и Рабочего Настроения. Их специалист придет к вам на днях и сделает всё на месте. Вы меня поняли?

– Да-да, конечно... – Старик стоял, опустив глаза. – Вы меня так выручили, молодой человек...

– Прощайте, – попрощался Интернет-контролёр. – И помните: сразу регистрируйтесь в социальных сетях. Не ждите. И заведите себе электронный почтовый ящик, наконец. А лучше – два, или три. И программу видеозвонков. И подписку на Правительственные новости.

Он сел в машину, завёл её, развернулся и приоткрыл окно в двери. Старик стоял, как потерянный; рядом с ним стояла и смотрела на гостя большая рыжая собака.

Было такое впечатление, что молодой человек хочет что-то на прощание старику сказать. Мотор работал, руки водителя лежали на руле.

– И... – контролёр помедлил. – Не попадайтесь больше... Храни вас Интернет! – он нажал стартер и выехал со двора.

Долго ещё старик с собакой смотрели вслед удалявшемуся автомобилю.

Интернет-полиция сработала чётко. Одинокий дом на озере окружили по всем правилам проведения операций захвата, небо патрулировали полицейские вертолёты, снайперы заняли свои позиции в лесу и на берегу. Но, к счастью, все эти меры предосторожности оказались избыточными. Старик даже не сопротивлялся – его нашли на песчаном мысу, где он прогуливался с собакой, собирая сосновые шишки.

Для начала старика привели во двор его же собственного дома, на участок, с которого открывался чудесный вид на озеро и окрестности. Интернет-следователи – а их было трое – установили на газоне старинный деревянный стул с высокой спинкой, найденный в одной из комнат, и усадили задержанного на него. Сами они расположились вокруг, готовые к допросу. Высокие, здоровые парни в Интернет-очках и весьма необычных одеяниях – что прощалось молодёжи в нынешний креативный век – жаждали разоблачиться в причинах необычного и вызывающего поведения пожилого человека.

– Если гора не идёт к Магомету, – начал первый и, по-видимому, старший Интернет-следователь, – то Магомет идёт к горе. Поймите нас правильно, мы вовсе не хотели причинять вам неудобства, но вы сами вынудили нас действовать подобным образом. Вы совершенно не отвечаете на запросы, не реагируете на письма, SMS-сообщения, звонки и другие формы связи, отсутствуете в социальных сетях и на форумах. Это заставляет нас заняться проверкой вас как достойного, полноправного и адекватного члена нашего общества.

– Я представлюсь, – продолжал первый: – Мой ник monster, я следователь по контактам с Высшим. Мои коллеги из Службы Установления Адекватности: следователь по вопросам любви eggplant-of-blood и следователь-стажёр merry hamlet. Мы сейчас устроим дознание и надеемся в этом на вашу помощь. Официально, от имени Интернет-сообщества уведомляю вас, что ведётся прямая онлайн-трансляция нашей беседы.

Старик, казалось, не очень слушал – он смотрел поверх голов допрашивающих куда-то на озеро и чувствовалось, что он сейчас не здесь, а где-то там. Второй и третий следователи строго прикрикнули на него:

– Задержанный пользователь! Не отвлекайтесь! Вам предстоит ответить на наши вопросы!

Старик вернулся в действительность, и голова его поникла...

– Первый вопрос, – объявил ведущий. – Почему вы не считаете нужным пользоваться Интернетом? Хотите ли вы таким образом продемонстрировать ваше неуважение к обществу?

Старый человек сглотнул слюну, не зная, что ответить. Глазами он искал свою рыжую собаку, усыпленную на лужайке полицейским доктором на время допроса.

– Я с уважением отношусь к нашему миру и правительству... Но я уже в таком преклонном возрасте, когда все эти новомодные технологические штучки воспринимаются с трудом...

Трое следователей побледнели и переменились в лице:

– Он назвал Интернет **НОВОМОДНЫМИ ШТУЧКАМИ!** – казалось, это не укладывается в их головах.

Первый следователь наклонился к старику и, заглянув ему в глаза, прошипел:

– Вы – из неверующих? Признайтесь, вы не верите в Интернет?!

– Я ни во что уже не верю... И вообще я атеист...

– Но мы все атеисты! – воскликнул следователь. – Вы знаете, что религия на Земле запрещена законом!

– Интернет – это нечто иное, это не поповские сказки, а то, что реально создало наш сегодняшний мир! – укоризненно выговорил задержанному следователь номер два. – Как можно не верить в то, что объективно существует и делает нас самими собой!

– Интернет – велик и могуч, Интернет даёт нам работу, пищу, кров, Интернет организует наш досуг, Интернет связывает всех людей во всём мире! – горячо высказался третий.

Старик, казалось, выглядел огорчённым и расстроенным.

– Есть вещи, которые вам не понять... – прошептал он про себя.

– Вы должны признать, что Интернет сегодня – это самое святое, что есть у каждого человека, каждого гражданина нашего мира, – настаивали следователи. – Интернет – величайшее порождение мирового разума, и сам он стал одним из его проявлений. Интернет – это особая, сверхтонкая технологическая сущность, принявшая на себя функции Великого Духовника человечества!

– Интернет – Святость, Интернет – Величие, Интернет – Порождение Всего Лучшего на Земле! Интернет – это наша Вера, Надежда, Любовь каждый день! – в экстазе прокричал следователь-стажёр и ударил старика – не крепко, а просто дал подзатыльник, и этого было достаточно, чтобы старый человек забил-

ся на стуле и с болью в сердце взглянул туда – вдаль, на озеро, на лес, где не было ни технологий, ни полицейской ярости, а была лишь свобода и приволье для метущегося духа.

– Мы все должны быть благодарны Интернету!!! – бесновались следователи, окружив старика и потрясая кулаками. – Он нас создал!!! Он нас спас!!! Он явил своё просвещённое могущество пред ликом дикарей доинтернетной, варварской эпохи!!!

Старик страдал. Мысленно он летел уже над озером – летел высоко, вместе с облаками, и дышал полной грудью, хватая ртом ветер и сосновые ароматы с земли. Он слышал не вопли полицейских, а – свист воздуха, и шорохи леса, и быстрые движения нарядной белочки, и звуки перетаскиваемых муравьями веточек и иголок там, внизу.

И ещё он видел три беснующиеся фигурки – вокруг четвёртой, сидящей на стуле, с белою головою, и как будто с другой планеты, краем сознания воспринимал:

– Скажи обращение! Скажи обращение!! Скажи обращение!!!

Обратись к Нему:

Интернет наш,

Иже есим в сети!

Да святимтся название Твое,

да приимдет торжество Твое,

да будет протокол Твой,

яко на земли и в космосе! – Скажи это обращение, несчастный! Обрати-и-и-сь!!!

... Небо. Огромное небо и воля. И лес. И студёная вода озера. И бревенчатый дом на берегу. И облака. И жена – верная подруга, с которой прожил всю жизнь. И давно разлетевшиеся из родительского гнезда дети. И что-то светлое, тёплое, что прорывалось сквозь мрак и холод и делало жизнь Жизнью.

– Это ужасно... Это ужасно... – пробормотал старик. – То, что вы говорите – ужасно, – и он в отчаянии взглянул на обезумевших своих мучителей. – Есть вещи, которые вам не понять...

Интернет-тюрьма была оборудована по последнему слову техники. Белоснежная, чистая, напичканная электроникой – тут и там, кстати, для устрашения заключённых возникали голографические спецэффекты, и именно поэтому мало было желающих попасть сюда.

Старик возлежал на особом кресле, привязанный к нему за

руки и за ноги особыми, разработанными на наноуровне ремнями.

– Обратите внимание, – с гордостью рассказывал сотрудник тюрьмы. – Это кресло сконструировано так, чтобы полностью принимать форму человеческого тела, и в результате тот, кто подлежит наказанию, чувствует себя весьма комфортно. Мы – развитая цивилизация и не можем себе позволить причинять страдания даже преступникам, хотя они – хи-хи! – заслужили их в полной мере.

Голова старика также была закреплена – особым устройством, исключавшим малейшее изменение её положения. Смотреть приходилось только в одном направлении и только под одним углом.

– И ещё мы – хи-хи! – как демократическая страна оставляем за заключённым право выбора: он может смотреть или же закрыть глаза; это огромный шаг вперёд по сравнению с тем временем, когда между веками вставлялись специальные держатели-расширители! Да, можно видеть экран монитора, если у вас есть потребность заниматься с компьютером; но можно – совершенно свободно! – отказаться глядеть на монитор.

Старик молча воззрился на большой чёрный – пока что выключенный – экран, расположенный прямо перед глазами, и с тоской ждал, что последует далее.

– Это – новейшие разработки! – продолжал хвалиться сотрудник тюрьмы. – Один Интернет знает, сколько они стоят, и каждое кресло для провинившегося оборудовано по высшему разряду. Управлять компьютером можно с помощью взгляда – руки теперь вообще не нужны. Малейшее движение глаз – и, пожалуйста, вы совершаете любую операцию! Всё к вашим услугам!

– Лишь бы только работали с Интернетом... Жили с Интернетом... Творили с помощью Интернета... – возбуждению охранника не было предела. – Всё для людей. Всё для блага человека. Вот как наше Правительство заботится об этой тюрьме!..

Старик слушал и думал о чём-то своём. Конечно, ему хотелось бы сейчас, в этот миг взглянуть на свою рыжую собаку, которую также доставили сюда, по месту заключения, и которая лежала неподалёку, закреплённая на специальном столике для провинившихся зверей. Но увидеть её, к сожалению, не представлялось возможным – не позволял разрешённый угол обзора, хотя робкое повизгивание и доносилось с той стороны.

– А сейчас я включу технику, и перевоспитываемый сможет насладиться работой с Интернетом – сколько его душе влезет. Надо учесть и возможности новых машин – они без проблем улавливают потаённые желания заключённых! Думают – за них! Всё знают – за них! Только на экран смотрите!..

Компьютер, установленный где-то под креслом, едва слышно загудел, и перед глазами старика вдруг возникло изображение – заставка. Экран загорелся мягким, приятным цветом.

Старик закрыл глаза... Ему вдруг привиделось озеро с зеркальной гладью, в которой отражался одетый в багрянец и золото осенний лес... Солнце ныряло за клёны на том берегу, и свежий вечерний бриз обдувал лицо, и радостный лай собаки слышался в отдалении, на мыску, среди сосен...

Старик задумался. Ему не хотелось, чтобы это ощущение проходило. Он с грустью размежил веки – и не понял сперва; прямо перед ним, перед его взглядом на мониторе тоже вдруг показался сосновый бор, удивительно эффектно смотрящийся на фоне сказочного водоёма. Так же, как в жизни, воды озера подёрнула лёгкая рябь, и по песчаному берегу где-то далеко вприпрыжку бегала развесёлая дворняга.

Старик молча смотрел и смотрел. Он видел тот, другой мир, и в душе его рождалось доселе неведомое щемящее чувство.

...По щеке старого человека скатилась слеза...

Я очень люблю Интернет. Я не могу жить без него ни часу. Интернет – это величайшее завоевание человека, а может быть, даже наоборот – это мы суть порождение Сети. Каждый день, каждое утро я с благоговением включаю компьютер и получаю очередную дозу наслаждения, общаясь с миллионами друзей, переписываясь с ними в чатах и на форумах, играя в бесконечные игры и обсуждая новости в режиме онлайн. Интернет – это звучит как музыка. Интернет – это лучше, чем рай.

Извините, я не могу с вами долго разговаривать – мне пришло новое сообщение, и я тороплюсь его посмотреть. Что бы мы делали без электронной переписки? О Боже, как я люблю Интернет!..

ЖЕНЩИНА ПЛАЧЕТ – ШАРИК УЛЕТЕЛ...

Однажды на Земле разразилась эпидемия странной болезни, поразившей мужчин. Собственно говоря, ничего в ней не было страшного, в этой эпидемии, ничего трагического. Никто от заболевания не умирал. Не валялся с температурой в постели. Не метался в бреду. Но, как бы это сказать, всё же испытывал известные неудобства...

Симптомы проявлялись с чесания в затылке. Сначала это было лёгкое почёсывание, которое позже переходило в сильный зуд. Порой заболевший расчёсывал себе кожу до крови на макушке. И затем начиналось самое странное... Тоненький росточек пробивался прямо сквозь череп, он рос и рос и – главное – тем быстрее, чем чаще его смачивали водой и мыли шампунем (именно по этой причине у нерях и грязнуль, а также пещерных народов процесс затягивался на долгий срок, в то время как у следящих за собой всё вырастало в течение нескольких недель, в крайнем случае месяцев – это зависело от вида всходов).

Что же вырастало на голове? Это уж – как кому повезёт. Бывало, что герань или розовый куст, но случались и баобабы. Впрочем, последнее считалось редкостью, это было характерно скорее для африканского континента, поскольку в умеренной зоне баобабы не приживались, и всё заканчивалось излишними мучениями для больного и усыханием дерева прямо среди копны волос. Неприятная ситуация, да. Зато тополь или ясень где-нибудь в Европе или России – это было весьма распространено; встречались и дубы, но чаще у лиц, которые не работали собственным умом, за что, собственно, им и приходилось отвечать перед природой.

Интеллигенция, как правило, имела представителей растительного царства по красивей (самые красивые, впрочем, типа изысканных цветов доставались лицам нетрадиционной сексуальной ориентации). Рабочий класс жил с лесными деревьями на макушке. Крестьянам нередко доставались злаки – даже порой целые поля, и это было крайне неудобно, с бытовой точки зрения, хотя и практично, когда приходило время собирать урожай. Мне лично встретился как-то раз полинезиец с небольшой кокосовой пальмой, и он бескорыстно угостил меня орехом, позволив сорвать его прямо с верхушки (но морщился при этом, видно, процедура была по-своему болезненной).

Иногда встречались и мужики, у которых на голове вырас-

тало два дерева, но, как правило, это было тогда, когда жена изменяла.

В результате этой необычной эпидемии подавляющее большинство представителей мужского племени оказывались, скажем так, на виду, будучи совершенно открытыми для мира в плане своих личностных качеств, которые ранее – в некоторых случаях – им хотелось бы скрыть. Например, какой-нибудь литературный критик красовался перед всеми с хищной росянкой на голове, из-за чего все авторы начинали понимать, с кем имеют дело. Причём росянку не удавалось даже спрятать под шляпой – она её попросту съедала. А вот самоотверженный детский врач ходил с зелёной лужайкой, в центре которой произрастала дивная плакучая ива, и всем детям тут же хотелось поиграть и подурачиться, носясь друг за дружкой в привольной траве или валяясь среди ромашек, наблюдая за небом.

Были люди с фруктовыми деревьями или же люди-клубы. Но встречались и с чертополохом либо бурьяном, репейником, лопухом. Короче говоря, каждый из живущих чем-то отличался от других, и отличие это в какой-то степени увязывалось с его миссией в нашем бренном мире.

Лишь в некоторых случаях на голове ничего такого не выросло. Но окружающие вскоре понимали, что причина тому проста – не болеет лишь тот, кто на самом деле не мужчина...

Однажды болезнь добралась и до одного поэта, который, вполне возможно, был вовсе и не поэтом, а менеджером-креативщиком, но сам себя считал поэтом, поэтому будем считать его таковым и мы. С ужасом он утром взглянул на себя в зеркало – и задумчиво почесал то место, откуда следовало теперь ждать молодую поросль. Болеть не хотелось. Но, с другой стороны, боязно было и *не болеть*. Общественное мнение нынче не очень благоволило к тем, кто ходил с чистою головою, и посему всякому мужчине положено было иметь свою собственную флору: вопрос был лишь в том, что вырастет – именно это и беспокоило нашего героя, и можно было понять – почему.

Жена его тоже разволновалась, ибо не знала, предстоит ли ей гордиться своим мужем либо стыдиться его. Каждый день оба они – муж и жена – внимательно изучали то, что там, на голове творилось. Вот шишечка маленькая, она набухла, росла – и чесалась, зараза. Вот она в один прекрасный день лопнула – и оттуда, из-под черепа пробилось нечто. Увы, слишком тоненькое и тощенькое – не рассмотреть.

Оно, это тоненькое, каждый день выросло, но – остава-

лось всё таким же тощим и невзрачным. Обидно было, надо сказать: уж и соседи стали интересоваться, что оно такое растёт, и на работе шеф грозно потребовал идентифицировать росточек. Но напрасно, напрасно муж с женой листали многочисленные справочники по ботанике – опознать поросль на этом этапе они были не в состоянии.

Через месяц стало ясно, что ничего не ясно. Из головы торчала ниточка – ей-богу, она была похожа на простую нитку, с утолщением на конце. Поэт как-то раз в припадке отчаяния попытался было перерезать её ножницами – но лишь взвыл от боли и бросил заниматься садизмом. Сумрачный, с потухшим взглядом ждал он, когда прояснится ситуация, ибо больше ему ничего не оставалось.

А на работе он старался не обращать внимания на коллег с кактусами, растущими из черепа, чтобы не усугублять своё и без того унылое расположение духа...

В один прекрасный день утолщение на конце ниточки стало расширяться. Точнее, надуваться – подобно обычному воздушному шару; и было оно ярко-красного цвета – он уже достаточно хорошо просматривался в зарослях чёрных густых волос. Поэт (или менеджер) волновался. Он чувствовал, как округляется этот, типа, шар, как он плавно парит над головой, заставляя последнюю держать себя гордо и смело.

Выйдя на улицу, поэт ощутил порыв ветра, отчего ноги его едва не оторвались от земли. Хорошо – помогла жена: по пришествии мужа домой она, оценив ситуацию, привязала к его ногам гантели. Это, безусловно, затрудняло ходьбу, но, с другой стороны, гарантировало твёрдую почву под ногами. И поэт-менеджер впервые за последнее время успокоился. Он воспринимал всё как благодать, хотя, скажем прямо, не очень-то мог похвастаться перед соседями.

Шарик. Воздушный шарик. Красный воздушный шарик – вот что торчало теперь у него из головы, и никакие ботанические справочники не могли дать объяснение этому феномену.

Проблема, однако, оказалась в том, что шарик изо дня в день рос. Можно сказать, надувался – особенно его надувание чувствовалось, если поглубже вдохнуть воздух в лёгкие, задержать дыхание, закрыть рот. При выдохе шарик слегка приспущался, но в целом это было ненадолго. Общая тенденция – раздувание шарика, и ничего в мире, казалось, не может этот процесс остановить.

Помогали гантели... На открытом пространстве, при ходь-

бе. Ну, сначала были гантели, потому что потом их пришлось заменить пудовыми гирями – жена постаралась. Она вдруг начала опасаться, что муж в один из дней улетит. И это было похоже на правду, потому что размеры шарика – теперь уже шара – ежедневно увеличивались. В конце концов шар просто не помещался во входную дверь.

Апрель. Или май? – не помню точно, но в любом случае это было весной. Да-да, весной наш поэт, вдохнув в себя воздух свежести полной грудью, вдруг понял, что сдерживаться больше нет сил. Ноги и так устали от непомерного груза: хотелось сбросить гири и лёгкой пташкой взмыть в голубые небеса. Так поэт и сделал – к ужасу женщины, дико закричавшей вдруг и вцепившейся в своего мужчину, чтобы удержать его на земле. Поэт не сопротивлялся. Он положился на волю случая. И, конечно, победили законы физики. Огромный шар, огромная сфера над головой, раскрывшаяся, будто великая планета, ставшая свободной и невесомой, рванула ввысь, и женщина, плача, оторвала руки от мужниных брюк и закрыла лицо ладонями.

А шар всё взлетал и взлетал, а поэт обалдел от потока восходящего воздуха, а женщина внизу рыдала и воздевала руки, превращаясь в маленькую, ускользящую точку.

Мужчина нёсся к солнцу, и сердце его преисполнилось восторгом, и в этот миг он знал, что не болен – больны, может быть, другие, те, кто остались там, на земле.

Вот уже небо стало из голубого синим, а потом чёрным, и горизонт искривился дугой, а полёт не прекращался, хотя и стало трудно дышать.

Вот уже холодно, нестерпимо холодно – но шар нагревается от близости к светилу. Поэт поёт, но – что это? – шар вдруг загорается, его поверхность пылает ясным пламенем и – о, боже! – шара больше нет!

Свист в ушах, ветер, пронизывающий ветер – и стремительно несущаяся к тебе земля с её лоскутками полей и синими озёрами, отливающими золотом на солнце. Быстро. Быстро! Очень быстро, чёрт возьми!..

Поэт упал – со всего размаха – в воду, в солёную твёрдую воду. Взметнулись волны, дикий всплеск – и там, под поверхностью замелькали в испуге рыбы. И разные морские существа.

Последнее, что увидел поэт, – были подводные твари, и у некоторых из них на головах росли пучки водорослей. Много зелёного и синего, много непонятного и прекрасного. И ещё –

множество шаров, воздушных шаров-пузырей, рвущихся вверх, наполняющих собой всё безбрежное морское пространство.

Шары оказались всюду. Шары заполнили мир. Шары вышли за пределы всего и вся, образовав космос, целый космос. И, как знать, может быть, кто-то где-то в этот миг зафиксировал рождение новой вселенной.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЗДУШНОЙ ЛОТЕРЕИ

– ...не хотите приобрести лотерейный билет нашей авиакомпании?

О'Бендер открыл глаза и вернулся в салон пассажирского Боинга. Мерно гудели двигатели, над рядами кресел горел приглушённый, неяркий свет, большинство людей спало, кое-кто читал, играл на своих гаджетах или смотрел кино. В целом на борту самолёта было спокойно, тихо, скучно. За иллюминаторами виднелось красное заходящее солнце – по правому борту, через проход.

Над О'Бендером стояла внимательная, чертовски обаятельная стюардесса в красивой форме и улыбалась.

– Может быть, Вы хотите принять участие в розыгрыше нашей лотереи? – повторила она душевным голосом свой вопрос-предложение. И добавила: – Все вырученные средства от неё пойдут на создание музея авиации.

О'Бендер стряхнул остатки сна и окончательно пришёл в себя. Он перевёл взгляд со стюардессы на тележку с газетами, журналами, открытками, которая загоразивала проход.

– Сколько стоит ваша лотерея? – поинтересовался он – не потому, что действительно хотел купить билетик, а потому, что ему понравилась девушка. И её вкрадчивая манера говорить.

Стюардесса назвала цену – сущие копейки.

– Пожалуйста... – О'Бендер протянул деньги.

Девушка предложила ему пачку запечатанных бумажек, О'Бендер потянул наугад первую из них и вновь остался один – не считая спящих соседей по ряду. Бортпроводница, взявшись за тележку, перешла дальше – охмурять своей очаровательной улыбкой тех пассажиров, которые сидели у О'Бендера за спиной.

О'Бендер подождал, пока она отъедет в конец прохода.

Спать больше не хотелось. Читать журналы – тоже. Делать было решительно нечего, хотя до приземления самолёта оставалось, по меньшей мере, три часа.

От скуки О'Бендер повертел в руках лотерейный билет. Он относился к разряду «мгновенная лотерея», изготовлен был красиво – с изображением стальной летящей птицы и вообще выглядел представительно, его хотелось тотчас же открыть. Чтобы в очередной раз убедиться, что если уж в жизни не везёт – так не везёт. Ну, как всегда.

О'Бендер вялым движением надорвал запечатанный билетик и вскрыл его.

Внутри были нарисованы крылышки, и под ними размещалась лаконичная надпись: «Ваш выигрыш: гражданский самолёт». Ниже следовали полоски штрих-кода.

А чтобы совсем уж было ясно, что билет не пустой, – в самом его низу также были напечатаны слова: «Поздравляем с выигрышем!»

О'Бендер откинулся на спинку сидения и задумчиво посмотрел в иллюминатор. Небо было раскрашено в удивительную гамму цветов: от красно-оранжевого до иссиня-чёрного, как и положено при закате на высоте 10 000 метров от земли. Шевелиться не хотелось. Хотелось просто смотреть и смотреть – и ничего не делать. Этот билет – это просто какая-то забавная шутка. Ну да, у них тут в небе любят пошутить. Особенно очаровательные бортпроводницы.

– Девушка! – лениво позвал он стюардессу, деловито проходившую мимо него в этот момент. – Я тут лотерейку у вас взял и... – он с виноватым видом протянул счастливый билет ей под нос. – Вот, вроде как выиграл.

Стюардесса заученно улыбнулась и приняла билет из рук О'Бендера.

– Очень хорошо, – сказала она. – Сейчас посмотрим.

Целую минуту она внимательно изучала вручённый ей О'Бендером билет. На лице девушке нельзя было заметить каких-либо ощутимых эмоций.

О'Бендер ждал – просто потому, что и делать-то ему особо больше было нечего.

– Вы разрешите, я проконсультируюсь на этот счёт с командиром экипажа, – наконец попросила девушка. – Вы выиграли, это ясно, причём самолёт. Такое первый раз случается в

моей практике. Вы позволите? – она вновь очаровательно улыбнулась.

– Да берите его, – великодушно разрешил О’Бендер, имея в виду лотерейный билет. – Самое главное – разъясните мне, что это всё означает.

Девушка приветливо кивнула и удалилась с лотерейкой в сторону кабины пилотов. О’Бендер опять устался в иллюминатор, а спустя какое-то время, сообразив, оглянулся – ему вдруг стало интересно понаблюдать за реакцией на происшедшее других пассажиров, тем более тех, что, как и он, соблазнились покупкой лотереи. Хотелось посмотреть на их глаза, на их лица, на их везение. Однако если участники розыгрыша и были, то заметить их в салоне с ходу не представлялось возможным – на борту по-прежнему царила сонная тишина.

Вскоре в начале прохода с головы самолёта вновь появилась стюардесса – на этот раз она шла в сопровождении высокого красивого лётчика, в руках которого О’Бендер увидел свой лотерейный билет.

Лётчик подошёл, вежливо улыбнулся и поздоровался:

– Я командир экипажа, и рад Вас приветствовать на борту. Он помолчал.

– Мы сейчас проверили штрих-код на билете с помощью считывающего устройства. Связались с землёй. Ну, что Вам сказать... Вы действительно стали обладателем пассажирского самолёта нашей авиакомпании.

О’Бендер сглотнул слюну.

– И так получается, что... – пилот выдержал небольшую паузу. – ...Что нашего самолёта – вот этого самого Боинга, на котором мы сию минуту летим. Выходит, что теперь Вы – его новый законный владелец.

О’Бендер смотрел на лётчика немигающими глазами. Он очень хотел выглядеть важным, значительным. Но на самом деле не знал, что сказать.

– Прошу Вас, пойдёте со мной, – наконец предложил командир, который, очевидно, тоже испытывал некоторую неловкость. – Всё-таки здесь эконом-класс, а я Вас отведу в первый.

О’Бендер встал, и они все аккуратно, стараясь никого не потревожить, не разбудить, прошли по салону вперёд – а затем вверх, по лестнице, на второй этаж роскошного авиалайнера.

О’Бендер шёл, как в тумане, чему виной было, конечно, застывшее в небе и никак не желающее зайти за горизонт солнце.

В салоне первого класса вообще никого из пассажиров не

оказалось. О'Бендер присел в свободное кресло, огляделся, положил свою ручную кладь на блестящий, полированный журнальный столик.

– Чёрт возьми... – только и сумел задумчиво произнести. – И что же мне теперь прикажете делать?

– Первым делом Ваш выигрыш надо отметить, – резонно рассудил командир корабля. – Зосечка, – это он обратился к стюардессе, – принесите нам, пожалуйста, бутылочку шампанского – ну, того, которое получше.

– Сию минуту, – с готовностью откликнулась девушка и мелькнула, как тень.

– Признаться, я раньше никогда не сталкивался с подобной ситуацией, – сообщил командир, присаживаясь напротив О'Бендера и с интересом заглядывая ему в глаза. – Но у нас в инструкции всё прописано, поэтому я в курсе, как сейчас следует поступить. Могу от себя добавить: Вам действительно здорово повезло. Я знал, что такой выигрышный билет существует, но одно дело знать и другое – вот, встретиться на практике.

Он покачал головой и раскрыл папку для бумаг, которая оказалась у него в руках.

– Нужно протокол составить и подписать... – Пилот вынул из кармана ручку и стал аккуратным почерком заполнять бланк. – Так, так и так. Прошу Вас ознакомиться – здесь...

О'Бендер повернул к себе частично заполненную бумагу. И прочёл:

«Я, капитан воздушного судна такого-то по имени Воробьянинов И.М. подтверждаю выигрыш лотерейного билета номер такой-то, принадлежащего гражданину...» – и далее О'Бендер, наклонившись над столом, вписал свою фамилию.

– Бендер, – сообщил он. – Меня зовут Олег Бендер. Но для краткости я использую вариант О'Бендер, то есть пишу через апостроф. Это дань памяти писателю О'Генри, произведения которого я очень люблю. Особенно его рассказы о мошенниках.

– Угу, – подтвердил пилот. – Пожалуйста, до конца прочитайте.

– Итак... – продолжил О'Бендер. – «Выигрышем является самолёт Боинг такой-то, бортовой номер следующий, который и передаётся в полную собственность вышеуказанного гражданина на основании решения авиакомпании такой-то и Положения о проведении воздушных лотерей. Дата, время, подпись: Воробьянинов И.М.» И соответственно мой автограф...

О'Бендер старательно вывел свою подпись ручкой.

За его спиной неслышно возникла стюардесса с бутылкой шампанского и бокалами.

– Всё, Вы теперь официально вступили во владение самолётом, – сказал пилот. – Вот здесь весь пакет необходимых документов – технических и лётных, включая сертификат лётной годности. Да, надо ещё, чтобы приём-передачу завизировал представитель авиакомпании – ну, это понятное дело, на земле, по приземлению. – Он принял из рук бортпроводницы шампанское и ловким движением откупорил бутылку. – Давайте, за Ваше здоровье!..

Они чокнулись, со звоном.

О'Бендер отхлебнул ледяной напиток, наслаждался его вкусом и задумался...

– Скажите... – он поднял голову. – А что, я теперь сам могу выбирать, куда лететь? Скажем, в Рио-де-Жанейро мы можем полететь прямо сейчас?

– Вы хозяин, – пожал плечами пилот. – Вообще-то мы можем лететь куда угодно. Но сию секунду мы не вправе взять и изменить маршрут; существует утверждённый план полёта, согласованные остановки, и потом до Рио требуется значительная дозаправка. Правильнее будет сейчас приземлиться в месте назначения, а потом уже выполнить всё, что необходимо для полёта в Бразилию.

– Логично, – согласился О'Бендер, и у него на душе стало легко и радостно. Он с удовольствием отхлебнул шампанского.

– За удачу! За удачливых людей! – командир экипажа тоже пригубил из бокала.

Всем стало комфортно, бортпроводница Зося приветливо улыбнулась О'Бендеру – в который уже раз. Хотелось жить, и жить в полную силу.

– Хотите анекдот? – предложил пилот. Все кивнули. – Ну, слушайте. Летит себе самолёт, выполняет обычный рейс. И тут в салон заходит стюардесса и обращается к пассажирам: у нас, мол, разгерметизация, но вы не волнуйтесь, ничего страшного нет – просто наденьте маски. И из бардачков сверху выпадают маски – карнавальные: зайчика, медвежонка, лисёнка, слонёнка. Пассажиры посмотрели друг на друга, но делать нечего – надели. А потом с потолка самолёта посыпались конфетти, серпантин, хлопушки захлопали... И голос командира экипажа из динамиков, по внутренней связи: поздравляю вас, вы стали участниками программы «Розыгрыш»!

Зоя довольно захихикала, а О'Бендер поперхнулся шампанским и деланно растянул рот до ушей.

– А скоро... Скоро мы сядем? – несколько обескураженно, с растерянной улыбкой спросил он.

– О! Осталось совсем немного, – пилот отставил свой бокал в сторону и поднялся в хорошем настроении. – Вас, кстати, в аэропорту будут встречать. Представители нашей авиакомпании. – И он многообещающе подмигнул.

О'Бендер согласно кивнул головой.

– Да, конечно-конечно... – Мыслями он, казалось, был уже где-то далеко – куда дальше, чем сегодняшний пункт назначения. Наверное, в Южной Америке. – Это хорошо, что мы сделаем посадку. Мне надо, как бы это сказать, морально подготовиться. Ведь столько лет прошло, столько сил потрачено. Это так прекрасно, когда сбываются мечты...

...Садились под утро – в той стране, куда изначально летели, с учётом разницы во времени. Уже на аэродроме, когда все пассажиры покидали самолёт, командир экипажа попросил О'Бендера задержаться.

– Сейчас на борт должен подняться представитель авиакомпании, – пояснил пилот. – Он закончит оформление и даст вам на подпись кое-какие бумаги, но это, как Вы понимаете, уже формальность.

Действительно, вскоре на борту появился служащий в элегантном чёрном костюме и с кейсом в руках. Сверкнув лысиной, он представился:

– Я гражданин Корейко. Мне поручено от имени авиакомпании поздравить Вас с крупным выигрышем и пожелать дальнейшей удачи. Надеюсь, мы продолжим с Вами сотрудничество в области эксплуатации самолёта. А сейчас – прошу Вас подписать пару-тройку документов.

О'Бендер кивнул, и они уселись в кресла салона первого класса авиалайнера.

Корейко протянул О'Бендеру пачку бумаг. Большая часть их касалась технических и организационных вопросов, и на каждом О'Бендер ставил свою визу. На последних бумажках он задержал свой взгляд.

– Что это?.. – неуверенно спросил он.

– Счета. Аэропортовые и аэронавигационные сборы – стоянка, буксировка, подача трапа, техническое обслуживание. Ну, и керосин.

– ???

– Вот это, перед Вами счёт за горючее. Вы должны сейчас оплатить его. Расход топлива за последний рейс, который самолёт выполнил, прилетев сюда, по месту назначения.

У О'Бендера вытянулось лицо. Он с удивлением посмотрел на сумму, потом перевёл взгляд на гражданина Корейко...

Пилот вместе со стюардессой молча стояли за креслами, у выхода из салона.

– Я это не подпишу, – наконец вымолвил О'Бендер.

– Но позвольте, Вы обязаны... – Корейко прямо расстроился, и его лоб взмок от пота. – Согласно подписанным Вами бумагам Вы теперь несёте полную ответственность за самолёт и организацию рейсов, а также за всё техническое оснащение. Прошу Вас расписаться здесь...

– Нет, – заявил О'Бендер и встал. – Увольте меня. Что-то мне не нравится эта затея.

– Ах, так... – представитель авиакомпании резко изменился в лице. – Но Вы вынуждаете меня принять соответствующие меры!

– Делайте, что хотите... – ответил О'Бендер, отвернувшись к иллюминатору. Он был вконец расстроен.

– Вызовите службу безопасности аэропорта, – коротко отдал распоряжение Корейко пилоту. И вновь обратился к О'Бендеру: – Вы меня вынуждаете действовать по инструкции 10-Б. Согласно ей, Вы подлежите задержанию до выяснения всех обстоятельств дела ввиду Вашего отказа от исполнения принятых на себя обязательств. Самолёт конфискуется и будет выставлен на торги, причём наша авиакомпания имеет право его приобретения на льготных основаниях. Сейчас я попрошу Вас подчиниться требованиям секьюрити – а вот, кстати, и они – и пройти в специальное помещение при полицейском участке. Там Вы будете находиться до суда.

С этими словами служащий встал и показал пальцем на О'Бендера, тем самым давая знак трём здоровенным охранникам, выросшим словно из-под земли. О'Бендер попробовал протестовать, но его живо скрутили и вывели из самолёта; шедший за ними вслед Корейко пылал праведным гневом и что-то говорил про большие сроки тюремного заключения, положенные в этой стране за неуплату долгов.

Когда они все ушли, командир экипажа повернулся к бортпроводнице и укоризненно посмотрел на неё снизу вверх.

– Зося, я вам сколько раз говорил – будьте внимательны

при выборе пассажира. Вы должны предварительно за ним понаблюдать, хорошо его изучить и оценить. Особенно последнее. Почему вы всегда куда-то спешите?!

– Да, Игорь Михайлович, я поняла, простите меня, что так вышло... В следующий раз я непременно сделаю всё, как Вы говорите.

И она грустно опустила головку. За окнами самолёта разгорался новый день.

ПРОДАВЕЦ ШЛЯП

Я увидел его на пляже в курортном городке Чолпон-Ата, на Иссык-Куле. Мы с женой загорали – точнее, пытались загорать, потому что погода портилась на глазах, в горах, замыкавших побережье, уже гремел гром, и видны были далёкие проблески молний. Поднимался ветер: в этих местах в этот сезон такое иногда происходит, но, впрочем, вскоре проходит без следа, однако я рассказываю о том, чему явился свидетелем в данный конкретный день, в данный конкретный момент. И что отложило след в моём сердце.

Итак, по прибрежному песку шёл он – продавец шляп. Вообще местные люди постоянно ходят по пляжу, предлагают отдыхающим рыбу и кукурузу, яблоки и мороженое, пиво и лимонад... Туристы редко обращают на них внимание; такая уж у торговцев доля. Продавец шляп не был исключением – ни один из загорающих, по-моему, не польстился на его нехитрый товар (я ничего такого не заметил). Но среди торговцев он, по крайней мере, выглядел неповторимо, диковинно: надел на себя все головные уборы, которые предлагал, – получилась забавная пирамидка, шляпа на шляпе, и это заставляло смотреть на него. Смотреть и смотреть.

Вдруг дунул ветер – да не ветер, а ветрище. Одномоментный порыв, и весьма сильный. На пляже попадали некоторые зонтики. Отдыхающие схватились за свои подстилки, которые так и норовили превратиться в паруса. Не знаю почему, но продавец шляп как-то оказался не готов к подобному повороту событий – может, из-за возраста сноровки не хватило, может, силы свои переоценил; короче, к моему ужасу, все шляпы сорвало с его головы, и они, разъединившись, покатались по песку – быстро-пребыстро и чуть-чуть в разных направлениях, отдаляясь по воле ветра друг от друга.

Дальше произошло то, чего я никак не ожидал. От продавца внезапно отделился ещё один продавец – в точности такой же, дублёр или двойник, я не понял. Он словно выпрыгнул из первого, воспроизводя его во всём. И побежал за одной из шляп. Затем от продавца отделился второй, потом третий и так далее – в мгновение ока на пляже оказалась целая куча продавцов шляп, которые были похожи друг на друга, как капли воды. И каждый ринулся за своей шляпой, стремительно уносящейся от него по песку.

Они бежали и бежали. А шляпы всё вертелись и неслись куда-то, и ветер их погонял и погонял.

Через полминуты на том месте, где только что задумчиво брёл одинокий продавец шляп, не осталось никого. Зато по пляжу – куда-то вдаль, вдоль линии прибоя – стремительно летели несколько одинаковых фигур, и каждая из них изо всех сил старалась догнать кружок из соломы, который из-за перспективы становился всё меньше и меньше и меньше...

Я подумал, что в этот момент продавец, наверное, не осознаёт, что гонится за ускользящим не сам он, а только какая-то часть его. Мы не понимаем, что в безумной погоне истончаемся до призрака, и хотя он внешне похож на нас, но является лишь какой-то одной стороной заложенного в нас человеческого.

Нас много – потому что много шляп, и гонка наша по жизни, простите, по пляжу не даёт нам сойтись вместе, чтобы почувствовать себя вновь самим собой. Ох, этот ветер. Ох, эти шляпы. Видит бог, мне ужасно хотелось, чтобы те, кто разъединились, стали, наконец, целым, стали одним.

Может быть, придёт день, и он или они догонят свои шляпы. Может быть, остановятся. Может быть, встряхнут головой, оглянутся и скажут: да как же он прекрасен, этот мир!

Но пока они бегут. И гонятся за тем, что ускользает. И не видят ничего, кроме крутящейся шляпы. А я смотрю на волны и на несколько одиноких, теряющихся вдали фигур...

РЕЙС ТРИСТА ТРИДЦАТЬ ДЕСЯТЬ

...Терпеть не могу заправлять самолёты! Когда мне приходится это делать, то всё внутри меня протестует, и сердце захватывается от ярости, и руки дрожат – ведь это не моя, не моя работа! Но поскольку деваться всё равно некуда, сам себя утешаю: ус-

покойся, дружок, тише-тише; ведь от этого, в конце концов, зависит твоя жизнь...

Да и не только твоя. Твоих пассажиров.

Поэтому покорись. И делай как надо. На совесть.

Вот я и делаю... И до сих пор никто не пожаловался на недостаток моего профессионализма. А мои личные переживания и ощущения остаются, как всегда, внутри меня...

Пахнет авиационным керосином. Я заканчиваю заправку, перехожу по крылу «Боинга», закрываю всё, что положено, и в последний раз проверяю готовность к полёту. Так, клянусь Богом, что всё о'кей! Смотрю на часы и в сторону аэропорта – похоже, скоро подъедут пассажиры. Ну, как обычно – опаздываю! И ещё, не дай Бог, диспетчерская мне отметит опоздание – надо спешить! Я быстро слезаю вниз, по лестнице, сажусь в заправщик и выруливаю подальше от полосы.

Ставлю автоцистерну на служебной стоянке, расписываюсь, где надо (сдал – принял), на ходу обмениваюсь впечатлениями с представителями наземных служб и – бегу переодеваться. У меня остаётся не более пяти минут!

Заскакиваю в дежурку, здесь же недалеко, в боковой части терминала. Надеваю голубую рубашку, красивый синий костюм: брюки, китель, форменную фуражку с крылышками – всегда ведь надо достойно выглядеть, чтобы и пассажирам было приятно, и за авиакомпанию не стыдно. Причёсываюсь, сбрызгиваюсь одеколоном (чёрт, остаточный запах керосина ничем не перебьёшь!), гляжусь на себя в зеркало – ну, хорош, хорош! Вроде бы всё нормально.

Поглядываю с тревогой на часы – остаётся всего ничего. Выскакиваю на поле и мчусь к своему самолёту. Парни из аэродромной obsługi проезжают мимо на электромобиле – кричат: садись, мол, подвезём! Прыгаю к ним: здрасьте, как дела, что нового, спасибо, мужики, что подбросили! Вылезаю прямо на ходу – и вовремя: пассажиры уже подтягиваются к «Боингу», окружив трап, и, кажется, кое-кто начал проявлять нетерпение.

Сохраняя достоинство, здороваюсь со всеми. Я – командир экипажа. Взбегаю наверх, захожу в салон (пока ещё пустой) и скоренько переодеваю пиджак – ведь встречать пассажиров и рассаживать их по местам командиру лично вроде бы как не пристало. Уф-ф-ф! Едва успел! Официально открываю двери самолёта – для ждущих внизу людей, торжественно спускаюсь к ним по трапу (уже в форме бортпроводника) и широко улыбаюсь – от уха до уха.

Пассажиры, переговариваясь, цепочкой тянутся с земли в салон, проходят внутрь – кто в бизнес-класс, кто в эконом. А кто-то и в первый. Я едва успеваю бросить взгляд на их посадочные талоны и дать указания: вам налево, вам направо! Прошу Вас, не задерживайтесь, проходите! Мы рады видеть Вас на борту нашего самолёта! Располагайтесь, но чтоб удобно было и другим. Так, пожалуйста, примите вещи. А Вашу сумку, мадам, – позвольте, я поставлю её на полочку. Спасибо, мадам. Да-да, Ваше место 38в. Очень хорошо! Малыш, тебе нравится у нас здесь? Скоро-скоро мы полетим!..

Наконец люди расселись. Пробегаю по салону, дарю пассажирам приветливые, наполненные теплом улыбки, одновременно зорко выслеживая неправильно пристроенную ручную кладь, помогаю тем, кто что-то не так сделал. Затем заскакиваю в кабину пилота – взлетать-то тоже нужно, быстро перебрасываюсь парой слов по радио с диспетчером и запускаю моторы: пусть пока прогреваются.

Опять в салон. Улыбаюсь. По пути закрываю наружную дверь в самолёт – так, теперь уже точно мы все в сборе, и можно отправляться в полёт. Эх, ну что ж так много сделать нужно по окончании посадки: и то, и то, и то; прямо не знаешь, за что хвататься.

Обращаюсь ко всем по системе внутренней связи. Говорю в микрофон:

– Уважаемые пассажиры! От имени экипажа рад приветствовать вас на борту нашего лайнера, выполняющего рейс по маршруту Арктика – Антарктика (ой, это я так шучу; вполне возможно, наоборот). Ну да, рейс триста тридцать девятый – это туда, а триста тридцать десятый – стало быть, оттуда. Наша авиакомпания постарается, чтобы ваш полёт проходил максимально комфортно. А сейчас – прошу вас пристегнуть ремни!

Бегу в салон бизнес-класса. Проверяю, как все выполнили мою просьбу. Улыбаюсь. Показываю, где аварийный выход и как надевать маски для дыхания – ну, в случае чего. Затем перехожу в эконом-класс – быстро, быстро, ведь моторы уже достаточно прогрелись (я слышу по звуку), и скоро диспетчер даст разрешение на взлёт. Повторяю в эконом-классе все свои наставления. Улыбаюсь. Но в глубине души нервничаю – потому что в кармане моей куртки стюарда запипикал приборчик, вызывающий меня на связь.

Ускоренным шагом возвращаюсь в кабину. Сбрасываю на ходу куртку стюарда, надеваю форму пилота. Сажусь в кресло,

откликаюсь на вызов диспетчера и – быстро-быстро! – выполняю все процедуры, предшествующие взлёту. В кабине, кроме меня, никого нет – увы, наша авиакомпания переживает не лучшие времена, и сокращение персонала следует за сокращением. Но надо жить. Надо работать. И я, вздохнув, вывожу «Боинг» с места его стоянки на взлётно-посадочную полосу номер четыре, и жду своей очереди, попутно проверяя по приборам работу всех бортовых систем.

Двигатели взвыли – их режим вышел на полную мощность. «Вот чёрт! – ругаюсь я про себя, – не успел лично поприветствовать пассажиров первого класса! Могут пожаловаться начальству; с этих ребят сбудется... Вот сейчас взлечу – и срочно, срочно к VIP-ам!»

Диспетчер даёт добро. Я переключаю тумблеры в нужное положение, выпускаю закрылки, трогаюсь, решительно набираю скорость – всё быстрее и быстрее; полоса стремительно несётся передо мной; беру штурвал на себя и – пошёл вверх! Слежу за высотой. Общаюсь с диспетчером. Убираю шасси. Земля за окнами – внизу, накренилась; видны разноцветные квадратики полей. Это я разворачиваюсь. Блин, звонок из пассажирского салона некстати... Нехотя отвлекаюсь – видимо, придётся идти туда, хотя по идее во время взлёта все должны оставаться на своих местах и вести себя спокойно.

Тяну время – ещё чуть-чуть порулю, может, успею выйти на курс – но эти там, в салоне, опять меня вызывают. Вздыхаю. По-наглomu продолжаю управлять, хотя и понимаю, что мне это, скорей всего, зачтётся... Ставлю самолёт на автопилот. Встаю, переодеваю куртку – на форму стюарда. Иду в салон. Быстро – ведь надо вернуться поскорее, потому что заданная высота ещё не набрана. Ну, что сегодня за день такой.

– Слушаю Вас, мадам. Плохо Вашему малышу? Да, конечно, вот специальный бумажный пакетик – от нашей авиакомпании...

Ещё через полчаса мне приходится возиться на кухне. Шутка ли – накормить такую уйму народу?! Я достаю множество упаковок с едой и ставлю их разогреваться в микроволновку. Пока разогреваются – успеваю пробежаться по салону, разнося напитки. Так, соки, вода, кока-кола – а Вам чаю? Без проблем! Сейчас будет обед, так что прошу приготовить Ваши столики!..

Разношу порции. Блин, опять пипикает мой приборчик. Чертыхаясь (втихомолку, чтобы публика не услышала), пытаюсь пролезть между тележкой и рядами кресел – и бегу в кабину пилота. Быстро, быстро! Связываюсь с землёй. Ну, конечно, корректировка курса... Грозовой фронт идёт – этого мне только не хватало! Хоть бы с обедом поскорей закончить! Грустно высчитываю траекторию изменённого маршрута – так и быть, обогну грозу с юга; сажусь за штурвал, отключаю автопилот, набираю высоту. Вон тучи уже видны. Крошечные молнии вдали сверкают. Ну, что же, сам себе ведь профессию выбирал, что теперь жаловаться...

С беспокойным сердцем возвращаюсь в салон. Продолжаю раздавать обеды – ну, и грязную посуду приходится забирать у пассажиров. Вообще-то я её должен по идее помыть (ту, которая не одноразовая), но – да ну её! Не сейчас! Как грозу пройдем, этим и займусь! А пока... Улыбаюсь какому-то капризному бизнесмену, который непременно хочет получить порцию виски и кофе – ах, кофе! Я и сам бы сейчас выпил чашечку горячего кофею! Но не успеваю, не успеваю. Каждый раз, когда наливаю себе кофе, он стынет потом, поскольку непременно найдётся что-нибудь, что меня отвлечёт. Ни разу так и не удалось попить горячим...

Вот чёрт! Тряхануло! Ни фиги себе, воздушная яма! Пассажиры встрепнулись, заволновались. Успокаиваю их с улыбкой – мол, экипаж знает своё дело, прошу всех оставаться на своих местах. Спокойно! Спокойно! (Это я сам себе). Пытаюсь не упасть от усилившейся турбулентности, пробираюсь в голову самолёта – в кабину пилотов.

Быстро. Быстро. Надо поспешить. Вот дьявол! Ещё одна воздушная яма!..

...Приземляюсь я, совершенно обессиленный. Долгие десять часов полёта кого угодно доконают – при таком-то режиме работы. Да, мне удалось прикорнуть минут двадцать – до тех пор, пока какая-то кинозвезда из первого класса не пожелала выговориться, и я вынужден был подать ей шампанское в ведёрке со льдом и вежливо слушать рассказ про то, как её никто не понимает в Голливуде. Потом случилась неприятность со старушкой из эконом-класса (она забыла в багаже своё лекарство), потом ещё я пару раз разносил газеты и прохладитель-

ные напитки по рядам и, наконец, забрезжил вдали свет города, в который мы и летели весь световой день.

Вконец одуревший, я, как музыку, слушаю указания диспетчера – на какую полосу должен совершить посадку. Ужасно хочется в туалет. Вы представляете, я даже забыл о том, что мне нужно сходить по нужде, и по глупости терплю всю вторую половину полёта...

Садимся в темноте на бетонную дорожку, подсвеченную сотнями огней. Я объявляю пассажирам о конце нашего путешествия, сообщаю о температуре за бортом, благодарю всех от имени экипажа и желаю счастливого пути – тем, кому предстоит пересадка. Едва затихают двигатели, я (предварительно поставив самолёт в указанное место) стремительно выскакиваю в салон, прямо на ходу застёгивая куртку стюарда.

– Уважаемые пассажиры! – скороговоркой выпаливаю, улыбаясь – из последних сил. – Просим вас оставаться на своих местах до тех пор, пока не подадут трап. Из аэропорта вы можете проехать в город на экспрессах такого-то маршрута...

Потом я приветливо провожаю всех, кто спускается вниз, на землю: туристов и командировочных, местных и приезжих, пап и мам с детьми, студентов, прилетевших сюда на каникулы, группу религиозных деятелей, прибывших на свой съезд, стайку школьных экскурсантов и, конечно, – её, ту самую кинозвезду, которая смотрит на меня так, словно мы никогда не встречались.

У трапа – аэродромный автобус. Люди, переговариваясь, набиваются в него, как сельди в бочку, и я, убедившись, что все-все-все в сборе, сажусь за руль. Трогаюсь. Подъезжаю к терминалу. Его яркие огни пылают в ночи, и мне радостно, что всё наконец закончилось. Пассажиры организованно выходят в зал прилёта, а я сжигу, тупо сжимая баранку, и не знаю, сумею ли встать из-за неё.

Через некоторое время выхожу из пустого автобуса и иду, пошатываясь от усталости, через ярко освещённое поле с сооружениями наземных служб – в ту часть здания, где расположены комнаты для персонала. Захожу в вестибюль. Осматриваюсь. Пусто. Светло – от ослепительного электрического света. Гулкие коридоры. Двери. Двери. Номера. Один из них – вот этот – кажется, мой...

Не раздеваясь, падаю пластом на постель. Мгновенно засыпаю. Но вскоре просыпаюсь от звонка. Спросонок, плохо со-

ображая, что делаю, достаю мобильник. Прикладываю к уху. Слушаю. Вопрос:

– Знаете, меня интересуют рейсы вашей авиакомпании.

Заученным голосом отвечаю:

– Мы рады, что Вы решили воспользоваться нашими услугами. Как раз сейчас действуют сезонные скидки на ряде направлений. Могу предложить Вам рейс триста тридцать десять...

– И объясняю.

Говорю долго-долго. Обстоятельно. Со знанием дела.

Клиент остаётся доволен, и мы оформляем заказ.

В конце концов, я вырубая телефон. Вырубая...

Бессильно роняю руку с трубкой на кровать. И куда-то проваливаюсь... Вокруг меня тьма...

Завтра, точнее, уже сегодня утром новый рейс – в пять тридцать. Надо хорошенько выспаться. Я похрапываю.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий САГАЙДАК

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

1. Ристалище

Мы играем в отверженных,
Сценою став друг для друга,
В наших репликах бешеных
Кто-то успел задохнуться.
Мы играем в отверженных
В этом театре испуга,
На подмостках рассерженных
Смеху нельзя шевельнуться.

В крик обернутой правдою
Будем клеймить исступленно,
Никакую наградою
Нас не спасти от паденья,
В крик обернутой правдою,
Ложью своей отрезвленный,
Я веду многократные
С совестью злобные пренья.

Вслух читаю ей повести
О тупике, несвободе,
Ей развеять бы горести,
Но она хлещет печатью.
Вслух читаю ей повести,
В сумерки вместе уходим,
Под нелепые посвисты
Наших глупеющих братьев.

Отучить меня каяться,
Ты, полагаю, не сможешь,
Мне предсказано маяться,
Стеклами режутся пальцы.
Ночь со мной распрощается,
Ты ее к сердцу приложишь,
Все слова одеваются
В воздух и кружатся в вальсе.

Мы стоим у подножия,
Истощенной надежды,
Кто-то вдруг от безбожия,
Сел на крючок алкоголя...
Мы стоим у подножия,
Наши мысли безбрежны,
Ощущаем всей кожей
Дальние отблески боли.

Не кори меня, милая,
Вдоволь позволь намолчаться,
Нас в игру эту силою
С двух полюсов притянули.
Эти будни постылые
В треснувший мир просочатся,
Дней счастливых обилие
Мы в себя тихо вдохнули.

2. Моей собеседнице

Научи меня верить как веришь сама:
Без обмана, без символов, силой ума,
Холода и ненастья как дар принимать,
Тихим шёпотам ветра покорно внимать.

Ты спокойна, как будто плывёшь по волнам,
Твоя тихая речь мелодична, вольна.
Будто ввек не знавала печалей, невзгод,
Будто смотришь на землю с нездешних высот.

Ты теряла себя у излучины дней
И к своей пустоте прижималась плотней,
Но внутри, наполняясь дыханьем живым
Стало пламя сияньем гореть вековым.

Как в пустой богадельне, где каждый клеймит,
Ты сокровища сердца смогла сохранить?
Научи меня светлое видеть кругом,
Даже если без сил ковыляю с трудом,

Даже если мой спутник – холодная злость,
И мечты по дороге оставить пришлось.
Горький смех - не чета разухабистой лжи,
Как себя не терять, научи, расскажи.

3. Сомнение

Я читаю сомнение в лицах, подернутых солнцем.
В этих правилах, дымом приправленных,
я научусь разбираться.
Только надо ли ткать эту ложь и вращать веретенце?
Я поверил в сомнение и не хочу отпираться.

Где живет отречение, там и желание падать,
А свобода питается кровью желающих драться.
Кто-то в ней потеряет себя, откопает награду,
Мне же проще бежать от себя, мне же – проще скрываться.

Память нам не верна, наша боль до последнего вдоха
Заставляет искать правду жизни, чтоб кто-то поверил.
Эта вера разносится всюду как палочка Коха,
Заражает людей, разделившись на тысячи серий.

Мне не трудно покаяться, но не могу без причины.
Я не верю себе, языком задушевных кошмаров
Говорю с темнотой, разговор этот, пьяный и длинный
Доведет, непременно меня доведет до удара.

4. Бумажные молнии

Люди как статуи.
Жизни измятые,
Болью наполнили
Белые молнии.

Вымыты дочиста
Громкие почести.
Серые смокинги,
Пуговиц родинки.

Пыльные возгласы,
Точки и полосы
Падают хлопьями.
Копии. Копьями.

Время заколото.
Где ваше золото?
Час на безделие,
Семь – на сидение.

Годы утуются,
Кружатся, кружатся,
Шепчут бумагами
Деньгами, знаками,
Белыми маками,
Черными магами,
Сердца атаками,
Синие вены – чернила заплакали.

Нищая роскошь
И дни подневольные.
Лупят наотмашь
Бумажные молнии.

5. Предзимние впечатления

Белой острой приправой посыпан пирог
Криворуких дорог.

Эту дивную весть, лишь возшла синева,
Растрепала молва.

И дохнуло на окна улыбкой сырой,
Да скрипучей зарей.

День молочного цвета на голову нам,
Остывает луна.

И шаги в эту вязкую скользкую топь,
Барабанная дробь

Пробудят на востоке оранжевый глаз
И ворон перифраз.

Каждый выдох – ажурная белая ткань,
А ледовый стакан,

Вдруг наполнившись солнцем, слегка протечёт,
Спутав нечет и чёт.

Разговорчивой зяби изрезанный плед
Приласкает как плеть.

Грудой курток кипит и хрустит тротуар,
Красит мысли в нуар.

Взвоят ветер, голодный скучающий пёс,
Даст по улицам кросс,

И уснут сиротливо дома и поля
До конца февраля.

6. Ода земле

Земля как будто сжалась, стала желтой
В тревожном ожидании огня.
Пройдут ступни по линии истертой,
Окрасив черно-белым лики дня.

Пройдусь по грани островов песчаных,
По грани беспокойных облаков,
В своих печалях, тихих, долгожданных,
Стремлюсь поверить, что весь мир таков...

Земля вберет в себя лучи светила,
Небесной манны – влаги дождевой,
И, выпив животворной вечной силы,
Родит ростки из чрева своего.

Я с нею пропою дождя мотивы,
Я с нею попирую в этот час,
Средь трав и капель искренне-пугливых,
Искусству жить в неспешности учась.

Позволь ей надышаться этим громом,
Позволь ей накричаться до утра
И с легкостью впусти во стены дома
Потоки звезд, что прячутся в горах.

7. Просто живи

В этом небе так просто проснуться,
Если ты до сих пор еще спишь,
И иди и, боясь поскользнуться,
Проходить мимо рухнувших крыш.

В этом пасмурном дне многослойном
Дождь по карточкам, солнце – в кредит,
И все, кажется, этим довольны,
Изобилие многим вредит.

Усмехнутся ехидные лужи,
Размешают внутри себя грязь:
«Ну, дружок, что сегодня на ужин?»
Лишь одно безразличие фраз.

Так и сходишь с ума как с подмостков
Сходит старый усталый актер.
В этом городе куча подростков
Развести попыталась костер,

И горело, пока не утихло
Пламя жадности в их головах.
Так цветение дней и поникло,
Так все блага исчезли в словах.

И без света с одною свечою
В ледяной и безжизненный час
Расставаться учило с мечтою
Льда дыхание, в окна стучась.

И купается люд в паранойе,
И срывается в горе со скал,
Кто злорадствует, кто – просто ноет,
Кто-то славу свою отыскал,

Угрожают, кипят и линчуют,
Пьют, трезвеют, галдят, снова пьют,
А затем их жестоко врачует
Серых комнат больничный уют.

Раздраженные улицы пьяниц,
Скользкий, жалкий, испуганный вид...
Чтоб не быть так же втоптаным в глянец,
Будь сильнее и просто живи.

8. Письмо любимой

Эта жизнь принадлежит лишь нам,
Мы с тобой воздвигли этот храм,
Мы с тобой зажгли сердца огнем
И согрелись от него вдвоем.

Мы спаслись закрытостью дверей,
На волнах неведомых морей,
Под огнем невидимых штормов
От благоразумия лгунов.

Нас догнать пыталось много глаз,
Злобных, но внимательных подчас,
Только мы смогли от них уйти
В сад, где будут розы век цвести,

В мир, где будет счастье на века...
Я тебя приобниму слегка,
Ты со мной. Забудь словесный бред,
Мы сердца сумели отогреть.

Погрусти, порадуйся со мной,
Дни летят прозрачною волной.
Как прекрасно, милая, что ты
Повстречалась на моем пути!

Кристина УБАЙДУЛЛАЕВА

ПЬЕСА ДЛЯ ДВОИХ

Стихи

**Он, она и Пушкин,
или о весомой пользе классической поэзии
в семейной жизни.**

С любимой нас поэзия свела,
Любовь возникла сразу, словно вспышка.
Был вечер, и она по листьям шла,
Держа трёхтомник Пушкина подмышкой.
Как умный и галантный кавалер,
Я выскочил пред ней из переулка
И по-французски молвил: «O, ma cher!
Позвольте пригласить Вас на прогулку!»
Запомнились глаза, бровей разлёт,
Смущённый вскрик... и русский гений Пушкин,
Творений чьих трёхтомный переплёт
Всем весом рухнул на мою макушку.
Да, с милой нас поэзия свела!
Тогда я месяц пролежал в больнице.
Она ко мне ходила и прочла
Трёхтомник весь, страницу за страницей.
Мы поженились. наших брачных уз
Сам Пушкин был и друг, и покровитель.
Воистину, прекрасен наш союз!
Поэт хранит семейную обитель.
Mersi его учёному коту!
Ведь по тому совету и напеву

Я сказки говорю, когда иду,
Pardon за выражение, налево.
Зато моя Мадонна день деньской
Спокойно, словно римская Минерва,
Перебирает нежною рукой
Натянутые струны моих нервов.
Подруга дней моих, хочу сказать,
Не Ларина Татьяна, не Людмила:
Вчера пошла чулочки покупать -
И всю мою зарплату просадила.
Мы ссорились, и, честно говоря,
Таких боёв не видела Полтава,
Не знали тридцать три богатыря,
И даже кот, когда ходил направо.
Завыть, как зверь, заплакать, как дитя,
Мы, слава богу, научились сами,
И кроем, вихри снежные крутя,
Друг друга гениальными словами.
А если спор действительно суров,
Семью спасает русский гений Пушкин,
И усмиряет ценный груз стихов
Мою многострадальную макушку.
Не спорю: Пушкин - веский аргумент,
И с ним супруга многого добьётся,
Благодаря ему, на много лет
Мы неразлучны, как мороз и солнце.
Нас свёл трёхтомник пушкинских стихов.
Теперь купить голубушка грозитя
«Войны и мира» несколько томов -
Вдруг тоже в личной жизни пригодится?

Разочарование

Еле слышно дышат волны
Над бездонной синевой,
Время вышло – ветер вольный
Вдаль уносит голос твой.

На заветренной равнине –
Только замок из песка:
В нем любовь былая стынет
Да вчерашняя тоска.

Мне хватило бы отваги
За тобой пуститься в путь,
Но кораблик из бумаги
Должен скоро утонуть.

До свиданья, алый парус
И несмелый капитан.
Ты плыви, а я останусь
На поминках по мечтам.

Пьеса для двоих

Эпизод 1: Случай
В непонятное время суток,
После вечера, перед ночью,
Ты и я – темноте на встречу
По разбитому тротуару.
Где-то справа стремглав несутся
Фар неясные многоточья,
Где-то слева – твой взгляд беспечный,
Эпицентр моего пожара.
Мы идём не то, чтобы вместе:
Просто движемся параллельно
С одинаковым ускореньем,
Потому что пути совпали.
Всё случайно – слова и жесты,
А загадывать мы не смели,
И поверить, хоть на мгновение,
В неизбежность могли едва ли...

Эпизод 2: Проходящие мимо
Так серо, так тесно внутри и снаружи,
Предчувствие душу стянуло потуже,
И вот ты идёшь мне навстречу – и мимо
С улыбкой болезненной грустного мима...
И сердце споткнулось, и спутались мысли,
И в воздухе, дрогнув, секунды повисли
Косыми штрихами на старой гравюре,
И тысячи «Стой!», уходящей фигуре
Готовые ринуться вслед исступлённо,
Растаяли в звуках шагов отдалённых...

Не осталось песен боли,
Горьких, дивных, словно дым:
Сердце вырвалось на волю,
Но не певчим, а живым.

Не встречай меня упреком,
Что о счастье не пою,
Очувтившись ненароком
Не в темнице, а в раю

Слишком солнечно и чисто
В этом мире без кручин,
А поэты – мазохисты,
Им бы цепи да бичи.

За бывшее вдохновенье
Расплатилась я сполна:
Чем прекрасней птицы пенье,
Тем несчастнее она.

Я не помню старой боли –
Это было не со мной.
Сердце вырвалось на волю –
Наслаждайся тишиной.

Она бы хотела в белом...

Она бы хотела в белом
Войти под резные своды,
Но в траур ее одеда
Внезапная непогода.

И все по законам жанра:
Туманно. Промозгло. Плохо.
И воздух клубится жаром
Чужих безысходных вздохов.

Казалось, такая малость:
Влюбиться и быть любимой,

Но что-то внутри сломалось –
И жизнь пролетела мимо.

Ругайте ее, рыдайте,
Пусть каждый ее осудит,
Но прежде представьте платье,
В котором она не будет.

Неважно, о чем хрипела
Ворон ошалелых стая.
Она бы хотела в белом –
И снег на щеках не тает.

Ощущение сказки пропало:
Этот снег не похож на пыльцу
С крыльев феи. Ладонью беспалой
Бьет нещадно мороз по лицу.

Мне пора бы вернуться обратно,
В дом, где свет не потушен в окне,
Чтоб не видеть беспечных, опрятных
Огоньков на другой стороне.

У людей там, наверное, праздник,
У меня тут, конечно же, нет.
До чего же мучительно разным
Может быть одинаковый свет.

Мне хотелось бы что-то исправить
И покаяться, как на духу,
Не хватает лишь ангела справа
И кого-то еще наверху.

Пусть другие, кому посветлее,
Этой ночью увидят во сне,
Как с крыла незадачливой феи
Осыпается сказочный снег.

Письмо музе (до востребования)

Здравствуй, муза! Давно не виделись,
А теперь вот пишу без повода.
Знаешь, время такое выдалось,
Что ни день – то сплошные проводы,

Что ни вечер – то дело сделано...
И опять из глубин сознания
Поднимаю забытых демонов,
Изгоняю воспоминания.

Посвящения обезличены
И границы снов обесточены,
И былых королей величие
В пыль развеяно вдоль обочины.

Мне казалось, печаль напрасная
Быть не может твоей основой,
И как только я буду счастлива –
Мы с тобой запоем по-новому.

Но почуяла ты неладное:
Быть счастливой тебе несвойственно –
И сбежала, как черт от ладана,
С алтаря моего спокойствия.

Ты не думай, что я обиделась.
Слез твоих мне не нужно более.
Приходи: мы давно не виделись,
Угощу тебя меланхолией.

Бросающихся
вам в глаза...
Но главное –
леса, леса,
Что совершенно
рукотворны –
В пустынях ли,
на склонах горных
Любовно высажены,
брат.
Есть даже праздник
«Ту би-Шват»,
Когда все жители
страны
Ростки высаживать
должны.

А кто же автор
сих чудес? –
Израильтянин
Симха Блез¹,
Придумавший
(и впрямь свершение!)
Всё капельное
орошение.

* * *

Израиль славится
и мясом и сырами,
Вином и фруктами
(здесь каждый овощ свеж!).
Процентов тридцать
потребляют люди сами,
Всё остальное
отправляют за рубеж.
Тому не в силах помешать
ни рынка козни,
Ни чьи-то вопли
объявить стране бойкот.

¹ Этот агроном, автор идеи капельного орошения, до сих пор проживает на юге страны в г. Беер-Шева.

«Всё – отсюда!»

И при этом погладил живот.
Позже Фрейд стал кумиром для люда,
Ещё ниже направив свой взор:
«Всё – отсель, остальное – детали...»
Этот взгляд был бы жив до сих пор,
Если б, мимо пройдя гениталий,
Нам ещё один мудрый еврей
Не поведал (всерьёз ли, шутейно):
«Всё, друзья, относительно, взй!»
В мире знают его как Эйнштейна.

* * *

Парадоксален сей трагикомизм,
Но так, видать, задумала Природа:
Пока есть в мире антисемитизм,
Израиль будет крепнуть год от года.

* * *

Ах, девочки еврейские,
Серьёзные, армейские,
С береткой под погончиком
И модным пелефончиком.

Ах, девочки военные,
Отнюдь не здоровенные,
И полные, и хрупкие –
Не для кровавой рубки

и

Не для ракет рождённые,
А к мирной жизни склонные,
Любви, свиданьям, деточкам –
Всему, что важно девочкам.

Ах, девочки еврейские,
Чьи корни европейские,
Российские, испанские,
Нередко – марокканские,
А то и эритрейские...

Ах, девочки еврейские!
Доколе ж вам –

с гранатами

Дружить

и с автоматами,

А то и с пулемётами,
А то и с самолётами –
Чтоб, наряду с мужчинами,
Не заслонясь причинами,
Оборонять желанную,
Свою Обетованную
Единственную Родину –
Малюсенькую родинку?!

* * *

Жизнь в Израиле

и трудна,

И не славится

лишним хлебом.

Жутко крошечная

страна!

Но под этим

нависшим небом

Ни голодных,

ни нищих нет,

* * *

Еврейскую страну
я не назвал бы раем,
Здесь тяжело с жильём,
и климат напряжён...
К тому ж, нельзя забыть,
что крошечный Израиль
Почти со всех сторон
врагами окружён.
Конечно же, Каир
стократ крупней, чем Яффо,
И панарабский мир велик!
Но дело в том,
Что маленький Давид
гиганта Голиафа
Сумел-таки сразить
отвагой и умом!

* * *

Раньше я, покинув край гористый,
Прибывал сюда простым туристом,
В голове держа экскурсий план;
Не считал себя единоверцем,
Улетал отсюда с лёгким сердцем
В свой далёкий горный Кыргызстан.
А сейчас, коль искренне признаться,
Прибывая летом ли, весной,
Тяжелей мне стало расставаться
С этой тёплой крошечной страной.
В Кыргызстане каждый вечер, знай ты,
Заглушить не в силах интерес,
Нахожу израильские сайты,
В Израиле – лезу в АКИпресс...
Да ещё и третья есть страна:
Айастаном названа она...

ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав
АЛЕКСАНДРОВ

КОГДА ЖИЗНЬ НА ВОЛОСКЕ

*О, как стартует горнолыжник,
Он весь в стремительном броске.
И дни непрожитые жизни
Висят, висят на волоске.*

Юрий Визбор

Вертолет заходил на посадку. Если можно назвать нормальной посадкой - цирковой трюк на высоте 4000 метров, когда «бабочка» весом 8 тонн, одним или двумя колесами цепляется за вершину и из нее начинают выпрыгивать безбашенные поклонники горнолыжного экстрима.

Прыжок - и ты по пояс в снегу. Над головой бешенный рев винтов! Снежный пурх слепит глаза, забивает рот. Рядом приземляются другие ребята. Хватаются друг за друга, за камни, за снег, чтоб не унесло на сбросы! Гиды выбрасывают из борта лыжи и борды. Хлопает дверь. Я вскидываю большие пальцы рук вверх – все в порядке, взлет!

Шеф — пилот Юра Храмушин, добавляет шаг винта, машина задирает хвост и обдав нас на прощанье снежной купелью, проваливается вниз в долину. Через пять минут рокот вертолета затихает у языка ледника.

Вот здесь и случается чудо. Тянь-Шань открывается перед нами во всей красе. Бесконечные цепи хребтов, увенчанные скальными башнями или снежными куполами.

Ленты ледников, сплетенные в загадочные иероглифы. Как будто Господь Бог, на седьмой день мироздания занялся приготовлением десерта, не пожалев шоколада, крема и взбитых сливок для Небесных гор. И тишина. Ни камнепадов, ни лавин!

Теперь к вопросу о том, что такое хеликоптерски?

Это катание на горных лыжах вне трасс, по девственным снегам, с использованием вертолета. Изобрели это недешёвое удовольствие взбесившиеся от жиру канадцы. Их утомили комфортабельные подъемники и укатанные трассы, видать, захотелось приключений. Вот и подались тамошние снежные ковбои на целинные снега. Я узнал об этом снежном безобразии в 1990 году и сразу понял – это мое! Горы у нас больше и выше канадских. Вертолеты больше и мощнее – это плюс. Снега, правда, не такие густые, это минус. Но зато и лыжников гораздо меньше! А нормальных подъемников вообще нет! То есть под ногами были невозделанные снежные поля вертолётно-горнолыжного бизнеса.

Вертолет плюс лыжи. Сон про небожителей. Мечта наяву! Группа экстремалов-лыжников до пятнадцати персон садится в вертолет, летит в забытый Богом и людьми, заваленный целинными снегами горный район. Совершает посадку на вершину или перевал до 4500 метров. Безумцы выпрыгивают из вертушки куда придется. Машина уходит вниз. Группа красиво и вальяжно, вздымая султаны снега, спускается по девственным склонам к вертолету. Все здорово и просто, как в рекламном ролике про шампунь от перхоти. Этот сон снится мне регулярно уже на протяжении многих лет. На натуре это тоже очень красиво, но настолько же непросто.

Теперь возникает вопрос – а гиды у нас кто?

С гидами было не просто плохо. Гидов, соответствующих европейскому классу, просто не было. В переводе с английского, гид — это Проводник, местный житель, хорошо знающий тропы в горах, за чечевичную похлебку и пять медяков переводивший караваны через Тянь-Шанские хребты, по Великому Шелковому Пути. Но с развитием индустрии туризма, Проводник давно превратился в центральную фигуру для путешествий в горах. Время чечевичной похлебки и пяти медяков прошло.

А хели-гид, наверное, это самое сложное действие человека в горах. Конечно, это должен быть очень хороший лыжник. А хороший лыжник, это не тот — кто катается красиво, а тот — кто проедет везде. Плюс, он должен иметь навыки лавинщика и быть со снегом на ты. Быть ски-альпинистом. Иметь квалификацию спасателя, в которую входят медицина, вытаскивание людей из ледовых трещин, транспортировка по горному релье-

фу и поиски человека в лавине. Уметь вести радиообмен. А еще: прекрасно ориентироваться среди хребтов, уметь с борта выбирать склоны и пути спусков с них, взаимодействовать с командиром вертолета. И много всяких других важных мелочей, от которых зависит не только коммерческий успех мероприятия, но и жизнь клиентов, да и своя собственная. Например, знание хотя бы одного иностранного языка. На худой конец — английского. А международный язык жестов изучается автоматически, во время смычки с клиентами.

Но главное, надо очень любить горы и лыжи. Иначе здесь делать просто нечего.

А тогда, в 90-х годах прошлого века, у нас были хорошие лыжники, которые не имели понятия о спасательных работах и лавинах. И были замечательные альпинисты, которые умели все, но на лыжах ездили, в лучшем случае, по укатанным трассам в стиле «Мама не горюй»! Поэтому приходилось учиться на собственном опыте и одновременно ковать кадры.

Но хватит лирики! Вернемся к сути. За что клиент платит деньги? За приключения и адреналин! Адреналину уже хлебнули при посадке! Так что вперед, за приключениями!

Под ногами девственный склон с перепадом высот в один километр и уклоном в 20-30 градусов. Первым уходит на склон аваланч тест мен – по-русски говоря, пробоуватель лавин.

Сегодня это был Слава Зайцев. Лучший горнолыжник республики. Неоднократный чемпион по скоростному спуску. Слава пришел к нам в 1999 году, открытый и доброжелательный он сразу влился в команду. Учить его как кататься по целинным снегам, было не нужно. Он сам давал нам несколько очков вперед. Альпинистскую технику и приемы спасательных работ хватал на лету. Вначале он отъездил в середине группы. Это самая приятная работа. Считай лыжников, как блудливых коров, по головам, наставляй заблудших на путь истинный, да вытаскивай из-под снега провалившиеся души. Затем – заключительным гидом. Задача здесь такая же. Но вот сам ты уже не имеешь права падать. За тобой — никого нет, и никто тебе не поможет.

А сегодня ему было предоставлено почетное право распечатать склон. Конечно, перед первым спуском мы всегда смотрим на состояние снега, температуру, влажность, оцениваем крутизну склона, глубину пласта. Но с абсолютной точностью спрогнозировать сход лавины на определенном склоне не сможет никто. Так что элемент игры в прятки и догонялки с лавинами в хелискишных забавах будет присутствовать всегда.

Обычно эту бодрящую кровь и душу роль исполнял я, или второй номер нашей маленькой команды, Юра Шевяхов, по школьному прозвищу Тега. За свою жизнь Тега был строителем, крановщиком и бульдозеристом, водителем большегрузных машин, учителем горных лыж, инструктором горного туризма и самогонщиком-любителем. При высоком росте, гусарской внешности, с тонким чувством юмора и глубоким интеллектом, он пользовался большим авторитетом у туристов и горнолыжниц. А когда брался за гитару и начинал петь, тут уже сдавались самые неприступные крепости. И хелискишную эпопею в 90-м году мы начинали вместе с ним. Вместе открывали районы для катания, вместе изобретали канадский велосипед, то бишь хелискишную карусель. Слетать в Канаду для дружеского обмена опытом, не было ни возможностей, ни денег, да и никто нас туда не приглашал.

Теперь к вопросу о вертолетах и вертолетчиках.

Для экипажа вертолета эти полеты – вершина профессионального мастерства. Обычно район катания представляет из себя цирк из ледников и вершин от 3000 м до 4500 м. Главное – это хороший вертолет и опытный экипаж. Ми – 8МТВ классная, надежная машина для высокогорных полетов. В советские времена небо Киргизии бороздило 18 экипажей на 15 вертолетах, шесть из которых посменно работали на Крайнем Севере. И двенадцать командиров были прекрасными горными пилотами, одними из лучших в Союзе. Существовала настоящая школа горных пилотов, у истоков которой стояли Борис Иванович Бондарчук и Вячеслав Петрович Овчаренко.

В 1993 году в королевстве Непал открылась первая частная авиакомпания. Для полетов в Гималаях были выбраны советские вертолеты. За границей они называются Ми-17. И вот с московскими посредниками хозяева компании полетали на Кавказе, в Таджикистане, в Алма-Ате и добрались до Бишкека. Вышли на одного из наших командиров Володю Колесникова. Как раз в это время мы с ним проводили хелики на Большом Ала-Арчинском леднике. Володя уговорил меня прокатить непальцев с нашей группой по Тянь-Шаню. По возвращении непальцы только и могли сказать:

- Фантастик! Хай класс! - и восхищенно тыкали вверх большими пальцами рук. С тех пор в непальских Гималаях в основном работали киргизские и казахские пилоты на МИ-17. А Володя Колесников летает до сих пор.

Времена изменились, асфальтовый каток дикого капитализма с чувством глубокого удовлетворения прошелся по отряду киргизских авиаторов. К двухтысячному году от славной когорты киргизских вертолетчиков осталось пять экипажей да один вертолет. Было страшно обидно встретить на городском авторынке пилота первого класса, который торговал запчастями для того, чтобы как-то прокормить семью. Обидно за человека и страшно за государство, которое наплевало на уникальных специалистов и угробило целую отрасль. Новый вертолет купить можно, а чтобы воспитать настоящего горного пилота требуется 10-15 лет. Сейчас, в 2014, ситуация с техникой лучше: две гражданских и пять военных машин. Да вот в горах летать почти никому. Допуск на посадки выше 4000 метров имеют немногие командиры: Сайфутдин Турсунбаевич Азизов, Шамимбек Карзаков, Володя Верещагин, Ильхом Абдурахманов. Но не все так грустно. Не умерла школа киргизских вертолетчиков! На подходе уже три молодых командира. Еще полетаем!

Дальше к вопросу о степени смычки с клиентами.

Есть замечательная заповедь. Возлюби ближнего, но не давайся ему в обман! В нашем случае это звучало – не поддавайся на уговоры. Во время катания в районе Каракола у нас образовалась замечательная традиция. В конце катального дня залетать в замечательное ущелье Алтын-Арашан. Там располагался старый колхозный курорт. Страшные, черные, покосившиеся со времен великого Союза, срубы с горячими источниками приводили в неизъяснимый экстаз заграничную публику. Видимо они напоминали им родные места столетней давности. Но живительная вода, волшебная красота Арашана, делали свое дело. Все были счастливы. Так было и в этот раз. Мои французские друзья Роланд Стижер и Кристиан Жаки, гиды из Шамони, уже в третий раз привезли группу первоклассных лыжников на Тянь-Шань. Программа шла по накатанному сценарию. Но погода в этот день была так себе. Народ не накатался. Роланд и Кристиан стали уговаривать меня, по пути на базу сделать еще один спуск. А время четыре часа пополудни и март месяц. Тепло, облачно и сыро. В общем, все было против правил. Это был не наш день. Но, как на грех, в разрыве облаков открылся шикарный заснеженный цирк, и мои шамонийцы дружно заорали во все глотки:

- Алле! Алле! – Вперед! Вперед!

Вот тут черт меня и попутал, я дал слабинку и согласился.

- Петрович! Зайдем в цирк у пика Пржевальского. Еще разок скатимся и домой.

Вначале все шло хорошо. Сели на перемышку. Посмотрели снег. Склон дышал. Это не есть хорошо — как говорили французы. Первым вызвался Кристиан. Он пошел по небольшому гребню, легко, профессионально, не нагружая склон. Остановился в конце, вышел на связь и дал добро мне.

- Ребята, строго по одному, склон живой! — предупредил я и заскользил по снегу.

После пятого поворота склон ухнул, просел и поехал вместе со мной, все больше набирая скорость. Задники лыж стали тяжелыми, и я стал медленно погружаться под снег. Боковым зрением я увидел, что с левой стороны оторвался склон со всего цирка. Это была самая страшная лавина — доска. Мокрая, тяжелая. Но с правой стороны, метрах в двадцати, была видна граница отрыва лавины, высотой с метр. Все дальнейшее происходило как в замедленном кино: я всеми силами стараюсь повернуть к спасительному краю, но снежный монстр тащит меня вниз и засасывает все глубже. Я делаю, как учили, плавательные движения, но продолжаю тонуть. Затем меня перевернуло как ватное чучело, прижало к земле, протащило метров тридцать по разрушенным скалам. В конце концов, лавина сняла с меня лыжи и с силой воткнула головой в границу отрыва. По инерции я пробил снизу снежный пласт и голова, как кочан капусты на бабкином огороде, выскочила на воздух.

По горячке я выкарабкался на поверхность. Первое, что я увидел, это лавина, которая продолжала катиться вниз. И в центре этой снежной мясорубки мелькала яркая, желтая куртка. Голова — ноги, голова — ноги. Как потом выяснилось, это была Мари, классная лыжница и бесшабашная хулиганка. Она не послушалась моего предупреждения и рванула вслед за мной по кулуару. Этого хватило, чтобы перегрузить склон. Расплата пришла немедленно, в виде мокрой доски. Но боженька, как видно, охраняет пьяниц и хулиганов. Через метров сто, снежный конус остановился прямо у ног Кристиана. Он быстро взобрался на его вершину и стал разгребать снег. Оттуда торчала кисточка волос. Через минуту живая, невредимая и совершенно обалдевшая от ужаса Мари, восседала на вершине конуса лавины. «Белый Дракон» пожалел ее. Триста метров кошмарного лавинного слалома и ни одной царапины. Из потерь только - лыжи.

Зато с моими ногами было худо. Не только ехать на лыжах, но и передвигаться я мог с трудом. Но не даром команди-

ром нашей стрекозы был Владимир Сергиенко. Петрович показал высший класс. Через пятнадцать минут борт уже завис над конусом лавины. Винты буквально в трех метрах от склона бешено молотили воздух. Французы от страха, ветра и восхищения попадали на колени. Меня первым, как мешок с картошкой, втащили на борт. Через двадцать минут вертушка села в порту Каракола.

Молодой дежурный хирург областной больницы - Султан, - протянул мне полстакана чистого спирта:

- Извините байке, другого обезболивающего у нас нет.

Зато у нас была прекрасная аптека, при виде которой Султан чуть не заплакал от зависти.

Операция длилась два часа. Султан наложил двенадцать швов на мою разодранную в лохмотья ногу, а мы задали ему нашу аптеку. Спасибо тебе, дорогой мой Айболит!

С тех пор с горнолыжного банкета под названием «Снежное Безумие», я предпочитаю уходить слегка голодным и своими ногами.

И еще – к вопросу о несправедливости судьбы.

22 февраля 2001 года. Может быть, самый черный день в моей жизни. Вечерний прогноз был – ни рыба, ни мясо. Высокая облачность, ветрено. С утра за окном так оно и было. Летать можно, но радости мало. Бестеневое освещение, склона не видно, но группа била копытами и рвалась в бой. Молодые, энергичные ребята, прекрасные лыжники из Франции. Решили полететь с разведкой погоды на Чилико-Кеминскую перемычку. Тем более, что от шикарного отеля «Аврора» на берегу Иссык-Куля, где мы жили, лету до перемычки 20 минут. Три дня хребет Кунгей - Ала-Тоо и озеро дарили нам зимнюю сказку. Горизонт давал видимость миллион на миллион, атмосфера аж звенела. Великолепный легкий снег лежал на склонах. И ребята уверовали в свою счастливую звезду. Расписали каллиграфическими выражениями прекрасные склоны Чон-Аксуйского ущелья, ледники Чон-Кемина и желали продолжения горнолыжного банкета.

Уже над Кунгеем машину начало хорошо болтать. Прогноз в этой части оправдался.

Но за рулем у нас были лучшие асы: Алексей Кочерыгин и Юра Храмушин. Если они летят, значит можно быть спокойным. Так было всегда, но не сегодня. При заходе на пик Дмитриева (4200м.) ветер озверел. Мы зависли над пяточком десять на пять метров, но восьмитонная машина под напором ветра просто не шла вниз. На втором заходе взяли ниже, но нисходящий

поток неожиданно подсосал вертолет и, чтобы не въехать в гребень, пилоты резко увели машину вправо. Говорливые французы, учуяв опасность, притихли как мыши. Еще два безуспешных захода основательно попортили мне нервы и я предложил отцам-командирам сменить район и перелететь в другой цирк. Там была столовая гора, размером с футбольное поле и мы звали ее «Стадион». На нее можно было садиться по-самолетному, как на ВПП. Так и получилось. Мы сели с первого захода. Я выпрыгнул на снег и ухватился за вертолет, чтобы не унесло ветром. Ребята посыпались вслед за мной, хватаясь друг за друга.

Не теряя времени, я заскользил по знакомому, надежному западному склону. Тега - в середине, Слава - замыкающим. И в нашей компании добавился еще гид – стажер Миша Михайлов. Опытнейший альпинист и по совместительству кинооператор. И все наше действие было запечатлено на пленку. В середине склона я остановился на безопасном гребешке, чтобы подождать оператора и отставших клиентов, которые со своим гидом Фабье что-то оживленно обсуждали, тыча пальцами в сторону восточного склона. Склон как склон, но чем-то он не нравился мне, и мы никогда не использовали его. Внизу, на леднике у вертолета, ветра почти не было. Я предложил Фабье повторить спуск по западному склону, по знакомому пути, с Тегой и Славой. А я улечу дальше, для подбора следующих спусков. Предложение было принято. Подошел Слава:

- Василич, они хотят поехать по восточному склону. А мне туда не хочется.

- Я решил, чтобы группа ехала по старому пути. И Фабье согласился. Ну а лично ему я запретить не могу. Если хочет приключений пусть едет. А ты езжай с группой, чтобы с клиентами было все в порядке. Ты же - Проводник!

- Добро, шеф! - согласился Слава.

Командир дал запуск. Засвистела и огненным флагом выстрелила АИшка. Запели тенорами турбины и, медленно набирая скорость, забасили винты. Мы легко ушли вверх, на высоту, и красиво сели на «Стадион». Ребята, как заправские «коммандос», десантировались на склон. Я помахал рукой, и мы ушли в другой цирк. Теперь у меня было время оглядеться, и я заметил одну странность. Во многих местах хребта сошли лавины там, где их раньше не бывало. Это было непонятно. Через пять минут полета мы нашли очень приличный новый склон и ушли вниз на ледник, где обычно встречали группу после спуска.

Еще винты не успели остановиться, как рация ожила и срывающийся голос Теги заполнил все внутривертолетное пространство:

- Лавина! Лавина! Сошел весь склон!

- Ребята, взлетаем!! – заорал я.

Больше рация ничего не сказала. Где люди? Все ли целы? Что предприняли? Благо Тега и Миша были опытными спасателями. Да и Слава уже готовый гид. Но где они? Тысяча вопросов одновременно пронеслись в голове. Через десять минут мы уже были на вершине «Стадиона». С воздуха я успел заметить, что сошел весь восточный склон и центральная часть цирка. Но главное - люди были живы. У хвоста лавины собралась почти вся группа. И они быстро копали снег. Это был плохой знак. Еще пятнадцать минут жуткого спуска на лыжах, со спасательным снаряжением в преисподнюю. Я буквально рухнул со всем грузом к ногам Теги. Он уже не копал, а стоял и курил. Нехорошее предчувствие буквально сдавило сердце. Я тяжело выдавил из себя:

- Кто?

- Слава, – так же тяжело ответил Тега.

Мир остановился. Я на мгновение потерял сознание. Ребята продолжали делать ему искусственное дыхание, но сукровица, текущая из ушей, не оставляла надежд.

Полчаса назад мы разговаривали с ним, шутили. Я чувствовал его дыхание, смотрел в глаза. А сейчас там, у лавины, лежит знакомый красно-желтый костюм. И в нем Слава, который так любил горы, лыжи, друзей, жену и дочурку.

Волею судьбы почти вся трагедия оказалась снята на пленку. После приземления Тега повел всю группу по испытанному пути. А Фабье все-таки решил распечатать восточный склон у Черной скалы. И Слава остался с ним. Миша с камерой и остальные лыжники остановились на безопасном гребешке у середины склона и стали наблюдать. Все остальное я увидел уже через объектив камеры на экране.

Фабье пошел первым. Он спустился метров на пятьдесят и отошел в сторону. За ним пошел Слава. Он красиво прошел мимо Фабье так же на пятьдесят метров ниже и стал в стороне. Они, как бы соревнуясь между собой, делали все очень красиво и правильно. Фабье повторил свой маневр и остановился у Черной скалы. Они прошли уже половину Восточного склона. Слава снова пошел вниз, пролетел мимо Фабье, сделал несколько чистых виражей и вдруг...

Это страшное - вдруг. За свою альпинистско-горнолыжную жизнь я сам четыре раза был в серьезных лавинах. Вытаскивал из них людей. Но такого!.. Лавины, как таковой, и не было. Весь восточный и центральный склоны в один момент рассыпались на куски. И этот развалившийся снежный торт начал стремительно катиться вниз. Слава почувствовал это и отпустил лыжи по прямой, стараясь обогнать лавину. Теперь он соревновался со смертью. Но снежная трясина засасывала его все больше и глубже. На этом изображение обрывается. Если бы Миша был профессиональным кинооператором, он до конца бы снял эту жуткую дуэль и смерть Проводника.

Но Миша был профессиональным спасателем, он бросил камеру и рванул спасать друга. Но, увы, Слава проиграл этот заезд. Самый важный в его жизни. Если бы знать...

Людей было много, и его откопали по лавинному радиомаяку за десять минут. Лавина догнала его и убила тяжелым кулаком в первую же минуту. Перелом основания черепа. Сорок минут искусственного дыхания были бесполезны. Ему не хватило буквально трех метров, чтобы выскочить из лап «Белой смерти».

Когда мы вернулись в Бишкек, я нашел разгадку обвала склона. На новостной ленте Интернета было сообщение о сильном землетрясении 21 февраля, до семи баллов в Иссык-Атинском районе. До Иссык-Куля докатилось пять баллов. И этого хватило, чтобы сбросить многочисленные лавины, которые я наблюдал с борта вертолета. А вот склон «Стадиона» устоял. Но оказался миной замедленного действия. И появление на нем Славы и Фабы стало достаточным грузом, чтобы эта адская машина сработала. И вот судьба. Славы нет, а Фабы лавина захватила самым хвостом. И он вместе с ней самым первым оказался на месте смерти Проводника.

Я часто размышлял о том, почему Слава не поехал с группой, а остался с Фабы? Ведь он сам не хотел туда соваться. Да и мое распоряжение было четким – ехать с группой.

И нахожу только один ответ. С одной стороны, группа уже спустилась в безопасное место и он выполнил мое распоряжение. С другой, Слава был настоящим спортсмен и боец. По новому склону съедет первым французский гид, а чем киргизский хуже!? Спортивный азарт, дух спортивного соперничества! Он на глазах французов откажется от спуска и уронит свой авторитет? Слава Зайцев – лучший лыжник страны! Да и не принято у нас ездить по одному. Если с Фабы что случится, кто первый

придет на помощь? И случилось. С точностью до наоборот. Если бы знать... Если бы можно было управлять судьбой... Но тогда это была бы не судьба, а модная компьютерная игра под названием «Обдури лавину», с большим количеством запасных жизней. Но в нашей игре жизнь только одна. И вступать ли в нее, каждый решает сам. Сколько бы мы заранее ни предупреждали об опасности, сколько бы ни старались свести степень риска на нет. В последний момент каждый все-таки выбирает сам.

ПАНОРАМА С КРЫШИ МИРА

Мы выходили на перевал «Абдукагор-2» на высоте 4800 м. Вернее выползали. За спиной – рюкзаки под сорок килограмм. А «горнячке» было все равно, кто перед ней: весь обзаслуженный «Снежный Барс» или зеленый новичок. Она долбала всех, без разбора.

Никто здесь не чувствовал себя хорошо. Но панорама с перевала вознаградила нас за все мученья. Слева над головой курился облаками пик «Антуана де Сент-Экзюпери».

Чуть ниже перевала, вальяжно развалившись под беспощадным памирским солнцем, грелся гигантский ледник Федченко. Восемьдесят два километра льда и снега, лениво сползающего с высоты 5500 м. из-под пика «Революции» до реки Муксу на уровне 3000 м.

Существует устойчивое заблуждение, что очень жарко бывает только в пустыне. Но в сравнении с высокогорьем Каракумы и Сахара отдыхают. Ну что там? Палящее солнце, горячий песок, оазисы с колодцами, бедуины с верблюдами, кувшины с джинами, исполняющими любое твоё желание. Красивая восточная сказка. Здесь тоже была сказка. Совсем другая. Много солнца – и с неба, и от снега. Очень много воды, но, в основном, в твердом и газообразном состоянии, в виде льда, снега и облаков. К прямому физиологическому процессу утоления жажды все это было непригодно. Поскольку глотание снега или сосание льда на такой высоте приводит к презренной ангине, которая плавно переходит в отек легких, который стремительно, почти безболезненно и гарантированно ведет к летальному исходу.

Такую веселую картину для лиц, мучимых жаждой, нарисовал наш походный доктор Петр Покровский. Причем, самой убедительной частью его рассказа являлся не сам факт смерти

пациента и трудности транспортировки тела по леднику, а срыв планов Спорткомитета Киргизской ССР по завоеванию, как минимум, серебряной медали на Всесоюзном чемпионате спортивного общества «Спартак» по альпинизму. Эта глубокая мысль произвела на присутствующих неизгладимое впечатление, и все дружно закурили. Тогда хитом табачного сезона был не классический «Беломор-Канал», и не утонченная дамская «Стюардесса», а настоящий мужской табак, граничащий с самосадам, то бишь сигареты под названием «Памир»! Ну а что еще могли курить на Памире настоящие мужики, к коим мы себя самонадеянно причисляли? На пачке был изображен человек вороватого вида, с мешком за плечами и палкой в руке на фоне горы. То ли геолог, то ли пилигрим, поэтому народная молва окрестила его «Нищим в горах». Наш штатный борец за здоровый образ жизни хирург Петя показал пример правильного продления жизни сигарет в полевых условиях, затушив сигарету и спрятав бычок в пачке.

Ритуал перекуса был выполнен. Огромные рюкзаки – причина обретения межпозвоночной грыжи, заняли почетное место на спинах своих хозяев. И наш караван стал прекрасной иллюстрацией поговорки: «Охота пуще неволи!» Какому же нормальному человеку придет в голову таким чудесным образом провести свой заслуженный трудовой отпуск!? Мы называем это – перезимовать лето в горах.

На одну из тренировок альпинистской секции «Спартак» пришло молодое пополнение.

Это были студенты мединститута. Все девушки почему-то оказались гинекологами. Их профессиональные навыки вряд ли могли пригодиться нам в альпинистской жизни. Но, наверное, какая-то таинственная связь между альпинизмом и гинекологией существует. Поскольку впоследствии почти все гинекологи ни вышли замуж за альпинистов. Но вот один из ребят оказался хирургом. Это был подарок судьбы. Петр Покровский для студента-медика четвертого курса был чрезвычайно застенчив. Но это не мешало ему после занятий подрабатывать медбратом по ночам на «Скорой помощи» и проводить операции. Через несколько лет он стал одним из ведущих хирургов в клинике Ахунбаева. В горах мы были его друзьями, пациентами и подопытными кроликами, на которых он совершенствовал свое мастерство владения скальпелем. Затем он применял его на практике в пластической хирургии по увеличению или уменьшению женской груди. Судя по популярности пластического хирурга По-

кровского среди женской части нашей столицы, кроликами, с научной точки зрения, мы оказались хорошими.

А начиналось дело вот как. Наша команда Фрунзенского «Спартака» заявила об участии в первенстве Союзного общества «Спартак» в высотно-техническом классе. Для прохождения был выбран траверс пиков «Революция» - 6900 м. и «Двадцать шесть Бакинских Комиссаров» - 6850 м. Очень красивый и логичный маршрут. Вершины располагались на Памире в истоках ледника Федченко. Все говорило за то, что мы можем оказаться в призовой тройке. Бронзовый, серебряный, а, может, и золотой блеск медалей Союзного первенства волнительно подействовал на воображение чиновников из нашего Спорткомитета. В результате шлюзы финансирования разверзлись, и наша команда рыцарей голубого льда и коричневых скал, оказалась на дороге Фрунзе-Ош, в кузове машины ГАЗ -66, называемой в народе «Шишига», доверху набитой экспедиционным скарбом. Кроме обычного альпинистского снаряжения особым расположением публики пользовались тщательно упакованные коробки с высотным продуктом, как-то: колбаса венская, твердокопченая, печень трески в масле, горбуша соленая, икра лососевая черная, сало копченое с мясными прослойками - шпиг. Поскольку на дворе стоял 1976 год, словосочетание – «купил в магазине», совершенно не монтировалось с суровой действительностью. Королевой бала было слово – ДОСТАЛ !

Фокус, как и все гениальное, был прост. Наш предводитель Володя Бирюков написал слезное письмо в Министерство торговли о том, что если наша экспедиция не будет обеспечена нижеперечисленными продуктами, то восхождение будет сорвано. Это было правдой. И республика лишится золотых медалей чемпионата Союза. Что было полуправдой. А наш первый секретарь ЦК Компартии Киргизии, уважаемый товарищ Турдакун Усубалиев, не сможет рапортовать Москве о наших успехах в спортивных достижениях. Что было совсем неправдой, но сработало безотказно.

Через день скитания по секретным базам, полузакрытым ангарам и подземным складам, мимо которых мы ходили каждый день, не подозревая об их существовании, мы затарили нашу верную Шишигу всяческой вкусняшкой и пустились навстречу судьбе.

Все наши поползновения поближе познакомиться с высотным продуктом путем его естественного потребления решительно пресекались нашим завхозом Колей Щетниковым.

Он грудью лег на заветные коробки, заявив, что ниже 5000 метров ни один миллиметр колбасы и ни один грамм рыбы не пропадет в наших бездонных желудках. Посему было решено отдаться в лапы придорожного общепита. Но в славном городе Таш-Кумыре была только одна придорожная столовая, которая, конечно же, в честь нашего приезда была закрыта на санитарный день. Зато посещение местного продмага принесло многообещающие плоды. В то время, как мы торжественно выносили из магазина пять булок хлеба и десять банок рыбных консервов – килька в томатном соусе обезглавленная, известная в среде ценителей как «Братская могила», - наш начальник спасотряда Леван Алибегашвили подозрительно долго задержался у прилавка. Его острый орлиный взор, за разноцветными наклейками лимонада «Буратино» ценой 15 коп. и ацетонового наплетка «Алма Шаробы» - «Яблочное Крепкое» - 78 коп, и популярной водки разновидности «Арак» по 3р.12 коп, обнаружил покрытые многолетней пылью и паутиной четыре благородных сосуда, стоявшие здесь уже явно не один год. После удаления этой маскировки к вящему удивлению продавца была обнаружена наклейка. Ее бархатные черные буквы утверждали, что содержимым этой бутылки является коньяком Грузинским?! Пять звездочек!? По имени «КАЗБЕГИ» !!! Вот это встреча! Леван был поражен и восхищен. Ведь его родное село в Грузии лежало под знаменитой горой Казбек и называлось Казбеги! Привет с родной земли. А такого коньяка не только во Фрунзенских ресторанах, но и в секретных ангарах Минторга мы не встречали.

После экспресс-дегустации содержимое было признано соответствующим наклейке, одобрено и рекомендовано к зачислению в разряд высотного продукта экспедиции в количестве четырех штук. В данном случае цена 6 руб. за бутылку роли не играла. Итак, по коньям! Дорога ждет. Вперёд, верная, неутомимая Шишига!

Кстати, о дорогах и Леване Алибегашвиле. Несколько сухих фактов из его биографии.

Алибегашвили Леван Маркозович, родился в 1934 году, селе Казбеги Грузинской ССР. В 1957г. окончил Ленинградский Инженерно-строительный Институт по специальности инженер-дорожник. По распределению попал в Киргизию на строительство Памирского тракта Ош-Хорог. Его домом в это время становятся поселки Гульча, Суфи-Курган, Сары-Таш. Любому альпинисту, бывавшему в районе пика Ленина, знакомы эти названия. Там, после случайной встречи с участниками экспеди-

ции В. М. Абалакова он по настоящему заболел горами. Это несмотря на то, что вся его работа и так проходила в горах! Вместе с группой начинающих Ошских альпинистов в 1960 г. совершает свое первое восхождение на пик Урожай в Дугобе. Уже в 1962 заканчивает школу инструкторов в Талгаре и начинает тренировать секцию автодорожного техникума, а затем и республиканскую команду «Спартака». Инструктором первой категории он отработал 16 смен в альплагере «Ала–Арча» и альплагере «Ала–Тоо». Участвовал в качестве начальника Спасотряда и руководителя в пяти крупных экспедициях на Памире и Тянь-Шане. Одними из самых сложных спасательных работ считает спуск альпинистов В. Кургашова и Ю. Варенова с пика Корона в «Ала–Арче». Бронзовый призер Чемпионата СССР 1973 г. в классе траверсов Победа-В. Пшавела, -Неру-САВО (1980 г.) и в высотно-техническом классе за первовосхождение на пик Погребецкого (6500 м.) Призер чемпионата Москвы 1969 г., ЦС Спартака в 1976 и ЦС Буревестника - 1978. Шестикратный чемпион Киргизии. Первый «Снежный Барс» - родом из Грузии. Мастер Спорта СССР по альпинизму. С 2007г возглавляет Федерацию Альпинизма Киргизской Республики. Кавалер неправоительственного ордена «Эдельвейс» 2-ой степени. И сегодня, несмотря на свои семьдесят девять лет, он продолжает работать главным инженером Республиканского проектного института по строительству дорог. Заслуженный строитель и Почетный дорожник Республики.

В Киргизских горах нет ни одной дороги, к которой бы он не приложил свои знания и талант. Как утверждает сам Леван, его лебединой песней является проект дороги через Боомское ущелье. Этот участок в шестьдесят километров всегда славился высокой аварийностью. Даже в самом фантастическом сне я не мог представить, что когда то здесь будет приличная трасса. Сейчас это – четырехполосная автострада Европейского уровня. А Леван продолжает свою лебединую песню уже на реконсцировке будущей трассы Иссык-Куль – Казарман – Ош.

Но вернемся к нашим баранам. В прямом смысле. По приезду в Гульчу нас ожидала теплая встреча. Вернее, Левана. Ведь он проработал здесь восемь лет дорожным мастером. А на Памирском тракте двормастер это – большой человек. И Левана под белые ручки местная команда Памирского автомобильного треста увела на торжественную встречу в честь него самого.

У нас же было особое задание по добыче свежего мяса. Альпинистов-вегетарианцев не бывает. Выше 4000 м. без кало-

рий не погрешь. Но зато бывают исключения. Якобы вегетарианцы. Вот им в нашей команде и был Саша Онин. Мастер спорта по альпинизму, а заодно по самбо, греко-римской борьбе и всяческим боевым искусствам и единоборствам. Невысокого роста, сухощавый, легкий он обычно играл роль забивного. Шел первым, бил тропу в снегу, завинчивал ледобуры в лед, организовывал страховку. Если эту веревку навесил Саша, можно было смело грузить ее собственной персоной.

А еще добрейшей души человек. Работал тренером в детской спортивной школе в городе Кант. Мало ему было детского шума и крика на работе, так еще вместе с женой организовал детский семейный дом. Иногда в этой семье кроме своих двоих жило по десять детей! А на тренерскую зарплату разве прокормишь этот детский батальон!? А в лихие девяностые какому доброму дяде-чиновнику нужны были эти дети и их проблемы? От полной безысходности снялись они с родимого киргизского гнезда и перебрались в матушку Россию. Конечно, не ждали манны небесной и готовились к худшему. К удивлению в городе Кирове власти дали и дом, и деньги на содержание детей. Не дворец, конечно, но сказка продолжалась. Через два года Сашу под белые ручки везут в Первопрестольную, в Кремль, где Президент Путин лично вручает Саше орден за «Заслуги перед Отечеством».

Так вот, спустимся на грешную землю и вернемся к вопросу о распространении вегетарианства в рядах альпинистов. Быть лидером на восхождении очень почетно, но трудно. Несмотря на моральные принципы, расход энергии очень большой и организму хочется кушать. Ну, очень! А в овсянке и сгущенке калории вроде есть, но ноги не идут. Поэтому выше 5000 м. наш вегетарианец сало украинское, с мясными прослойками жрал, да требовал еще! Против природы не погрешь.

Вот он-то и руководил операцией по поимке ходячего мяса в обличье десяти курдючных баранов. Пока мы нашли стадо в горах, пока разбудили пастуха, пока выбрали самых крупных, уже свечерело. Доверчивые животные, чувствуя свою невеселую участь, сгрудились возле нашего липового вегетарианца, чую в нем защитника. Но из кустов выскочила шапка презренных поклонников шашлыков по-карски, бешбармака по-киргизски, и плова по-узбекски. Дальнейшая транспортировка разъяренных предательством Саши баранов по горной тропе при свете полной луны до дороги превратилась в трагикомедию. Каждый баран буквально разбежался по частям в разные стороны. А та-

щить на себе тридцатикилограммовую тушу было тяжело и неудобно. Она дергалась на плечах, пиналась и норовила спрыгнуть в обрыв вместе с носильщиком. Я лично считал ниже своего достоинства переть такого громилу на себе, когда он может ходить. И хитрость была найдена. Если взять барана за задние ноги и приподнять, тогда он спокойно идет на передних в нужном направлении. Таким иезуитским манером бараны были доставлены к дороге и погружены в автомобиль.

После перевала Талдык нас негостеприимно принял Чон-Алай. Холодный пронизывающий ветер нес пыль и обрывки газет. И столица Чон-Алая, поселок Сары-Таш, только подтвердил его суровую репутацию. В придорожной рыгаловке – по другому это заведение общепита назвать нельзя, - мы сгоряча заказали на всю команду по порции шурпо. Но странный мерзковатый запах внес смущение в наши души. А дотошный геолог Женя Стрельцов, обнаружил на замызанной стене подозрительную бумажку. Групповое изучение каракулей привело нас в полное замешательство. Она гласила: «Блуда ис усобшей баранены». Наш солдатский аппетит немедленно зачих на корню. Но было поздно. Источник зловония уже стоял на столе. Только один смельчак рискнул вкусить блюдо из баранов, замерзших в прошедшую жестокую Алайскую зиму. Чамар – в миру он же Гена Чемерис, чемпион республики по тяжелой атлетике, - решил, что для его броневой желудка мясо усопшей баранины не тяжелее тренировочной штанги. Тем более, халява, плиз! Три миски злосчастного блюда наполнили его живот, а наши сердца – предчувствием беды. Недаром за Геной водилось еще одно прозвище Чамар – тридцать три несчастья! Хотя все его поступки были всегда продиктованы самыми добрыми помыслами. Если мы делали заброски, его рюкзак был самым тяжелым. Но там, почему-то, обязательно разливался бензин и продукты обретали неповторимый запах и вкус. Если он торил тропу в снегу, то она была удобна, как траншея, но всегда, почему-то, заводила не туда. Если он шел впереди по скалам, то из-под его ноги вылетал самый большой камень, пытаясь угодить в друзей по связке. Все эти недетские шалости назывались «чемергесками» и вызывали у нас резкие возражения, начиная от ненормативной лексики, заканчивая угрозами прямого физического воздействия. Но когда Гены не было в составе экспедиции, сразу же становилось скучно, и у костра образовывалась пустота.

Очередная остановка для обеда в местной чайхане, уже в небольшом таджикском кишлаке, одарила нас парой интерес-

ных встреч. Посещение местной лавки обогатило очередным шедевром в области российской изящной словесности в таджикском варианте. На полке с кастрюлями разного калибра красовался ценник: Каструл – 2 р., Касрулка – 1 р., Кастулчик – 50 коп. А на улице нас ожидало погружение в историко-демографическую дискуссию о местном народонаселении. На небольшой деревенской площади собралась ватага ребят поглядеть на заезжих незнакомцев – обычное развлечение деревенской детворы. Но сама детвора была необычной. Одеты они были в традиционные таджикские одежды, но половина из них была типичными потомками Согдийского царства. Брюнеты со смуглой кожей, крупными носами, темными глазами и разговором на фарси. Другая половина тоже говорила на фарси. Но выглядела совсем не так. Яркие блондины с длинными прямыми волосами, белыми лицами и яркими голубыми глазами. Явные представители Еврозоны. Откуда в таком забытом богом местечке, затерянном в высокогорном Памире, могли взяться такие дети? Обсуждение этого вопроса получило свое продолжение в культурном центре кишлака – чайхане. В ожидании плова сторонники новейшей истории отстаивали версию случайных связей заезжих геологов с местными представительницами прекрасного пола. Эту сторону представлял Чамар. Он целых три месяца работал в геологической партии канавщиком и был знатоком тамошних нравов. Но на защиту землепроходцев всей республики встал геолог от бога - Стрелец.

Женя Стрельцов был личностью совершенно неординарной. Начиная с внешнего вида – под два метра ростом, мефистофельская бородка, сердито блестящие профессорские очки. И все это великолепие венчала выдавшая виды солдатская панамка Среднеазиатского военного округа образца 1970 года, в которой он ходил в горы. А ходил он в них почти всю жизнь. Потому что по профессии был геолог, а по призванию – альпинист. Редкое сочетание. Особенно неудобное для начальства. Потому что оно знало, что в разгар летнего полевого сезона Стрельцов опять принесет заявление на отпуск! Высокое начальство скрипело зубами, но отпускало! Поскольку знало, что свою работу он выполнит в срок и на самом высоком уровне. И уедет он отдыхать не на Черноморский пляж, а унесет его черт опять в те же горы.

В ту же Ала-Арчу, где совершил он свои первые восхождения. На пик Ленина или на Иньильчек к Хан – Тенгри и Победе. Да, в основном Евгений Александрович занимался высотными

восхождениями. При его комплекции и природной неуклюжести трудно было представить Женю на скальных стенах. А вот в среду снежных гигантов где-нибудь на Памирском фирновом плато он вписывался очень хорошо. Он был под стать окружающим его вершинам!

Женя стал «Снежным Барсом» в 1972 г. и получил почетный знак Покорителя Высочайших Вершин СССР. Со свойственным ему грубоватым стрельцовским юмором он называл его – «гроб с венком». Действительно дизайн этого знака напоминал гроб, а окружающая его веревка – венок. Но, тем не менее, очень гордился этим званием.

За ним еще закрепилось прозвище «Прямой - как лом». Относилось оно и к внешнему виду, и к характеру. Резал правду-матку в глаза! Это, конечно, мало кому нравилось. Но такой он был и не собирался изменяться.

Так вернемся к нашей дискуссии о местных нравах. Наш «Снежный Барс» со всей геологической грубостью и прямоотой заявил, что в партиях летом набирают до хрена всякого дерьма, особенно канавщиков, единственное исключение – это Чамар. Но их мало, а детей много. По-видимому, тут виноваты строители дороги. Это был явный камень в огород Левана, поскольку он восемь лет отрубил на строительстве Памирского тракта. Леван, невысокий, пружинистый, парировал этот неуклюжий выпад высоченного Стрельцова, указав на то, что на строительстве дороги работало на девяносто девять процентов местное население.

Но вот если заглянуть в глубь веков, то во время Индийского похода Александра Македонского передовые части его армии доходили до этих мест. И у этих детей ноги растут из Греции! Эта версия повергла участников высокого Дивана в шок. Из глубокой задумчивости их вывело громкое блеяние баранов. Нет, не сельского стада. А тех, которые сидели в кузове машины. Они тоже хотели есть и громогласно заявляли об этом! Протестная баранья акция произвела неожиданное впечатление на завсегдатаев чайханы. Они забегали вокруг нашего Ковчега, пытаясь забраться на колеса и заглянуть в кузов, как будто никогда не видели живого барана в этой горной чабанской стране. Инцидент разрешился с прибытием парламентаря. Оказывается, острый слух пастуха сразу определил, что блеет не обычный баран, а курдючный! А это резко повышало его ценность. Один плов с курдючным салом чего стоил! На переговоры мы выставили нашего завхоза Колю Щетникова. Что-что, а торго-

ваться он умел. В результате бартерного соглашения за двух баранов мы получили двадцать великолепных джурабов. Это произведение памирского искусства - яркие высокие носки ручной работы. Я лет пятнадцать еще носил их, с благодарностью вспоминая местных мастериц и жертвенных баранов.

Столица Памира и Горно-Бадахшанской Автономной области – Хорог, встретил нас жарой, симпатичным зоопарком и встречей с альпинистским начальством. Начальник спасательной службы Центрального Памира Геннадий Овчаров при знакомстве с нашими победными планами энтузиазма не проявил.

– «Революция» далеко, народа там мало, вертолета нет. В общем если что случиться, то вам, ребята, кранты! Поэтому шли бы вы на «Коммунизм» (высочайшая гора СССР 7495м.) там есть спасотряд и вертолет - заявил он.

На что Леван резонно, но не дипломатично возразил:

– На «Коммунизме» мы были, хотим «Революцию»! С тех пор эта бессмертная фраза стала лозунгом нашей экспедиции. После долгих препирательств вопрос был решен положительно. Но в последний момент произошел казус, который чуть было не перечеркнул все наши благие начинания. Была разлита по граненым стаканам водка, купленная в придорожном духане (магазине), произнесен тост за удачу и погоду и благословенная жидкость забулькала в горах. Реакция была странной.

– По-моему, это не водка! - задумчиво произнес Овчаров.
- Скорее вода, правда хорошая.

Леван и Бирюков переглянулись, и решение было принято мгновенно. Пока гонец на первой космической скорости носился в лагерь экспедиции, на головы местных производителей алкоголя вылились такие проклятия и пожелания, что если бы хотя одно из них исполнилось... Вот здесь и выстрелила первая бутылка знаменитого коньяка «Казбеги», из славного города Таш-Кумыра, и встреча на высшем уровне закончилась при полном удовлетворении сторон.

Но расставание с Хорогом ознаменовалось первой потерей. Из наших стройных рядов выпал один из самых стойких бойцов – Чамар. Его могучий организм штангиста долго сопротивлялся поглощенной в Сары-Таше тройной порции шурпо. Но усопшая баранина оказалась замедленного действия, и Гену с букетом подозрений от простого поноса до холеры местные эскулапы поместили в изолятор. Гену было жалко, и мы загрузили. Экспедиция могла печально закончиться в самом начале. На ум стали приходиться различные случаи из мировой

истории о массовой гибели в Европе миллионов человек, от эпидемии холеры в позапрошлом веке. Но нам повезло куда больше, чем европейцам. Через неделю Чамар внезапно появился в нашем лагере – на поляне у ледника Медвежьего. Исхудавший и почерневший, Гена радостно сообщил, что от обвинений в холере и чуме он отделался, обошлось всего лишь презренным поносом.

На этой поляне с говорящим названием «Пыльная» закончилась автомобильная часть нашего путешествия. Дальше шла автотропа, где могли проехать только трактора с прицепами, которые поднимали грузы на рудник Хрустальный. По дешевке сторговались о транспортировке в прицепе экспедиционного груза, мы напрочь забыли поговорку о бесплатном сыре и мышеловке и налегке шли по тропе за трактором, любуясь окрестностями.

А любоваться было чем. Подпирая бездонную Памирскую высь, вдоль ущелья возвышались Ванчский и Язгулемский хребты. Внизу в каньоне ворчала на камнях река Ванч. Наша тропа веселой змейкой серпантинов взлетала к плато на 4200 м., где в штольнях и добывали знаменитый памирский хрусталь. А дальше за перевалом «Абдукагор-2» лежали знаменитый ледник Федченко и цель нашей экспедиции пик «Революции». А прямо перед нами возвышалась огромная дамба из льда и камней. Это и был знаменитый ледник «Медвежий». А знаменит он тем, что раз в четыре года от него откалывается язык ледника и с большой скоростью съезжает по крутому склону в реку Ванч и перегораживает ее своим ледяным телом. Получается мощная плотина. Река быстро наполняет котлован и образуется озеро. Далее существует два сценария. Первый - щадящий. Прибывающая вода потихоньку начинает переливаться через край у стенки. Промывает себе коридор и равномерно озеро сливается в реку. Второй – катастрофический. Плотина не выдерживает напора воды, и вся эта громадная водно-каменно-ледовая каша с грохотом устремляется вниз в долину. И что перед этой стихией венец творения природы – Человек!? Букашка ничтожная! Все его дороги, мосты, дома и поселки превращаются в пыль. Что уже было не один раз. Так зачем человек заново восстанавливает все разрушенное снова и снова? Где смысл!?

Вот такие философские мысли посетили меня при созерцании этой грандиозной картины. Но недолго музыка играла. Из этого благостного состояния меня вывели реальный грохот и крики в виде ненормативной лексики. Видать, тракторист был с

похмелья, и его шайтан-арба плохо вписалась в очередной серпантин. Прицеп прямо на глазах изумленной публики медленно и торжественно перевернулся на крутую осыпь. И весь наш экспедиционный скарб равномерно размазался по острым камням. В том числе и уникальный высотный продукт. Помятые банки печени трески в масле во множестве блестели на солнце. Икра черная гроздьями призывно темнела на светлых камнях. Палки колбасы твердого копчения нагло торчали из щелей. Глядя на эту катастрофу, один Леван сохранял присутствие духа. Оставшиеся три бутылки коньяка «Казбеги» были предусмотрительно упакованы и размещены по рюкзакам. После позорного бегства тракториста моторизованная часть экспедиции окончательно закончилась. В результате упаковки рюкзаков стало понятно, что в горах будет трудно. По крайней мере, встать с рюкзаком без посторонней помощи я уже не мог, а передвигался только торжественным аллюром индийского слона.

Я знал, что ледник Федченко один из самых больших горно-долинных ледников мира.

Но он оказался ну о-о-о-о-ч-е-н-ь большим. Идешь час, два, оглядываешься – как будто стоишь на месте. Еще два, три часа. Смотришь, вершины стоят в той же позиции. Еще и улыбаются. Высота – пять тысяч. Впереди ровная как стол снежная дорога и посреди наш караван невольников, связанных одной веревкой. Под ногами четыреста метров льда. И трещины. От брошенной в черноту банки звука приземления не последовало. И два дня такого сомнительного удовольствия. Наконец, устанавливаем лагерь под стеной «Революции» на 5400м. И два дня отдыха. Если, конечно, ночевки и жизнь на высоте Эльбруса можно назвать отдыхом.

Были в этом забытом Богом месте и приятные моменты. Это встреча с экспедицией свердловчан, которые оказались здесь на две недели раньше нас. Их предводительница, «барсиха» Галина Рожальская встретила нас восхитительными блинчиками. Кроме того, что они были очень вкусными, подтвердился и тот факт, что на высоте очень сильно меняются вкусы. Икра черная лососевая, королева всех застолий, которую мы так старательно отскребали с камней рудника «Хрустальный», вставляла комом в горле. Коньяк грузинский «Казбеги» не разбежался по жилам и не согревал. Поэтому тут же килограмм икры черной был обменен на два кило сала – шикарного, украинского с чесноком, а две бутылки божественного «Казбеги» на два литра спирта – чистого, медицинского. Обе стороны были удовлетво-

рены сделкой. Свердловчане потому, что они уже возвращались и внизу коньяк и икра ценились гораздо выше. А мы потому, что сало – прекрасный энергетик, и на больших высотах его едят в холодном и горячем виде даже ярые противники свиноводства. А чистый спирт, кроме прямого антисептического назначения, был прекрасным снотворным. После тяжелой работы на высотном траверсе обычно невозможно заснуть. И бессонная ночь выше 5000 метров превращается в кошмар, когда выход из палатки по нужде поднимает всех жильцов и сопровождается едкими, бодрящими комментариями. А всего десять грамм спирта снимают всю усталость и убаюкивают как материнское молоко младенца.

После пары акклиматизационных выходов определилась основная штурмовая группа. Руководитель восхождения Владимир Бирюков. Тренер Леван Алибегашвили. Капитан команды Женя Стрельцов. Участники – Саша Онин, Дима Бочков.

И вот выход на восхождение. Идем полным составом экспедиции на пик «Передовой», 6 100м. Он торчит прямо над нашим лагерем как часовой на посту. Маршрут не сложный, но высота, однако! На перемычке с «26 Комиссарами» ставим палатку для штурмовой группы. Мы помогли забросить груз, и теперь идем вниз, а пятеро уходят вверх на траверс. Теперь они должны рассчитывать практически только на себя. Хорошей погоды и удачи!

Теперь для нас – группы наблюдателей, – время потянулось очень медленно. Радиосвязь со штурмовой группой была паршивая. В бинокль изредка удавалось увидеть движущиеся точки на гребне. Сидеть на месте в лагере посреди ледяной пустыни было невозможно. Тем более, что вокруг торчат такие красивые вершины: «Революция», «26 бакинских комиссаров», «Парижская Коммуна»! И названия как на подбор. Наверняка спонсорами первовосходителей этих вершин были партийные органы.

С другой стороны ледника названия вершинам явно давали представители романтического крыла интеллигенции. Пики «Антуана де Сент Экзюпери», 6300м., «Омара Хайяма», 6100м., «Александра Грина», 6100м. Это было раздолье для нас. При обсуждении важного вопроса - брать или не брать с собой кошки на пик «Омара Хайяма», – Гена выдал очередную «чемергеску»:

- Если в голове масла нет – кошки не помогут!

Это бессмертное изречение, претендующее на афоризм, пригодилось нам впоследствии в нормальной жизни. А тогда кошки мы взяли и не прогадали. С пика любимого персидского поэта траверс просматривался гораздо лучше. И мы увидели группу уже у вершины «Революции». Из радиостанции вместо полезной информации доносились лишь всхлипывания закипающего чайника, рожденные солнечной радиацией. И уже только при встрече ребят на леднике на 5500 перед нами открылась интересная картина. То, что они были все черные, страшные и обожженные солнцем, это нормально. А кому может быть хорошо на такой высоте при такой пахоте? Но то, что Бирюк изображал из себя однорукого бандита, не радовало. А случилась авария. На выходе на вершину «Революции» из-под ноги Левана выскочил камешек. Небольшой такой. С теннисный мяч. И попал бы он по головке Диме Бочкову, который стоял на двадцать метров ниже. Но тут Бирюк, стоявший рядом на страховке, рефлекторно выставил руку, чем спас бедовую Димкину головушку. Упавшим камнем Бирюку перебило предплечье. Очень повезло - закрытый перелом. И рука левая. Сделали шину и руку прибинтовали к телу. И теперь однорукий инвалид волей неволей стал тормозом. Положение было пиковое... Идти назад по проторенной тропе через пик «26 Комиссаров» очень далеко. Спускаться напрямик по отвесным стенам - очень большой риск. Поэтому ребята приняли решение продолжать траверс и спуститься через вершину к леднику «Грум-Гржимайло».

Володя Бирюков – опытейший восходитель, «Снежный Барс». Тренер республиканского Спартака. Но до того, как стать тренером по альпинизму, служил на тихоокеанском флоте. Совершил два дальних похода на гидрографическом судне. Потом закончил Фрунзенский Политех, по специальности инженер-строитель, и проработал по специальности пять лет. Но горы, которые у нас, во Фрунзе, растут в огороде, перевесили все увлечения. Сначала от Байтикских привалков до Ала-Арчинских вершин. Потом знаменитые экспедиции Политеха в Фанские горы и на пик «Коммунизма». Звание мастера спорта и «Снежного барса». И все почти без особенных травм и происшествий. И вот тебе на! Почти на седьмом небе, рядом с приемной Всевышнего, такой подарок – перелом руки! Может, такое испытание Володе послал сам господь? А с другой стороны, ведь сам же подставил руку под камень. Благородство и жертвенность всегда рядышком.

Дима Бочков, физик из Томска, постоянный партнер Во-

лоди по связке, каждый год в течении десяти лет приезжал на Тянь-Шань. Всеми правдами и неправдами вырывался из своего засекреченного почтового ящика, и, как черт из табакерки, телепортировался во Фрунзе. И шел с нами, то на пик «Каракольский» или «Джигит», то на пик им. Ленина или «Коммунизма». Главное, чтобы впереди были горы и хорошая компания.

А сейчас он чувствовал себя не в своей тарелке. Если бы не Володина рука, может, лежал бы сейчас закопанный в снежной мульде, завернутый в спальный мешок на высоте 6800 метров. В таких местах тело превращается в мумию и сохраняется бесконечно долго.

Почетно, конечно. И место хорошее. Красивое. Далеко видно. Пик «Революции», однако!

Такие «веселые» мысли посетили Димину везучую голову. А таких случаев в Больших горах много. Потому что снять погибшего альпиниста с такой высоты очень сложно. А самое главное, что при транспортировке тела могут погибнуть еще и спасатели. Вот так и возникают вечные памятники между Вершиной и Полярной звездой.

Но не будем о грустном! Реально все были живы, и теперь еще нужно было всего лишь подняться на вершину «Революции» вместе с раненым Володей и спуститься вниз на ледник. Если высоту 5400 метров можно назвать низом. Ерунда какая!

Как Бирюк дошел до конца траверса с одной рукой – одному Богу известно.

Да и сказать по правде не особенно любят ребята рассказывать, как было трудно на восхождении. Все страсти-мордасти, которые показывают в кино об альпинистах и скалолазах, это бред обкурившихся марихуаной режиссеров. Лишь бы поразить воображение экзальтированной части публики. Реальные же технические сложности описаны в отчете о восхождении. Перепад высот, количество пройденных веревок за день, крутизна склона, – это правда. И правда то, что это пот, кровь и просто очень тяжелый труд. Но читать об этом нормальному человеку скучно и не интересно. А что до медалей... Да, получили ребята золото за этот траверс. Но это было позже, когда прошло соревнование отчетов. К сожалению, в альпинизме соревнования проходят заочно. Там, в горах, нет рядом ни соперников, ни судей, ни зрителей. И в результате на заседании судейской коллегии соревнуются бумаги. Фотографии, описания, схемы, графики. И зачастую побеждает не сильнейший, а тот, в чьей команде был лучший фотограф, чертежник и писатель.

Поэтому наша сборная Кыргызстана зачастую проигрывала в этом эпистолярном соревновании. Но в данном случае за дело взялся Стрелец. Громадный опыт в составлении геологических отчетов не прошел даром. Писателем и чертежником он оказался хорошим. Лыщу себя надеждой, что и мои фотографии помогли.

А разве расскажешь о том, как на высоте пахнет перемороженный сахарный снег? А как тяжеленным молотком забиваешь в натечный лед ледовый крюк с милым названием «морковка», а лед выкалывается линзами и сыпется на стоящих внизу друзей по связке, а зацепиться больше не за что, и ты должен дать команду идти им вверх по веревке, которая крепится за эту сопливую опору? Как ухает под ногами фирновый склон, и ты спинным мозгом чувствуешь голос лавины: «Парень, а сейчас ты будешь мой!»? И тогда на мягких лапах ползком, скорее на гребень, где можно свободно вздохнуть... А какими красками можно повторить рождение дня в горах?.. Может, только картины Рериха дают представление об этом таинстве Мира. Но каждый год мы возвращаемся к горам, туда, где остается наше сердце. И если кто-то, прочитавший мои заметки о нашем многострадальном давнем походе, возжелает отправиться следом, по проторенной нами тропе, буду считать свою миссию хоть запоздало, но выполненной. Хорошей погоды и легких рюкзаков, мужики!

КУЛЬТУРА

Валентина
ВОРОПАЕВА

**«А ДУШУ ТВОЮ
ЛЮБЛЮ Я ЕЩЕ
БОЛЕЕ ТВОЕГО
ЛИЦА»**

А.С. Пушкин

Помнится, лет пятнадцать назад в журнале «Литературный Кыргызстан» впервые прочла стихи Малики Шабоевой, посвященные А.С. Пушкину.

*Легко кружится голова.
Каблук взлетает над паркетом.
И верить хочется в слова,
Всегда послушные поэтам.*

*Век девятнадцатый. На бал
Приглашены кумиры света.
И освещен свечами зал
И профиль юного поэта...*

*А муза Болдинской поры
Пред властью вечного блаженства
Еще подарит миг любви,
Его полет и совершенство...*

*Она пока - одна из тайн,
Еще не ставшая заветной...
Но как зыбка меж ними грань
В течение плавном менюэта!*

*Слова, которых слаще нет,
Уже теснятся в сердце певчем.
Еще не грянул пистолет
В туманный день, на Черной речке,
Что оборвет - и этот миг...*

А далее ее же откровения, только в прозе: «Мы даже не задумываемся, насколько мы богаче с Пушкиным, насколько он – в основе нашего миропонимания. Мы смотрим на мир глазами поэта, по-пушкински чувствуем, по-пушкински думаем...»

Это откровение поэта о миропонимании поэта. И нам всем нередко кажется или хочется, чтоб так было – по-пушкински думать, по-пушкински чувствовать. Но почему же до сих пор, вот уже почти 180 лет многие в нашем обществе не хотят признать, что чувствовать и думать по-пушкински – это значит и любить и не любить то, что любил или не любил поэт. Особенно истину, заключающуюся в том, что именно этот миг Любви, ее полет и совершенство поэт пошел защищать у Черной речки, где этот миг любви оборвала пуля.

Почти 180 лет известно, что за этим мигом любви стоит конкретно историческое лицо Натальи Николаевны Гончаровой – жены поэта и матери его четверых детей. И думаем ли мы, чувствуем ли мы на самом деле по-пушкински, если до сих пор не можем признать, что у Черной речки защищал он «полет и совершенство» Своей Любви.

История свидетельствует о том, что в пушкинскую эпоху литература уже готовилась принять на себя особую – «житийную» – функцию, становясь «фиксатором» строго определенных поступков самого писателя. Современник А.С. Пушкина Н.В. Гоголь заметил, что среди русских людей живет «какое-то убеждение, что писатель есть что-то высшее, что он непременно должен быть благороден, что ему многое неприлично, что он не должен и позволить себе того, что прощается другим».

Сам А.С. Пушкин стремился к соответствию нравственной составляющей своего бытия и творчества. Поэт был убежден, «что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают», – писал друг поэта П.А. Вяземский.

Русская культура, не знавшая подробно разработанных семейных ценностей, смысл человеческого бытия сводила исключительно к гражданскому служению. Следует заметить, что

и сам поэт всю жизнь стремился отыскать свой нравственный идеал, твердо следовать ему, утвердить его в общественном сознании своим творчеством. Но общество еще не готово было принять сразу его идеалы, мало того, оно настойчиво вмешивалось в его бытие.

Собственно, и сегодня кто-то из собравшихся у памятника А.С. Пушкину вряд ли вспомнит о его Мадонне.

А между тем следует заметить, что Пушкин умел любить и в любви видел «и божество, и вдохновение, и жизнь...» Когда он понял, что не просто влюблен, а полюбил Натали по-настоящему, сразу же затеял сватовство.

«Я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться...», – пишет он в письме от 5 апреля 1830 г. Н.И. Гончаровой – матери его будущей жены. И далее поэт, почти сомневаясь в себе, продолжает: «...Если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; – может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее *блестящей вдовой**, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, – эта мысль для меня – ад»¹. Провидческие слова: жена поэта Пушкина действительно стала блистательной вдовой. Но блеск этот вот уже почти 180 лет подобен блеску антрацита.

После дуэли, предвидя свою кончину и готовность общества обвинить в случившемся его красавицу жену, ставя ей в упрек если не измену мужу, то по крайней мере легкомыслие и кокетство, Пушкин посоветовал ей уехать на несколько лет в деревню.

«Постарайся, чтоб забыли про тебя* *, – сказал поэт, – потом выходи опять замуж, но не за пустозвона». Пушкинист Галина Седова замечает, что биографы поэта, упоминая об этом со-

* Курсив авт. – В.В.

¹ Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М., 1981. Т. IX. С. 290, 362 – 363.

** Подчеркнуто авт. – В.В.

вете, обычно опускают слова: «Постарайся, чтоб забыли про тебя». Между тем они чрезвычайно важны: только покинув свет, Наталья Николаевна сможет освободить себя от его пристального внимания. С четырьмя детьми она покинула Петербург 16 февраля, отправившись на несколько лет в имение своих родителей – Полотняный Завод.

...Наталья была чрезвычайно застенчива, «скромна до болезненности», «тиха и робка», и увлеченность ею известным писателем Пушкиным подавляла ее. А Пушкин, благоговейно восхищенный классической красотой Натали, был с нею робок и даже застенчив.

Как вспоминают современники, Пушкин с самого начала подобно художнику воспринимал ее как явление из мира искусства. Свидетельством обожествления Натали поэтом является первое его посвящение-сонет невесте, названное «Мадонна»²:

*Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.*

*В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель –
Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.*

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*

Но только первое время он был весь погружен в созерцание и мечтал остаться зрителем этой «одной картины»... Но там, в жизни, где все не так, как на картине – «она с величием, он с разумом в очах», поэт не мог только созерцать. Он жил, любил, боролся, работал и в конечном итоге вышел защищать честь своей «Мадонны» и честное имя свое, оставленное детям.

Литература пушкинской эпохи свидетельствует о том, что не только его красавица жена, но и сам поэт постоянно находи-

² Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. II. С. 179.

лись в центре внимания и потому любой их неверный с точки зрения общества шаг превращался чуть ли не в преступление.

Будучи признанной одной из первых столичных красавиц, пользуясь расположением двора, Н.Н. Пушкина за несколько лет пребывания в свете так и не сумела превратиться в опытную светскую даму. Та чистота и целомудрие ее облика, которые поразили при их первой встрече поэта, продолжали теперь удивлять все светское общество. Пушкин опасался тлетворного влияния высшего света, в котором пришлось им теперь обоим вращаться.

Разумеется, как от жены известного писателя Пушкина, да еще первой красавицы, общество ожидало от Натальи Николаевны надменной холодности и расчетливой значимости, которые в модных салонах Петербурга почитались за высшую добродетель. Но ее естественность и простота не вписывались в «искусство» светской жизни, но без них пушкинская Натали не была бы Мадонной.

Собственно, сам Александр Сергеевич, опасаясь влияния дурных манер света на жену, в одном из писем писал: «Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя».

Хранитель фондов дома-музея А.С. Пушкина на Мойке, 12 в Санкт-Петербурге Галина Седова, более четверти века не только «хранящая», но и более, чем любой другой исследователь, изучающая жизнь семьи Пушкиных, пришла к выводу о том, что совершенная внешность жены Пушкина лишала ее возможности быть обычной женщиной: она постоянно находилась в центре внимания, потому любая оплошность, неловкий шаг превращались в интерпретации светских сплетниц едва ли не в преступление. В этом смысле в глазах общества супруги Пушкины были равны: ни он – первый поэт, ни она – несравненная красавица – не имели права ни оступиться, ни ошибиться: от них постоянно ждали каких-то значимых поступков. Однако если для светских знакомых было важно, умна ли жена Пушкина, то для него самого вопрос состоял в другом: поэт ценил жену за ее душевные добродетели – кротость и смирение, удивительным образом отраженные в ее облике: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, <ч>то с твоим лицом ничего сравнить нельзя н<а све>те - а душу твою люблю я еще более твоего лица»³.

³ Седова Галина. Ему было за что умирать у Черной речки. Санкт-Петербург, 2012. С. 201.

«Бывают странные сближения», писал как-то А.С. Пушкин, но «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», созданная осенью 1833 г., во многом отражала историю вхождения в свет жены Пушкина. Эта сказка – о моральных общественных отношениях, да еще с зеркальцем: «Свет мой, зеркальце, скажи», и написана она Пушкиным. А у поэта все произведения провидческие. В реальной жизни Н.Н. Гончарова легко попала в сети лжи. По странному стечению обстоятельств, «Сказка о мертвой царевне» была помечена Пушкиным 4 ноября 1833 г., а три года спустя, день в день, на семью поэта, на его жену и их дом обрушилась клевета, за которую ему пришлось расплатиться своей жизнью.

Впрочем, характеристика ума и характера Н.Н. Пушкиной обычно отражала отношение того или иного мемуариста не столько к ней самой, сколько к ее мужу. Более сочувственными выглядят оценки людей, благорасположенных к Пушкину, более уничижительными – высказывания его недругов. Последние с радостью готовы были отмечать любые неловкие шаги молодой женщины в свете⁴.

Галина Седова в своем замечательном труде «Ему было за что умирать у Черной речки» приводит один из сюжетов. В начале 1840-х г., уже будучи вдовой, Н.Н. Пушкина вновь появилась в петербургском свете; князь Вяземский, друг поэта Пушкина, напомнив ей о всегда подстерегающей опасности, заметил, что большой свет «видит зло всюду», где находит что-либо скрытое от себя, и выносит свой приговор о людях, следуя «малейшим намекам, которые дают возможность думать, что то, что он не видит, куда более серьезно, чем то, что он видит».

«Ваше положение печально и трудно, – говорил П. Вяземский Наталье Николаевне. – <...> Вы слишком чистосердечны, слишком естественны, слишком мало рассудительны, мало предусмотрительны и расчетливы. <...>. То трудное положение, в котором вы находитесь, отчасти проистекает из-за вашей красоты. Это – дар, но стоит он немного дорого. Вы власть, сила в обществе, а вы знаете, что все стремятся нападать на всякую власть, как только она дает к тому хоть малейший повод <...>. Вы роковым образом не умели никогда <...> взять выигрышную роль, которая предназначена Вам природою и принадлежит по самому законному праву. Вы не умеете царствовать. Не стоило быть столь прекрасной, как Вы, чтобы достигнуть такой печальной цели»⁵.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Там же. С. 200.

Совершенно очевидно, что светское общество именно из-за красоты и простодушия обвиняло Наталью Николаевну во всех грехах, которых она и не совершала, и «раздувало чуть затаившийся пожар».

В предъюбилейные дни 1999 г. нам посчастливилось побывать в Пскове, в Пушкинских горах, где получена была в подарок книга «Письма Пушкина к жене». Их семьдесят восемь, и во всех излюбленные обороты, употребляемые поэтом – «женка», «жена», «милый мой ангел», «ангел мой, Таша», «Наташа, мой ангел», «мой друг», «милый друг». Заканчивались письма обычно очень доброжелательно: «благословляю», «Христос с вами», «Addio, vita mia; ti amo» (Прощай, жизнь моя; люблю тебя) – итал.), «прощай, душа».

Проявление любви и забота о семье, стремление выглядеть надежным и сильным звучат в каждом письме. К примеру: «Не можешь вообразить, какая тоска без тебя», «Тебя, мой ангел, так люблю, что выразить не могу...», «Конечно, друг мой, кроме тебя, в жизни моей утешения нет – и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело». Еще один пример: «Письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки»...

Иногда Пушкин журит жену за какие-то слишком самостоятельные поступки или оплошности: «Цалую твой портрет, который что-то кажется виноватым»; «деру тебя за ухо и целую нежно, как будто ни в чем не бывало», «с ума сошла, что ли», «какая ты дура, мой ангел», «какая ты безалаберная».

В то же время поэт постоянно поощрял действия жены: «Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены»...

Во многих письмах Пушкин сочувствует жене по поводу управления домом: «Я же все беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится, ибо он и пьяница, и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит. Ах, женка душа! что с тобою будет?» В другом письме: «Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что дом наш, и как ты им управляешь?»⁶

А домом Пушкиных управлять было нелегко. Все заботы о

⁶ См.: Пушкин А.С. Письма к жене. Л., 1987.

нем ложились на хрупкие плечи Натальи Николаевны, поскольку Александр Сергеевич был постоянно в разъездах.

Благодаря многотрудной научной работе хранителя фондов музея А.С. Пушкина, Мойка, 12 Галины Седовой узнаем, что в доме Пушкиных было 15 человек наемной и крепостной прислуги: повар, кухарка, конюх, горничные, няни, кормилицы. Всем находилось дело. Горничные убирали комнаты, помогали хозяйке и детям в переодевании и умывании, чистили и ремонтировали одежду, подавали на стол. Кухарка ходила с поваром за провизией, стряпала, мыла полы. Прачка стирала в специально устроенной в доме прачечной. За одеждой и внешним видом барина следил его камердинер, а отдельный лакей должен был бегать по городу, исполняя мелкие поручения. Особый лакей всегда должен был находиться при входе в дом, выполнял функции швейцара. Кучер и конюх присматривали за лошадьми и состоянием экипажей, а иногда еще и выполняли функции истопников.

Обычно челядь вместе со своим нехитрым скарбом размещалась кто в комнатах при кухне или прачечной, кто непосредственно в доме: горничные и лакеи часто спали в соседней от господ комнате, размещаясь на сундуках. Мужчины – в передней, женщины – на половине хозяйки. Всех их полагалось кормить, а тех, кто находился на глазах у посторонних (швейцар, кучер, горничная, накрывающая на стол), еще и одевать.

Нередко городская прислуга, в особенности наемная, норовила обмануть господ. Многие подворовывали, выживая лишние деньги на всяческие хозяйственные нужды. В особенности отличались конюхи, которым удавалось получать деньги на ненужные ремонты экипажей и конской сбруи, излишний корм лошадям⁷.

Естественно, что за всем этим отрядом домашних помощников требовался постоянный присмотр и расходы. Первым, как правило, занималась Наталья Николаевна; вторым – поэт Пушкин. Хотя и Наталья Николаевна нередко изыскивала средства из своего небогатого приданого. Не случайно Александр Сергеевич восклицал: «Мой ангел,.. ты умна, ты здорова – ты детей наших кормишь».

Но не только дом держала в своих руках Наталья Николаевна. Целыми возами перевозила она бумагу из Полотняного завода – вотчины Гончаровых, для издания трудов Пушкина, а

⁷ Седова Галина. Ему было за что умирать у Черной речки. С. 190.

потом и для журнала «Современник». Частенько читала и переписывала произведения мужа.

Действительно, Мадонной, ангелом-хранителем была Наталья Николаевна для А.С. Пушкина, и не только для него. Простые люди «жалели» барыню-красавицу, а по-русски, говорят они, «жалеть» – значит любить. Многие из знавших дом Пушкина рассказывают один и тот же эпизод: «Федька, принеси самовар», – скажет она, и так посмотрит, что Федька улыбнется во весь рот, точно рублем его одарили, и опрометью кинется исполнять приказание.

В 1834 г. Александр Сергеевич, обращаясь к «своей Мадонне»⁸, напишет:

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

Не исповедь ли это перед Мадонной? Думается... да! Исповедь, да еще какая!

Прекрасная Мать – Мадонна, Наталья Николаевна за шесть неполных лет совместной жизни с А.С. Пушкиным родила четверых детей: Машу, Гришу, Сашу, Наташу. Жена Пушкина свято верила, что молитва Матери «со дна моря поднимает», а «благословие отчее утверждает дома чад». Сам поэт воспринимал детей как что-то навек неотделимое от него самого, трогательное и бесконечно дорогое. И потому, наверное, он часто просил свою тещу Наталью Ивановну помолиться о семье. В письмах же к жене Наталье Николаевне он благословлял детей каждого по имени. А друзьям своим с гордостью говаривал: «Представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы».

Поэт не раз задумывался о будущем детей своих. Среди рукописных сокровищ Александра Сергеевича имеется автограф, посвященный потомкам: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»

⁸ Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. II. С. 236.

Наталья Николаевна родила и вырастила четырех детей А.С. Пушкина и трех – П.П. Ланского, второго ее мужа. По понятиям XX в., она вполне может быть причислена к разряду многодетных, добропорядочных матерей. Дочь Натальи Николаевны Александра Ланская записала о последних минутах жизни матери: «...превозмогая страдания, преисполненное любовью материнское сердце терзалось страхом перед тем, что готовит грядущее покидаемым ею детям...» Собственно сама природа наградила Наталью Николаевну материнским знаком – знаком Девы.

Скончалась Наталья Николаевна 26 ноября 1863 г. Похоронена на Лазоревском кладбище – Некрополе XVIII в. Александро-Невской лавры. Эта обитель находится на южных подступах к Петербургу у впадения Черной речки (ныне Монастырка) в Неву...

И опять «странные сближения»: поэт был смертельно ранен у Черной речки, его красавица жена – Мадонна – нашла упокоение там, где воды Великой Невы поглотили воды Черной речки...

В октябре 2012 г. нам довелось посетить могилу Натальи Николаевны, где среди цветов, в основном хризантем, в отдельной вазе красовались белые розы. Эти розы, думаю, возложил на могилу своей прабабушки Александр Александрович Пушкин – праправнук поэта. Здесь, в Петербурге, в это время нам удалось с ним повстречаться на международном конгрессе соотечественников. Удивительно, но это факт: глубокая осень, все деревья – почерневшие, без листьев и только каштан, как шатер, раскинувшийся над могилой Натальи Николаевны, стоит зеленый. Он виден из окон отеля «Москва» где мы проживали, и даже из окон мчавшихся мимо автомобилей... Этот шатер как будто благословляет каждого проезжающего в добрый путь.

О семейной жизни А. Пушкина можно писать бесконечно много и долго. Остается только добавить: поэт всегда считал, что глубокая вера в сердечную чистоту, душевную искренность его Мадонны гарантировала гармонию их семейного бытия. «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив... Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным...»

Можно ли еще что-либо добавить к этому нравственному вердикту Гения русской словесности? Вряд ли!

Перед трагическим 1837 г., в 1836 г. А.С. Пушкин постоянно думает о том, чтобы уехать из Петербурга и поселиться в Михайловском со своей большой семьей. В сборнике «Неизданный Пушкин» (издание А.Ф. Онегина. Атеней, 1922 г.) – эти мысли Поэта звучат как откровение: «Юность не имеет нужды в at home (*домашнем очаге*), зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу – тогда удались он домой.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть»⁹.

Более ранние откровения о ней – матери его детей – 21 августа 1833 г. в письме в Павловское: «Письмо это застанет тебя после твоих имянин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, ч(то) с твоим лицом ничего сравнить нельзя н(а све)-те – *а душу твою люблю я еще более твоего лица**. Прощай, мой ангел, цалую тебя крепко»¹⁰.

Письмо написано А.С. Пушкиным в пути во время предпринятой им экспедиции по следам пугачевского бунта в Оренбург.

Изложенное – это малая толика душевных излияний Поэта.

Пишу об этом, а сама думаю: *Что* или, вернее, *Кто* подвиг меня на эту беспредельную, постоянную, грустно-томительную любовь к А. Пушкину: его Натали или Он Сам? И память воскрешает давнее событие.

В 1955 г. всего три дня в Москве с «однокашниками». И все три дня «караулили» очередь у входа в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, где были выставлены впервые после реставрации (а в 1956 г. переданные Германии) сокровища Дрезденской картинной галереи.

Наконец... входим. И вот Она! Господствующая и своим форматом (так, по крайней мере, показалось вначале), и внутренней значимостью, и известностью – «Сикстинская Мадонна»! Величественная и благородная, с лицом, исполненным невинности и женского величия, в спокойной, – нет, более чем спокойной, – сдержанно-божественной позе.

Потрясенная и замороженная, отрешенная от всего, что меня окружало тогда, забыв обо всем на свете, стояла я перед Ма-

⁹ Цит. по кн.: Вересаев В. Пушкин в жизни. М., 1987. С. 469.

* Курсив авт. – В.В.

¹⁰ Пушкин А.С. Письма к жене. С. 36.

донной. Что еще было в залах музея – не помню... Перед мысленным взором картины, картины, картины, какие-то железные всадники на конях. Хаос... И над всем этим хаосом – ее глаза: огромные, грустные, проникающие в самое сердце! Это они (так мне и сегодня думается), как какие-то жизнетворящие, все освещающие лучи дают ей невесомость и силу с ребенком на руках шагать по парящим облакам среди вечной борьбы Света и Тьмы, Добра и Зла.

«Бывают странные сближенья», – писал когда-то А.С. Пушкин. В самом деле, первая встреча с Москвой подарила мне первую встречу с Мадонной. Да еще с какой Мадонной!

Долго, очень долго все только и знали, что Наталья Гончарова – жена Великого поэта Александра Сергеевича – «ветренная, легкомысленная придворная красавица»... и ничего более. Это из-за нее погиб Великий Русский Поэт. И даже стихотворение М.Ю. Лермонтова наизусть учили: «Погиб поэт, невольник чести...». Правда, мы знали, что стихотворение это было «пощечиной обществу». Но это знание пришло гораздо позднее.

Через несколько дней... Ленинград. И здесь снова множество экскурсий, Петровские места – в первую очередь... И, наконец... Александро-Невская Лавра. И здесь, недалеко от могилы М.В. Ломоносова, вижу надгробие с надписью: «Наталья Николаевна Ланская». Обидно мне тогда, глупой, было: жена Великого поэта, а фамилии его на надгробии нет. Гораздо позже поняла, почему. Потому что – мать Мадонна. Генерал П.П. Ланской воспитал и вырастил детей поэта, сохранив им фамилию Пушкина. А еще Наталья Николаевна Пушкина-Ланская (по фамилии второго мужа) похоронена на родовом участке Ланских. Но и тогда не было в душе досады на Натали, было только чувство какой-то несправедливости... и даже вины перед ней. С тех пор в каждое посещение Петербурга иду в некрополь к памятнику Натали Гончаровой.

В 1965 г. прочла книгу Н. Раевского «Если заговорят портреты». Я потом двенадцать лет с волнением и трепетом ждала обещанной автором книги «Портреты заговорили». Не знаю как для кого, а для меня Н. Раевский стал именно тем человеком, который развеял даже самые малые сомнения и окончательно сделал меня убежденной поклонницей и Поэта, и его Мадонны. И вот «увидела свет» книга Н. Раевского «Портреты заговорили», которая документально развеяла сомнения многих.

До сих пор вспоминаю, как страшилась я за судьбу самого Н. Раевского, человека очень пожилого, с очень трагической

судьбой. Боялась, что не успеет высказать невысказанное, «документально» защитить Наталью, спасти образ Мадонны, в который он, очевидно, сам свято верил.

В Большой Советской Энциклопедии в томе 21 в обширной статье о А.С. Пушкине сказано: «18 февраля 1831 г. венчается с Гончаровой» (с. 730) и «в результате обдуманной и коварной светской интриги между Пушкиным и поклонником его жены... происходит дуэль» (с. 733).

В томе 7 той же БСЭ о Гончаровой Наталье Николаевне – жене Пушкина – нет ни слова вообще. Имеется статья о Гончаровой Наталье – живописце, графике и т.д. Очевидно, это та самая Наталья, которой в свое время восхищалась М. Цветаева, сравнивая ее с Натальей – женой Пушкина. Специальное издание 1987 г. «Письма к жене»... И в нем не находим хотя бы краткой биографии главной героини; в именном указателе к этому изданию Натальи Гончаровой также нет.

Не «вписался» образ Натальи Гончаровой – Мадонны самого Поэта (им так нареченной) в современные представления о женщине?! А может быть, мужчин таких, как великий Пушкин, Великий Мастер, умевший ценить истинную Красоту, не нашлось в наших бурных XX – XXI вв.?!

Все чаще останавливаюсь на мысли: а имеет ли право вообще кто-то судить о чувствах Гениального Поэта и истинной Красоте? Других таких нет. Природа нашла возможным *наградить* их таким даром и *объединить*. И именно потому, что *мы все далеко не такие*, около ста восьмидесяти лет люди никак не хотят понять: может быть, проще и чище просто восхищаться Гениальностью Поэта и Красотой его жены.

В 1985 г., работая над темой «Репрессии в истории Советского Союза», узнаю подробности трагического поворота в судьбе Марины Цветаевой. И удивляюсь: почему же Марина Цветаева столь безоговорочно осуждала Наталью – жену Пушкина, противопоставляя ей другую Наталью Гончарову – живописца, «труженицу» (так она ее назвала)?

Наверное, только поэт, и особенно если это женщина, может так «ревновать», так осуждать жену поэта и, возможно, только за то, что не она защищала честь поэта, а он пошел на смерть, защищая ее честь.

Только гораздо позднее, уже тогда, когда наконец-то общество признало Наталью Гончарову сподвижницей поэта, узнала о том, что сама Марина Цветаева всю свою жизнь защищала своих: мужа, дочь, сына. Трагичной оказалась их судьба.

А о М. Цветаевой в БСЭ сказано: «Находясь в эвакуации, под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств покончила с собой».

И действительно, отправляясь в Елабугу, Марина Цветаева надеялась отыскать своих. Не нашла... И погибла. Здесь не было дуэли: Сама покончила с собой. А, может быть, была дуэль? И тоже между поэтом и обществом?

Есть у М. Цветаевой эссе (наверное, так это можно назвать) «Пушкин и Пугачев» с эпиграфом: «... Пушкин меня заразил любовью...». На самом деле: пушкинской любовью заразились многие и очень давно...

* * *

Наталью Гончарову обвиняют в том, что она не пылала безудержной любовью к великому поэту. А разве она обещала это? Она никогда не скрывала «спокойного равнодушия своего сердца», она никогда его не обманывала и себя ему «не навязывала», хотя и настояла на своем: не отказывать поэту ни в чем. Это он ее выбрал и почти в каждом письме, да и в обращении бытовом называл: «Ангел мой!». Еще до женитьбы он знал, что будет так: «Черт догадал меня грезить о счастье, как будто я для него создан». «Нежна без упоенья», она понимала, что ее святая обязанность слушаться мужа, соответствовать ему, поступать во всем так, чтобы он был доволен.

Родилась она под знаком Девы – Материнским знаком. И до сих пор она осталась виноватой во всех грехах и ошибках своего мужа. И себя чувствовала виновной, и потому до конца жизни постилась по пятницам в день смерти Пушкина.

Эта земная, да к тому же юная женщина за 6 неполных лет в счастливом браке с Пушкиным родила четверых детей:

19 мая 1832 года – дочь Марию;

6 июля 1833 года – сына Александра;

«потеряла» ребенка в 1834 году;

14 мая 1835 года родила сына Григория;

23 мая 1836 года – дочь Наталью.

Каждый год «дарить» поэту по ребенку, да еще быть «обществом» обвиненной в измене!??

Поэт шуточно называл свою жену: «моя косая Мадонна» за взгляд ее не то чтобы косящий, но какой-то золотистый и неопределенный.

Была ли жена Музой для Поэта? Таким вопросом задаются многие. А обязательно ли жене быть Музой для Поэта? В тот 1830 год в его творчестве наблюдается взлет любовной лирики: «Мадонна», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»), «Когда в объятия мои...», «Прощанье» («В последний раз твой образ милый...»), «Пью за здоровье Мери...», «Пред испанкой благородной...» и много других – всех не перечить.

В них: прощание со всеми, дарившими в прошедшие годы счастье, перед новым, трепетным, но пока что неземным образом. С особой любовью и яркостью вспоминаются те, кто все годы дарил ему радость бытия. Но с ними теперь надо расстаться, потому что появился новый образ Мадонны – «Чистейшей прелести чистейший образец».

Возможно, этот образ и вдохновил поэта на «Болдинскую осень», известную всем специалистам-литературоведам. Хотя 31 августа 1830 г. А.С. Пушкин пишет П.А. Плетневу: «Осень подходит. Это любимое мое время – здоровье мое обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов настает – а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Кагеновского»¹¹.

Но поехал-то он в Болдино, в имение своего отца, принимать во владение свою часть наследства в связи с предстоящей женитьбой! И вот вопреки беспокойству именно здесь, в Болдино, в стремлении «остаться у берегов» поэт оканчивает повесть «Гробовщик», «Сказку о попе и работнике его Балде»; повесть «Станционный смотритель», восьмую главу «Евгения Онегина» («Путешествие Онегина»); повесть «Барышня-крестьянка». Написаны поэма «Домик в Коломне» (впоследствии переписанная рукой Натальи Николаевны), повесть «Выстрел». В октябре и начале ноября вновь принимается за работу и оканчивает повесть «Метель», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», трагедии «Каменный гость» и «Пир во время чумы».

После возвращения из Болдино в декабре А.С. Пушкин издает «Бориса Годунова». Вот так «мешали» творить поэту приготовления к свадьбе в ту знаменитую «Болдинскую осень».

Через четыре года после свадьбы, 25 августа 1834 г., в

¹¹ Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. IX. С. 311.

письме к теще Наталье Ивановне в день рождения жены своей Александр Сергеевич «подтверждал» «исполнение своих» желаний: «...сердечно благодарю Вас за 27 (день рождения жены). Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом»¹².

На протяжении четырех с половиной лет семейная жизнь Пушкиных протекала довольно спокойно и счастливо, – казалось бы, ничего не могло разрушить сложившегося согласия. Весь Петербург сходил с ума по первой красавице столицы, и только некоторые смели робко ухаживать за нею. Разумеется, Пушкин замечал этот восторг и не обращал внимания на ухаживания, пока сама Наталья оставалась к ним равнодушной.

Ухаживания Дантеса не оставили ее вполне равнодушной и это обеспокоило Пушкина. Вряд ли Пушкин сомневался в верности своей жены. Но мог ли он быть вполне безучастным к тем сплетням, которые разносились в обществе вокруг их семьи? Известно, что по поводу гения не то что враги, даже друзья охотно злословят – кто-то в душе, а кто-то и вслух. И это уравнивало друзей с недругами. От этого уравнивания жизнь поэта становилась невыносимой.

С марта по май 1836 г., ожидая ребенка, Наталья Николаевна в свет не выезжала. Но домогательства продолжались.

Сегодня уже имеются неопровержимые документальные доказательства о том, что Наталья Николаевна отвергала все домогательства Дантеса и оставалась верна мужу. Но скоро ухаживания Дантеса нарушили все правила приличия, и Наталья рассказала обо всем А.С. Пушкину, который уже готов вызвать негодяя на дуэль. И если бы не вмешательство В.А. Жуковского, сообщившего обо всем царю, драма разыгралась бы на полгода раньше.

Слухи и сплетни продолжали распространяться. Никто, даже друзья поэта, в ту пору не почувствовали той границы, за которую нельзя было переходить.

А что же А.С. Пушкин? Естественно, он всем своим видом показывал неудовольствие. А дома царило по-прежнему согласие. Но... Обратимся к его творчеству, главному свидетелю событий тех дней и того духовного состояния, в котором пребывал сам поэт в 1836 г. – последнем году его жизни...

Закончена «Капитанская дочка» (19 октября) и 1 ноября

¹² Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. X. С. 151.

Пушкин читает ее друзьям у П.А. Вяземского. Перечитаем и мы заново в который раз «Капитанскую дочку» и сравним с «Историей Пугачевского бунта», увидевшей свет гораздо раньше, в конце декабря 1834 года. В «Истории» – с математической точностью А.С. Пушкиным даны материалы о злодеяниях, убийствах, грабежах, разгромах, учиненных восставшими во главе с самозванным царем – Пугачевым. Что же случилось с поэтом, если в «Капитанской дочке» вселенский злодей Пугачев становится «батюшкой-злодеем»?

Марина Цветаева в своем эссе «Пушкин и Пугачев» с эпиграфом: «... Пушкин меня заразил любовью...»* пишет о том, что возможно перед казнью в сознании Е. Пугачева пронесся образ любимой (Елизаветы Харловой?). Возможно, но о последних мыслях Пугачева можно только догадываться.

Меня эти размышления М. Цветаевой натолкнули на мысли о том, что тема Любви и понятия о Чести в этом произведении просматриваются как-то особенно трагично. Сам А.С. Пушкин посчитал необходимым дать возможность Пугачеву рисковать, обманув своих сподвижников, заступиться за любовь Маши и Гринева. Почему?..

Пугачев – предводитель злодеев, а их можно и обмануть! Он помогает влюбленным соединиться и уехать, избежав большой трагедии. Что это? Тоска по незащищенной любви? Очевидно, да!

Скоро, очень скоро сам поэт должен будет заступиться за свою Любовь перед «злодеями» – перед «швабриными» без чести и совести... и даст убить себя, как «невольник» Чести. Петруша Гринев, вызывая на дуэль Швабрина, не был уверен, что вернется живым к Маше. Но... он твердо знал, что, даже погибнув, он сможет защитить само понятие о Чести и женщине, ради которой он пошел на дуэль.

Как это ни горько, и в нашем случае общество не смогло восхититься и сохранить Союз Гения и Красоты. Оно, как и всегда, обсуждало, злословило и травило. И потому, только отдав жизнь, поэт мог защитить Любовь и Честь.

Наталья Николаевна Гончарова, жена поэта, поделила с ним его трагическую судьбу. Наверное, не случайно Дарья Фикельмон, которую в обществе прозвали Сивиллой Флорентийской, 25 мая 1831 г. писала князю П.А. Вяземскому: «Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что в уме его отмечаю серьез-

* В наших очерках эта мысль повторяется не один раз. – В.В.

ный отпечаток, который ему и подходящ. Жена его прекрасное создание, но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономия мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя...»¹³

В дневнике Д. Фикельмон имеются такие строчки: «Пушкин, писатель... Никогда еще он не был таким любезным, таким полным оживления и веселости в разговоре – невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться... Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену, но не хочет еще ее показывать в с в е т е*».

Я увидела ее у маменьки – это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, – лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, – глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, – взгляд не то, чтобы косящий, но неопределенный, – тонкие черты, красивые черные волосы. *Он очень в нее влюблен...*»^{* 14}

Даже по происхождению своему они оба – и Александр Сергеевич, и Наталья Николаевна – принадлежат к плеяде творцов Российского государства. Один из первых известных предков А.С. Пушкина Гаврило Алексич бился с врагом рядом с Александром Невским. Со стороны матери он принадлежит роду Ганнибалов – «птенцов гнезда Петрова». Вотчина Гончаровых – родных Натальи Николаевны – Полотняный Завод – была основана по именному Указу Императора «для делания полотен» для парусного флота, строящегося Петром I. То есть предки Натальи Николаевны – также «птенцы гнезда Петрова». И сегодня в Полотняном Заводе много удивительных мест, одинаково связанных с великим поэтом и его верной красавицей женой. Мечтал А.С. Пушкин на этой калужской земле приобрести «именьице»... да не случилось.

В вотчине Ганнибалов, на Псковщине в Святогорском монастыре могила поэта и его родителей. Именно здесь по-настоящему ощущается вся жизненная реальность великой утраты человека со всей его гениальностью и человечностью. Он жил, страдал, любил, ревновал и был до конца верен и своей Мадонне, и своему Творчеству, в коем его Мадонна была сподвижни-

¹³ Вересаев В. Пушкин в жизни. С. 264.

* Разрядка в тексте Д. Фикельмон.

** Курсив авт. – В.В.

¹⁴ См.: Вересаев В. Пушкин в жизни. С. 669.

цей. И сегодня, в наш бурный XXI век, веру и верность, любовь и честь все еще необходимо защищать, да так, чтобы все увидели и укрепились в той великой вере и верности, как Иисус на кресте... как Поэт на Черной речке... и что Черный траур по Любви будет еще долго бродить по земле. Неужели Вечно? Наверное, потому, несмотря на злобу «толпы», в душе каждого из нас всегда жила генетически обусловленная грустная любовь к Поэту через его Мадонну – Натали.

В Петербурге на Мойке, в квартире Пушкиных, с траурным, но светлым кабинетом поэта, на небольшом столике – портрет Натали – Мадонны поэта, исполненный А.П. Брюлловым по просьбе Александра Сергеевича почти через год после свадьбы (конец 1831 – начало 1832 г.). А. Брюллов, большой друг поэта, написал портрет Натали в свадебном платье, как пожелал А.С. Пушкин. Этот портрет (а он небольшой, 21,1x17) Александр Сергеевич повсюду возил с собой, в сундучке вместе с рукописями. В августе-сентябре 1833 г., собирая материал о пугачевском бунте, он записывал песни и рассказы современниц Пугачева. И, показывая портрет Натальи Николаевны старым казачкам, говаривал: «Она станет твои песни петь». Из Болдино (11 октября) поэт пишет жене: «... слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой... Прости, целую вас и благословляю...»¹⁵

Еще один «экспонат»... Небольшая кушетка, стоящая в комнате Натали. Стоит как-то неловко, как бы не на своем месте, но... изголовьем к двери, ведущей в детскую комнату, – чтобы слышать детей.

В последние часы жизни А.С. Пушкина эта кушетка была перенесена в детскую и обращена изголовьем к двери, ведущей в его кабинет. Теперь здесь жена проводила все время. Поэт знал, очевидно, об этом и, тревожась о ней, говорил доктору Спасскому: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском».

Обращаясь к Наталье Николаевне в последние трагические часы, он говорил: «Не упрекай себя моей смертью: это – дело, которое касалось одного меня... Будь спокойна; ты невинна в этом»¹⁶.

29 января А.И. Тургенев писал: «Пушкин слабее и слабее... Надежды нет. Смерть быстро приближается; но умирающий сильно не страдает; он покойнее... Жена подле него, он беспрестан-

¹⁵ Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. X. С. 103.

¹⁶ См.: Вересаев В. Пушкин в жизни. С. 578, 579.

но берет ее за руку. Жена – сила любви дает ей веру – когда уже нет надежды! Она повторяет ему: «Tu vivras!» («Ты будешь жить!»)¹⁷.

Незадолго до смерти он позвал Наталью Николаевну и попросил покормить его моршкой. Она опустилась перед ним на колени и поднесла ложечку к губам. А в 14 часов 45 минут его не стало.

Все современники в своих дневниках и письмах единогласно утверждали, что страдания Натальи Николаевны были ужасны. Княгиня Вяземская писала Е.Н. Орловой: «С ней сделались самые страшные конвульсии; она закрыла глаза, призывала своего мужа, говорила с ним громко: говорила, что он жив; потом кричала: «Бедный Пушкин! Бедный Пушкин! Это жестоко. Это ужасно! Нет, нет! Это не может быть правдой! Я пойду посмотреть на него!». Тогда ничто не могло ее удержать. Она побежала к нему, бросилась на колени, то склонялась лбом к одедевшему лбу мужа, то к его груди, называла его самыми нежными именами, просила у него прощения, трясла его, чтобы получить от него ответ. Мы опасались за ее рассудок...»¹⁸

Доктору Далю Наталья Николаевна говорила: «Я убила моего мужа, я причиною его смерти; но Богом свидетельствую, – я чиста душою и сердцем!»¹⁹

Конечно же, убийцей мужа она не была. После похорон, следуя его наказу, она с детьми уехала в Полотняный Завод. И здесь в Полотняном ей многое напоминало о дорогом и близком ей человеке. В письме к С. Карамзиной она сообщила: «Я выписала сюда все его сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватило мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют: читать его – все равно, что слышать его голос, а это так тяжело». Она по-прежнему считала, очевидно, себя виновницей гибели мужа.

Долли Фикельмон была права: «Большой свет видел все и мог считать, что поведение самого Дантеса было верным доказательством невинности госпожи Пушкиной, но десятки других петербургских обществ, гораздо более значительных в его глазах, потому что там были его друзья, его сотрудники и, наконец, его читатели, считали ее виновной и бросали в нее камнями...»²⁰

¹⁷ Там же. С. 596.

¹⁸ См.: Вересаев В. Пушкин в жизни. С. 600.

¹⁹ Там же. С. 602.

²⁰ Там же. С. 688.

По-разному «свет» относился к гибели Пушкина. Но были его друзья и его ближайшее окружение, которые не видели вины жены Пушкина. Кстати, через семь лет, 26 ноября 1842 г. Д. Фикельмон писала сестре Е.Ф. Тизенгаузен из Вены: «Мы не будем видеть Г-жи Дантес (Екатерина Гончарова – сестра жены Пушкина), она не будет появляться в свете и особенно у меня, потому что знает, с каким отвращением я увидела бы ее мужа».²¹

До сих пор стоит вопрос: так ли неизбежной была эта дуэль? Очевидно, да! А.С. Пушкин не видел другого выхода. Терпеть насмешки он не мог – да и нельзя, невыносимо. Скрыться или спрятаться – невозможно, да и не в характере поэта, любившего свою жену, понимающего величину своей личности и таланта своего. Другого выхода просто не было. Он выбрал Честь и готов был защищать ее ценою жизни.

Современники писали, что и на смертном одре между приступами мучительной боли он звал ее, старался утешить и уверял, «что никогда, ни на одну минуту не лишал ее своего доверия и любви». Прощаясь, он сказал: «Постарайся, чтобы забыли про тебя, потом выходи опять замуж, но не за пустозвона». Наталья Николаевна вышла замуж только в 1844 г., то есть почти через 7 лет, за генерала П.П. Ланского, человека действительно порядочного и любящего ее. По его желанию они и похоронены рядом в Александро-Невской лавре. Она – в 1863 г., он – в 1877 г.

По воспоминаниям детей, особенно детей П.П. Ланского, она всю жизнь хранила память об Александре Сергеевиче и прививала всем им уважительное к нему отношение.

Творческий мир А.С. Пушкина сложен, разнообразен, богат и таинственен. Но и в нем просматривается ответственное отношение не только к образу Мадонны-Матери, но и к ребенку с «разумом в очах», причем с надеждой на его «благословение».

В 1828 г. А.С. Пушкин, еще не будучи женатым, но, очевидно, уже осознавая ответственность перед будущими детьми, посвящает «Эпитафию младенцу»²²:

*«В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца».*

Благороднейшие чувства поэта обращены были к двухлетнему ребенку, который «молит за отца» – декабриста С. Волкон-

²¹ Пушкинская энциклопедия. 1799 – 1999. М., 1999. С. 585.

²² Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. II. С. 141.

ского, сосланного на каторгу, и «благословляет мать» – Марию Николаевну, последовавшую за мужем в Сибирь.

Не раз, очевидно, задумывался поэт о будущем детей своих. Среди рукописных сокровищ Александра Сергеевича имеется автограф, посвященный потомкам: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»

И в самом деле, А.С. Пушкин воспринимал детей как что-то навек неотделимое от него самого, трогательное и бесконечно родное.

В письмах к жене Наталье Николаевне он благословлял детей каждого по имени. «Беззубой Пускиной» любовно называл он первую дочь Машу. «Моя дочь в течение последующих пяти–шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы... созданыца эти так хрупки, что невозможно без содроганья смотреть на их страданья».

Его волнует все, что происходит в семье – с женой, детьми: «... помнит ли меня Маша? Нет ли у нее новых затей?». «Что, если Маша больна?». «Маша просится на бал и говорит, что она танцевать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют?». «...Целую ручку у Марии Александровны и прошу ее быть моей заступницей у тебя».

«А каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? Не ожидал я этого от него», – восторгался поэт своим первым сыном.

«...как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой, с моим тезкой я не ладил.

Не дай бог ему идти моим следом, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибешь!».

«Рыжим Сашей Александр очарован. Всегда присутствует, как маленького одевают, кладут в кроватку, убаюкивают, прислушивается к его дыханию. Подходя, три раза его перекрестит, поцелует в лобик и долго стоит в детской, им любуясь», – говаривала Наталья Николаевна.

«Что ты про Машу ничего не пишешь? Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затеи».

«Читаю Вальтер Скотта и Библию, а все об вас думаю. Здоров ли Сашка?». «Сверх того, прошу не баловать Машку, ни Сашку!».

«Хорошо, коли проживу я лет еще 25, а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения им мало будет в том, что

их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила на Аничковых балах», – писал он, тревожась о судьбе детей своих²³.

Больше других детей успели получить восторженной любви своего великого отца Маша и Саша. Около пяти лет было Маше и менее четырех – Саше, когда погиб их отец.

Молитвами матери своей жены спешил заручиться Александр Сергеевич по случаю рождения сына Гриши в мае 1835 г.: «Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна. Имею счастье поздравить Вас со внуком Григорием и поручить его Вашему благорасположению... Наталья Николаевна родила его благополучно... Она поручила мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному»²⁴. Крестным отцом Гриши стал Василий Андреевич Жуковский. Григорий Александрович Пушкин всю свою жизнь (скончался 5 июня 1905 г.) хранил незамутненной памятью о своем отце и своей матери.

«Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь кажется и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; *один отец семейства смотрит без зависти на молодость**, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились...». «...Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда»²⁵, – писал в мае 1836 г. Александр Сергеевич. Наталья Николаевна родила четвертого ребенка. И в этот раз, радостная и счастливая, и, как всегда, ангельски прекрасная, преподносила очередной подарок счастливому отцу. Дочь Пушкина Наталья в свои молодые годы яркой звездой сияла в столичном свете. Ее красота, «хотя она унаследовала африканский тип ее знаменитого отца», была «еще обаятельнее красоты ее матери», – считали современники.

Наталья Николаевна родила и вырастила четырех детей А.С. Пушкина и трех – П.П. Ланского. По понятиям XX века, она вполне может быть причислена к разряду многодетных, добропорядочных матерей. В одном из писем своему второму мужу – П.П. Ланскому она писала о детях: «... я их очень люблю, это чтобы удовлетворить мою страсть быть матерью многодетной семьи. Кроме моих семерых, ... я умею раздобыть себе детей,

²³ См.: Пушкин А.С. Письма к жене за 1833 – 1836 гг.

²⁴ Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. X. С. 166 – 167.

* Курсив авт. – В.В.

²⁵ Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. X. С. 208.

не утруждая себя носить их девять месяцев и думать о будущей жизни каждого из них, потому что, любя их всех так, как я люблю, благословение и счастье их – одна из самых главных моих забот...».

Дочь Натальи Николаевны Александра Ланская-Арапова записала о последних минутах жизни матери: «... преодолевая страдания, преисполненное любовью материнское сердце терзалось страхом перед тем, что готовит грядущее покидаемым ею детям...».

Пора, очевидно, в который раз поставить вопрос: чью же Честь защищал поэт на дуэли?

Перечитав вновь и вновь страницы семейной жизни поэта, его рассуждения о «бескорыстной мысли», приходишь к неопровержимому убеждению: поэт защищал Честь Мадонны – матери своих четверых детей; Честь – Имени своего, переданного детям; Честь – «благороднейшей надежды человеческого сердца» – будущего детей своих.

В 1917 г., через 80 лет после гибели Пушкина, двадцатилетний А.Л. Чижевский²⁶, обращаясь к проблеме отношений великого русского поэта и общества к трагическим событиям тех дней, писал:

*«...К скале, как Прометей, прикован,
Поэт мог горько проклинать,
Что здесь рожден и уготован
Судьбину страшную принять.
И принял он. Но гнев народа
Не воспылал. Поэт затих.
Лишь хитроумная природа
Зло улыбнулась в этот миг»²⁷.*

И, тем не менее, пусть даже зло улыбнувшись, «хитроумная природа» дала миру пример печально-трогательной Супружеской Любви Гения и Красавицы-Мадонны.

* * *

В 2001 г. снова «встреча» с А.С. Пушкиным и его Мадонной – Натали. На Калужской Земле, связанной с великим строите-

²⁶ А.Л. Чижевский – великий ученый-космист XX столетия, смелый ученый-биофизик, утонченный поэт, талантливый художник и вдохновенный музыкант. В 1942 – 1956 г. подвергался репрессиям.

²⁷ Чижевский А.Л. В науке я прослыл поэтом... Стихотворения. Калуга. Золотая Аллея. 1996. С. 211 – 213.

лем Русского государства Петром I и великими космистами К.Э. Циолковским и А.Л. Чижевским...

«Пусть бы всякий вносил вкладчину все, что знает не только о Пушкине, но и о других замечательных мужах наших... Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потемках, иные уже угасли, и едва ли не навсегда; много подробностей его жизни известно на разных концах России: их надо бы снести в одно место...»²⁸

Замечательным собранием «алмазных искр Пушкина» стал удивительный музей-усадьба Полотняный Завод. Это уникальный фабрично-усадебный комплекс, расположенный в крутой излучине реки Суходрев, в 35 км от г. Калуги. «Это удивительный музей великих – русской промышленности и предприимчивости, русского барства и растанбарства, таланта и бесталанности русского человека, но может быть, более всего – это музей поэтической русской души и очарованности.

Здесь, на живописных берегах Суходрева, выросла Наталья Николаевна Гончарова, первая русская красавица своих дней.

Это музей «любви и божества, поэзии и вдохновения»²⁹. Здесь, в Полотняном Заводе, нашел А.С. Пушкин свою избранницу и судьбу и потому, очевидно, переживал самые счастливые мгновения своей жизни, когда сватался к ней или тогда, когда был уже счастливым и заботливым отцом своих детей. Письма поэта к Наталье Николаевне – документы-свидетельства. Каждое из них начинается обращением: «Ангел мой!».

Немного истории и параллели...

В 1718 г. по Указу Петра I калужский купец Т.Ф. Карамышев основал здесь парусно-полотняную, а в 1720 г. бумажную мануфактуры. Компаньонами-совладельцами были Г.И. Щепочкин и А.А. Гончаров. Официальное же включение А.А. Гончарова в состав компании Т.Ф. Карамышева произошло в 1732 г. По разделу 1735 г. А.А. Гончаров стал владельцем значительной части парусно-полотняной и бумажной мануфактур.

Полотняный Завод связан с тем историческим временем, когда Петр I «прорубил окно в Европу», строил флот, бывший в ту пору парусным. Шла Северная война, и Петр I повелел «для делания полотен построить заводы в том месте, где приищет...».

²⁸ Даль В.И. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 226.

²⁹ Трефилов В. Полотняный Завод. Опыт путеводителя. Калуга. Золотая Аллея. 2000. С. 5.

Афанасий Абрамович Гончаров – прапрадед Натальи Николаевны – жены А.С. Пушкина.

Примерно в то же время «птенец гнезда Петрова» Абрам Петрович Ганнибал, прапрадед А.С. Пушкина, вступил во владение подаренным ему за верную службу имением – Михайловской губой в Псковской губернии. Сельцо Михайловское стало владением третьего сына Ганнибала – Осипа Абрамовича, деда А.С. Пушкина.

Много общего между предками А.С. Пушкина и его избранницы Н.Н. Гончаровой, которые в жизни своей обязаны были «смотреть не токмо для своей, а для Государевой пользы...».

Существует предание, по которому якобы еще при основании фабрики из Голландии Петр I обращался именно к Афанасию Гончарову: Послал-де он в Полотняный искусного «плотного мастера», сообщая, что коли жалование тому окажется непосильным для фабрики, «то он, Государь, будет ему платить свое». Письмо это не сохранилось, но та же легенда утверждает, что Афанасий Гончаров очень дорожил этим письмом. В усадьбе имеется портрет XVIII в., на котором неизвестный художник изобразил родоначальника династии именно с этим письмом.

Парусные полотна гончаровских фабрик славились не только в России: «из Англии именно требовали полотен его», а «бумага его почиталась первою» в родном государстве. Утверждают, что весь английский флот того времени ходил под гончаровскими парусами.

Императрица Елизавета вслед за своим отцом Петром I «выделяет» А. Гончарова из общего ряда людей государевых. По указу Императрицы он был пожалован «в чин Коллежского Ассессора в ранг Майорский 1742 года сентября 6 дня». Это возвышение давало право на потомственное дворянство. Такое выделение из общего ряда – свидетельство того, как ценили самого Афанасия Абрамовича и его продукцию при дворе Ее Императорского Величества.

Екатерина II тоже благоволила к А.А. Гончарову. Для него она делает исключение из общего положения, не позволяющего фабрикантам покупать деревни. Это исключение из правил узаконено было именным указом в 1763 г.

В декабре 1775 г. Императрица Екатерина II, навестив Калугу в своем путешествии по России, пожелала посетить и Полотняный Завод. Императрица Екатерина осталась довольна делами Завода. Наградила А. Гончарова медалью за хорошее качество бумаги и дала статус «поставщика двора Ее Импера-

торского Величества». С 1775 г. на писчей бумаге фабрики стали ставить водяные знаки, медали и почетное звание Гончарова.

Наследники Афанасия Гончарова, после его кончины 20 января 1784 г., не умножили ни доходов, ни славы Полотняного Завода. Напротив, труд и радение многие из них считали низменными.

К тому времени, когда отец Натальи, будущей жены А.С. Пушкина, «вступил» во владение Полотняным Заводом, сумма Гончаровых заметно оскудела.

В сентябре 1812 г. Н.А. Гончаров из предосторожности увез семью в Тамбовскую губернию к родственникам жены, где и родилась Наталья Николаевна Гончарова...

Светлейший князь М.И. Кутузов вел русскую армию по старой калужской дороге. Он был уверен, что из Москвы Наполеон двинется на Калугу и рассчитывал встретить его здесь. Так и случилось.

В трехэтажном доме Гончаровых расположилась гаупт-квартира. Здесь же пребывал сам М.И. Кутузов, который «весьма... благодарил хозяев за порядок, нашедший... на Заводе, и им даны караулы расставные при всех магазинах и фабриках, также и по садам для сбережения всего имущества...».

Однако размещение штаба русской армии в Полотняном Заводе не приветствовалось Светом. В салонах «обвиняли Кутузова и говорили, что он с самого начала кампании мешал им победить Наполеона, что он думает только об удовлетворении своих страстей и не хотел выходить из Полотняных Заводов, потому что ему там было покойно...» (Л. Толстой. «Война и мир»).

И царь Александр I, и часть генералитета, не жалующие полководца, не понимавшие его замыслов, не одобряли стратегии Кутузова. Царь писал ему: «... ненужное и пагубное отступление Ваше после сражения под Малым Ярославцем до Гончарова уничтожили все преимущества положения Вашего...».

М.И. Кутузов, уверенный в своей «стратегии», из своей ставки в Полотняном Заводе писал Голове города Калуги: «Именем моим поручаю Вам успокоить купеческое и мещанское сословия, которые, как я слышал, пустыми слухами приведены в волнение и опасность. Уверьте их, что я ищущу дать врагу сражение, но никак не ретируюсь, и что цель моя не в том состоит, чтобы выгнать неприятелей из пределов наших, но чтобы, призвав в помощь Всемогущего Бога, изрыть им могилы в недрах России. Уповайте на Бога, молитесь о поддержании сил и храбрости

нашего воинства, исполняйте ваши обязанности и будьте покойны, Вы есть и будете защищены...».

Только убедившись, что Наполеон не решился идти на Калугу и неприятельская армия вышла на Смоленскую дорогу, М.И. Кутузов выступил вслед за ним в сторону сел Кременского и Вереи.

Все документы об этих событиях находятся в Калужском музее, расположенном в том самом доме, где останавливалась Екатерина II во время своего пребывания в Калуге...

Но вернемся к поэту и его Натали.

После подавления выступления на Сенатской площади и суда над декабристами атмосфера в Российском высшем свете изменилась не к лучшему. Свобода, дарованная новым царем А.С. Пушкину, оказалась «объявленной». На самом деле он оставался тем же гонимым поэтом, вынужденным отчитываться через его высоких слуг «как смиренный оптинский монах перед своим старцем».

Все его творчество – стихи, письма полны беспокойства и тревоги. Сама жизнь кажется ему тягостной и бессмысленной. Но... вот случилось чудо: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете...». Скоро он делает предложение, но ответ уклончив: дочь слишком молода.

Только в апреле 1830 г. вторичное предложение было принято, хотя с некоторыми условиями. Наконец, 18 февраля 1831 года – свадьба. «Я женат – я счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось...», – писал он.

«Так случилось, что уже никогда ни в прошлом, ни в будущем не представить без Пушкина не только самого Полотняного Завода, но и его широких окрестностей, независимо от того, ступала ли там нога поэта... Ни в стихах, ни в прозе не обмолвился он об этих местах... И теперь, по прошествии двух веков, чего не сказал, чего не успел выдохнуть здесь, в Полотняном, Пушкин, слово по слову, штрих за штрихом, полунамеками, нетерпеливой импровизацией... пытаются досказать призванные к этому художники... посредники между его бытием и бессмертием. Они обращают нас в свидетели прошлого века, дают возможность встретиться с кумиром и признаться ему наедине в своих лучших чувствах»³⁰.

Попытаемся сделать и мы это – встретиться вновь с кумиром и опровергнуть измышления, слишком живучие...

³⁰ Из письма писателя В. Волкова калужским художникам // Трефилов В. Полотняный Завод... С. 49.

Письма жене – подвижнице его творчества, свидетельства его уверенности в том, что женитьба на Наталье Николаевне дает ему творческое вдохновение.

А.С. Пушкин – Н.Н. Пушкиной в Полотняный Завод 30 июня 1834 г.

«... Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет – и жить с тобой в разлуке так же глупо, как и тяжело. Но что же делать? После завтраго начну печатать Пуг(ачева), который до сих пор лежит у Сперанского...»³¹

А.С. Пушкин – Н.Н. Пушкиной в Полотняный Завод около 29 мая 1834 г., Петербург.

«... Ты спрашиваешь меня о Петре? Идет помаленьку: скопляю материалы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок. Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Виельгорского, Вяземского – все тебе кланяются...»³²

А.С. Пушкин – Н.Н. Пушкиной в Полотняный Завод 11 июля 1834 г.

«... Не еду к тебе по делам, ибо и печатаю П<угачева>, и закладываю имение, и вожусь, и хлопочу – а письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало: если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки. Кабы ты видела, как я стал прилежен, как читаю корректуру, как тороплю Яковлева! Только бы в августе быть у тебя...»³³

А.С. Пушкин – Н.Н. Пушкиной 26 июля 1834 г.

«Наташа, мой ангел, знаешь ли что?»

Я беру этаж, занимаемый теперь Вяземским. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку, бояться чахотки. Дай бог, чтоб юг ей помог... Пожалуйста, не сердись на меня за то, что медлю к тебе явиться. Право, душа просит, да мошна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания... Все слажу – и сломя голову к тебе прискочу. Сейчас приносили мне корректуру и я тебя оставил – для Пугачева. В корректуре я прочел, что Пугачев *поручил Хлопуше грабеж заводов**. Поручаю тебе грабеж заводов – слышишь ли, моя Хло–Пушкина? Ограбь заводы и возвратись с добычей. В свете я не бываю...»³⁴

³¹ Пушкин А.С. Письма к жене. С. 65.

³² Там же. С. 58 – 59.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ Пушкин А.С. Письма к жене. С. 68 – 69.

* Курсив А.С. Пушкина.

Только 26 августа А.С. Пушкин приехал в Полотняный Завод. Много работает, пользуясь книгами богатой Гончаровской библиотеки. В своем дневнике он записал: «На Заводе прожил две недели. Потом привез Наталью в Москву».

В августе 2001 г. мне, да еще с 16-летней внучкой Викой, посчастливилось побывать в музее-усадьбе в Полотняном Заводе. Действительно – это музей любви и божества, поэзии и вдохновения.

Сначала проходили пруды, мосты, какие-то насаждения... «Большой дом» незаметен издалека и подошли к нему как-то сбоку и только потом вдруг оказались перед парадным подъездом. Трехэтажный дом, с бессчетным количеством окон похож скорее на школу, чем на дворец. Дом построен прочно, просто, без затей. Слово крепость возвышается он над землей, напоминая о временах давно минувших. Глядя на этот белокаменный дворец, невольно подумает об огромности, богатстве и великолепии мира, в котором выросла Наталья Гончарова.

Всех входящих в дом гостей сегодня встречает гипсовое кресло на постаменте, как будто ненадолго оставленное поэтом. А рядом – вдохновенная статуя Музы.

По капитально-уютной, но изящно исполненной деревянной лестнице поднимаемся на второй этаж, пронизанный вдоль обоих фасадов дома двух анфилад – следующих одна за другой комнат. Все комнаты просты, лишены изысков и украшений, с невысокими по тем временам потолками.

Почти во всех комнатах подлинная мебельная гарнитура и подсвечники. Зеркало и стулья, кресло и шкафы с книгами – дух дворянской эпохи. В столовой – стол-сороконожка и часы. Они могли бы многое рассказать об именитых особах, бывавших здесь, и, конечно, об А.С. Пушкине с его избранницей Натали.

Полотняный Завод славился не только бумагой и полотном, но и канарейками, которых продавали даже на Дальний Восток и в Китай. Об этом напоминает помпезная клетка для птиц.

В «китайской» комнате, стены которой обтянуты изысканной тканью с китайским рисунком – цветные сосуды китайского фарфора на бронзовых подставках. Комната овальной формы с мягкими диванами. Здесь любил уединяться А.С. Пушкин, беседуя с Натали или, чаще, с книгой. Известно, что Китай всегда привлекал поэта, и здесь, в Полотняном Заводе, он облюбовал маленькую частицу этой манящей страны.

Современные витрины музея занимает в большинстве сво-

ем образ А.С. Пушкина. Отсюда начинается повествование о жизни семьи поэта после дуэли.

Самое большое место и на территории Полотняного Завода, и среди забот и внимания Гончаровых занимали сады и парки.

В саду между деревьями создавались грядки с овощами и всем, что необходимо было хозяевам и гостям, часто бывавшим здесь. Для полива сада и грядок вырывались специальные пруды, а в них разводилась рыба.

Много чудного и удивительного осталось до сих пор в парках. Привлекает полукилометровая Елизаветинская аллея, названная потом Пушкинской. Как могучие великаны стоят посаженные двести лет назад дубы и липы. Парк давно одичал и стал лесом. Но если вспомнить, как любил бродить здесь когда-то поэт, уединяться в беседке в конце аллеи, то сразу же представляются «подстриженные» липы, живописные заросли, рожицы и редколесье, чередующиеся с полянами, лужайками и лужками...

После гибели А.С. Пушкина, следуя его наказу, 25-летняя Наталья Николаевна с четырьмя детьми приехала в Полотняный Завод. Здесь, как говорил ее брат Дмитрий, «она чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат».

Она тяжело переживала утрату дорогого и близкого ей человека, тем более, что многое в Полотняном Заводе напоминало о нем. В письме к С. Карамзиной Наталья Николаевна сообщала: «Я выписала сюда все его сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватило мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют: читать его – все равно, что слышать его голос, а это так тяжело».

Летом 1837 г. в Полотняный Завод приезжал В.А. Жуковский – один из самых близких к А. Пушкину современников. Он с большой заботливостью относился к поэту и его семье.

П.В. Нащокин – ближайший друг А.С. Пушкина. Он присутствовал на свадьбе поэта и навещал Наталью Николаевну в Полотняном Заводе в 1837–38 гг.

Нежно любила Наталью Николаевну ее тетка Е.Н. Загрязская. С большой симпатией относилась она и к поэту. После гибели А.С. Пушкина она сопровождала Наталью Николаевну с детьми на Полотняный Завод и прожила здесь с ней некоторое время.

Встречи с друзьями поэта только на некоторое время скрашивали жизнь молодой вдовы... В основном же, очевидно, в огромном доме в окружении многочисленных, шумных и часто бесцеремонных родственников, да еще без Пушкина... ей было неуютно и тоскливо. И только забота и беспокойство о будущем четырех детей Александра Сергеевича давали ей силы...

Георгий ХЛЫПЕНКО

**Библиографический
список
книжных изданий
писателей
Кыргызстана,
создающих
произведения на
русском языке, за
2010–2013 годы**

2010

Ащеулов Дмитрий. Бальзатар Неверро: [Рассказы и повести]. – Бишкек: Лит. Кыргызстан, 2010. – 170 с.

Газиев Аман. На берегах Яксарта: Историческая повесть. – Бишкек, 2010. – 421 с.

Газиев Аман. Пулат-хан: Историческая повесть. – Бишкек, 2010. – 349 с.

Газиев Аман. Великие предки из Средневековья: Исторические новеллы. – Бишкек, 2010. – 311 с.

Газиев Аман. Киргизские лидеры – долгий путь к России: Исторические новеллы. – Бишкек: Илим, 2010. – 333 с.

Газиев Аман. На берегах Иссык-Куля. Горная царица Алая. Пржевальский Буревестник: Исторические повести. – Бишкек: Илим, 2010. – 251 с.

Дудашвили Сергей. Неизвестный Кыргызстан: Путешествие в параллельный мир. – Бишкек, 2010. – 162 с.: ил.

Иванов Александр. Владимир Плоских: Повесть. – Бишкек: ЖЗЛК, 2010. – 406 с. – (Жизнь замечательных людей Кыргызстана).

Кадыров Виктор. Знаки Неба: Повести. Очерки. – Бишкек: Раритет, 2010. – 287 с.: ил.

Колесников Евгений. Вечернее: Избранные стихи. – М.: МГО СП России, 2010. – 177 с.

Луговая Светлана. Одуванчики: Стихи с раскрасками. – Бишкек: Салам, 2010. – 27 с.: ил.

Мейманалиев Тыныбек, Мейманалиев Бакыт. Сырттан: Повесть. Потомок императора: Роман. – Бишкек: Бийиктик, 2010. – 334 с.

Салега Лариса. Сменяются листки в календаре: Стихи. – Бишкек: Бийиктик, 2010. – 191 с.

Суслова Светлана. Предрассветный полёт стрекозы: Повесть. – Бишкек, 2010. – 261 с.

Шульгин Николай. Сто лопат: Сборник несерьёзных (?) рассказов. – Бишкек: Турар, 2010. – 199 с.

2011

Байджиев Мар. Сказания о Манасе, Семетее и Сейтеке: Поэтическое переложение кыргызского эпоса «Манас» /Ред. и авт. предисл. Г. Н. Хлыпенко. – Бишкек: изд-во КРСУ, 2011. – 229 с.

Дудашвили Сергей. Собрание путешествий. – Бишкек: Салам, 2011. – 439 с.: ил.

Зайцев Александр. Волшебным полётом маня: Стихи. – Сестрорецк, 2011. – 61 с.: ил.

Крячун Александр. Оцепенение: [Рассказы и повести]. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 195 с.

Луговая Светлана. Канай: Легенда. – Бишкек: Салам, 2011. – 57 с.

Никитенко Александр. SMS: Стихотворения. – Бишкек, 2011. – 224 с.

Никитенко Александр. Чёрный ящик: Стихотворения и Книга молчания. – Бишкек: Салам, 2011. – 227 с.

Сборник рассказов / Лит. объединение «Ковчег». – Бишкек, 2011. – 21 с.

Сборник стихов / Лит. объединение «Ковчег». – Бишкек, 2011. – 21 с.

Тимирбаев Вячеслав. Анарбек Бакаев. – Бишкек: ЖЗЛК, 2011. – 228 с. – (Жизнь замечательных людей Кыргызстана).

Шаповалов Вячеслав. Чужой алтарь: Книга стихотворений. – Бишкек: Турар, 2011. – 169.

2012

Бектурганова Кулбюбю. Дочери земли кыргызской: [Очерки]. – Бишкек, 2012. – 307 с.

Белов Георгий. Ирония жизни: [Сборник стихов]. – Бишкек, 2012. – 247 с.

Битюков Аркадий. Киргизтелерадио: Страницы прошлого. Люди. Ожидания. – Бишкек: Бийиктик, 2012. – 245 с.

Бондаренко Олег. Однажды во Вселенной: Сборник слегка сумасшедших рассказов. – Саарбрюкен (Германия): YAM Publishing, 2012. – 228 с.

Время поэтов в воспоминаниях Вячеслава Тимирбаева. – М.: Орфография, 2012. – 171 с.

Дудашвили Сергей, Дудашвили Алексей. Пещеры ошских гор: [Очерки]. – Бишкек, 2012. – 186 с.: ил.

Зайцев Александр. Слоны летели на дельтоплане: Стихи. – СПб., 2012. – 38 с.: ил.

Зайцев Александр. Последний ремонт безнадежных часов: Стихи для детей. – СПб: АПИ, 2012. – 67 с.: ил.

Зарифьян Анэс. Кыргызстанские хроники: В 6 т. – Бишкек: КРСУ, 2012. –

Т. I. Из лет, которые недаром всецело связаны с Аскарком. – 522 с.

Т. II. От весенней революции до декабрьской Конституции. – 386 с.

Т. III. На те же грабли наступив, власть вызывает новый взрыв. – 428 с.

Т. IV. Послеапрельское бунтарство чуть не сгубило государство... – 386 с.

Т. V. С Конституцией восьмой – к демократии самой?.. – 394 с.

Т. VI. Сказ о том, как Кыргызстан свободный завершил период переходный. – 636 с.

Кадыров Виктор. Иная планета: Рассказы, очерки и другое. – Бишкек: Раритет, 2012. – 247 с.: ил.

Кайбылдаева Дария. Я поймала удачу: Сборник стихов. – 2-е изд. – Бишкек, 2012. – 144 с.

Койчубеков Турар. Я – гражданин двух эпох: [Документально-художественный роман]. – Бишкек, 2012. – 447 с.

Крячун Александр. Записки последнего топографа планеты. – Смоленск, 2012. – 359 с.

Кубаев Борис. Далёкие и близкие берега: Сборник путевых очерков. – Бишкек, 2012. – 207 с.

Кубаев Борис. Собеседники – студенты: [Диалоги]. – Бишкек, 2012. – 191 с.

Луговая Светлана. Голубая флейта: Стихи и легенда. – Бишкек: Салам, 2012. – 159 с.

Луговая Светлана. Розовое облако: Стихи с раскрасками. – Бишкек: Салам, 2012. – 27 с.: ил.

Луговая Светлана. Маленькие сказки: Стихи с раскрасками. – Бишкек: Салам, 2012. – 27 с.: ил.

Много языков – один мир: Литературный альманах / Сост. Н. Шульгин. – Бишкек: Турар, 2012. – 195 с.

Сорочайкина Наталья. Струны души: [Стихотворения]. – Бишкек: Илим, 2012. – 68 с.

Степанов Сергей. Азият: Стихотворения. – Бишкек: Турар, 2012. – 616 с.

Чолпонбек Базарбаев: Воспоминания современников. – Бишкек: Учкун, 2012. – 126 с.

Шагапова Нурия. Мир, которым я живу: Избранное. – Бишкек.: Илим, 2012. – 147 с.

2013

Байджиев Мар. Сказание Манас, Семетей, Сейтек: Поэтическое переложение трилогии кыргызского эпоса «Манас» / Ред. и авт. предисл. Г. Н. Хлыпенко. – Бишкек: Бийитик, 2013. – 284 с.

Дудашивили Сергей. Неизвестный Кыргызстан: В поисках абсолютной истины. – Бишкек, 2013. – 164 с.: ил.

Жернаков Валерий. Благословите женщину: [Стихи]. – Бишкек, 2013. – 77 с.

Исмаилов Чингиз. Моя маленькая принцесса: Повесть. – Бишкек, 2013. – 85 с.

Кадыров Виктор. Родиться в небесах: Рассказы, очерки и другое. – Бишкек: Раритет, 2013. – 306 с.: ил.

Камышев Александр. Записки кладоискателя: Повести, рассказы, эссе. – Бишкек, 2013. – 291 с.

Луговая Светлана. Зачарованные острова: Стихи, поэма. – Бишкек: Салам, 2013. – 175 с.

Луговая Светлана. Ключики – Ачкычтар: Стихи с раскрасками / Пер. Т. Самудинова. – Бишкек: Салам, 2013. – 34 с.: ил.

Мельников Валентин. Я пью из хрупкого сосуда красоты: Поэтический сборник. – Бишкек, 2012. – 155 с.

Мне близко: Литературный альманах. – Бишкек: Учкун, 2013. – 94 с.

Никитенко Александр. Мостовая времён: Стихотворения. – Бишкек: Салам, 2013. – 248 с.

Никитенко Александр. Переворачиваю мир: Палиндромы. – 2-е изд., доп. – Бишкек: Салам, 2013. – 423 с.

Петров Владимир. Гора, приносящая счастье: [Краеведческие очерки]. – Бишкек: Раритет, 2012. – 222 с.

Сумароков Леонид. Восхождение к подвигу: [Очерк]. – Бишкек, 2013. – 62 с.

Коротко об авторах

Вячеслав АЛЕКСАНДРОВ

Родился в Беларуси в 1947г., в семье офицера Советской Армии. Живет в Киргизии с 1954г. Окончил Киргизский государственный университет по специальности экспериментальная физика. Командовал два года мотострелковой ротой в Советской Армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем кинооператора документальных фильмов – «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор одной книги: «Азиатские Белые Горы». В «ЛК» печатается впервые.

Олег БОНДАРЕНКО

Родился в 1960 году – россиянин, проживающий с 1990-х в Бишкеке. Работает в частной компании. В качестве хобби занимается научными и философскими исследованиями. Разработал новое междисциплинарное направление, альтернативное синергетике, – нелинейный уровневый подход. Автор свыше десяти книг. Публикации в России, Кыргызстане, Японии, США (в издательстве Гарвардского университета). Для души иногда пишет рассказы. Создатель и главный редактор сайта www.literatura.kg

Валентина ВОРОПАЕВА

Профессор Кыргызско-Российского Славянского Университета, кандидат исторических наук.

Родилась в Чечено-Ингушетии, в казачьей станице Алпатово, в 1939 г. В Кыргызстане живет с 1942 г. Окончила Киргизский государственный университет. Ранее работала научным сотрудником, преподавателем Педагогического института русского языка и Бишкекского гуманитарного института. Лауреат Государ-

ственной премии Кыргызской Республики в области науки и техники, обладатель Золотой медали Международного Фонда им. Е.И. Рериха, Медали А.С. Пушкина. Автор серии научных публикаций об А.С. Пушкине, подвижниках истории и культуры России и Кыргызстана; соавтор многих учебников и учебных пособий по истории и культуре.

Анэс ЗАРИФЬЯН

Родился в г. Фрунзе в 1946 г. Окончил Киргизский госмединститут. Учёный-физиолог, профессор. Работал преподавателем, научным сотрудником в КГМИ, проректором – в КГИФК, МУК, КРСУ. В настоящее время – декан медицинского факультета КРСУ.

Поэт, бард. Автор 10 поэтических книг, песенника, двух пластинок песен, выпущенных ещё в советские времена всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», и компакт-диска «Выше голу!».

Лауреат, член жюри, ведущий творческих мастерских на многих региональных и всесоюзных фестивалях авторской песни. В 80-х годах вёл в нашем журнале рубрику о творчестве бардов «Стихи, что с музыкой слились...».

Песенно-поэтическое творчество представлено, помимо изданий, на сайтах: www.stihi.ru, www.bards.ru, www.glavmedinfo.ru.

В 1989 г. был принят в Союз писателей СССР, в настоящее время – член Союза писателей Кыргызстана.

Дмитрий САГАЙДАК

Родился в 1989 году в г. Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил школу-гимназию № 26 с углубленным изучением французского языка. В 2012 году окончил Бишкекскую финансово-экономическую академию по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Работает в аудиторской фирме.

Увлечаться поэзией начал в школе. Публиковался в газете «Слово Кыргызстана», в журнале «Литературный Кыргызстан». Ведет свой блог в сети Интернет, где публикует собственные стихи, фотографии, а также рецензии на творчество музыкальных групп.

Пишет стихи на русском, английском и французском языках.

Лауреат литературного конкурса «Золотая табуретка-2012» в номинации «За лучшее философское отражение мира в поэзии».

Увлечения: литература, фотография, рок-музыка, футбол.

Петр КУРИНСКИХ

Живописец, график, сюрреалист, поэт, музыкант, лауреат премии им. Г. Айтиева, кавалер Серебряного Ордена «Служение искусству», Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики. Член Союза художников КР, секретарь секции живописи. Окончил Фрунзенское художественное училище, отделение декоративного искусства и Московскую экспериментальную студию дизайна. Участвовал в крупных художественных выставках, состоявшихся в разные годы в Кыргызстане, в Казахстане (Алматы), России (Москва), Германии (Мильтенберг).

Андрей РЯБЧЕНКО

Родился в Бишкеке в 1991 году, студент факультета русской и славянской филологии КНУ им. Ж. Баласагына. Участник Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья-2012 (Россия, Москва, 2012), победитель Всемирного лингвокультурологического конкурса по русскому языку (Россия, Москва, 2012). Автор более десяти литературоведческих статей, опубликованных в различных научных изданиях, трёх научно-методических пособий по русскому языку для школы. Критические статьи и рецензии автора публикуются на страницах газет и журналов Кыргызстана и России. Корреспондент Международного сообщества писательских союзов в Кыргызстане. Руководитель литературного объединения русскоязычных писателей КР «ЛитКом».

Владимир ФЕДОРОВ

Среднюю школу окончил во Фрунзе в 1955 году, а в 1962 г. – Уральский госуниверситет, факультет журналистики. С этого же года работаю в системе Всесоюзного радио и Центрального телевидения (ОРТ, Первый канал, 35 лет - в программе «Время», заведующий корпунктом в Киргизии). «Заслуженный журналист Киргизской ССР», член Союза

кинематографистов СССР. Автор двадцати документальных фильмов, снятых за время работы в Киргизии в системе Госкино СССР. Среди них – «Продается на слом» (премия на престижном фестивале в немецком Оберхаузене).

В 1996 году переведен в Воронеж заведующим крупнейшим корпунктом - шесть областей Центрального Черноземья. С 2002 года переведен в Москву - специальный корреспондент столичной группы программы «Время».

Финалист премии ТЭФИ 1997 года в номинации «Лучший репортер». Награжден медалью ордена (так это называется) «За заслуги перед Отечеством» - в Кремле из рук Президента Путина.

Последние пять лет шеф-редактор службы документальных фильмов телеканала «Россия – 1». В качестве автора сделал для канала ряд документальных фильмов. В том числе «Хирург от Бога» (премия фестиваля «Радонеж») - о великом хирурге Н. Пирогове. Отмечен премией Союза журналистов России.

Георгий ХЛЫПЕНКО

Родился в 1938 году в с. Садовое Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Полвека занимается научно-педагогической деятельностью. Литературный критик. Автор многих монографий и статей. Кандидат филологических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета. Выступает с критическими обзорами художественной литературы в «Литературном Кыргызстане» с 1970 года.

Кристина УБАЙДУЛЛАЕВА

Родилась 27 ноября 1988 года в городе Ош. Первое стихотворение написала в 9 лет. В 2002 году впервые выступила со своими стихами на конкурсе, организованном Генконсульством РФ в г. Ош, и заняла I место. После этого была приглашена в литературный клуб «Вдохновение» под руководством ошской поэтессы Тамары Цыпиной. В 2006 году окончила с золотой медалью школу-гимназию № 20 и поступила в Кыргызско-Российский Славянский университет (на специальность «Филология»),

который окончила также с отличием в 2011 году. Участница творческого объединения молодых авторов Кыргызстана «Ковчег». Журналист-фрилансер. Стихи публиковались в «ЛК» и в различных поэтических сборниках.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой

Подписано в печать 31.01.2014 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 14,125 Заказ 2.

Тираж 300 экз.